
ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
Copyrighted material

Так собирают полупроводниковые приборы.

УСТ

Берег лесной биржи на реке Воложке.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

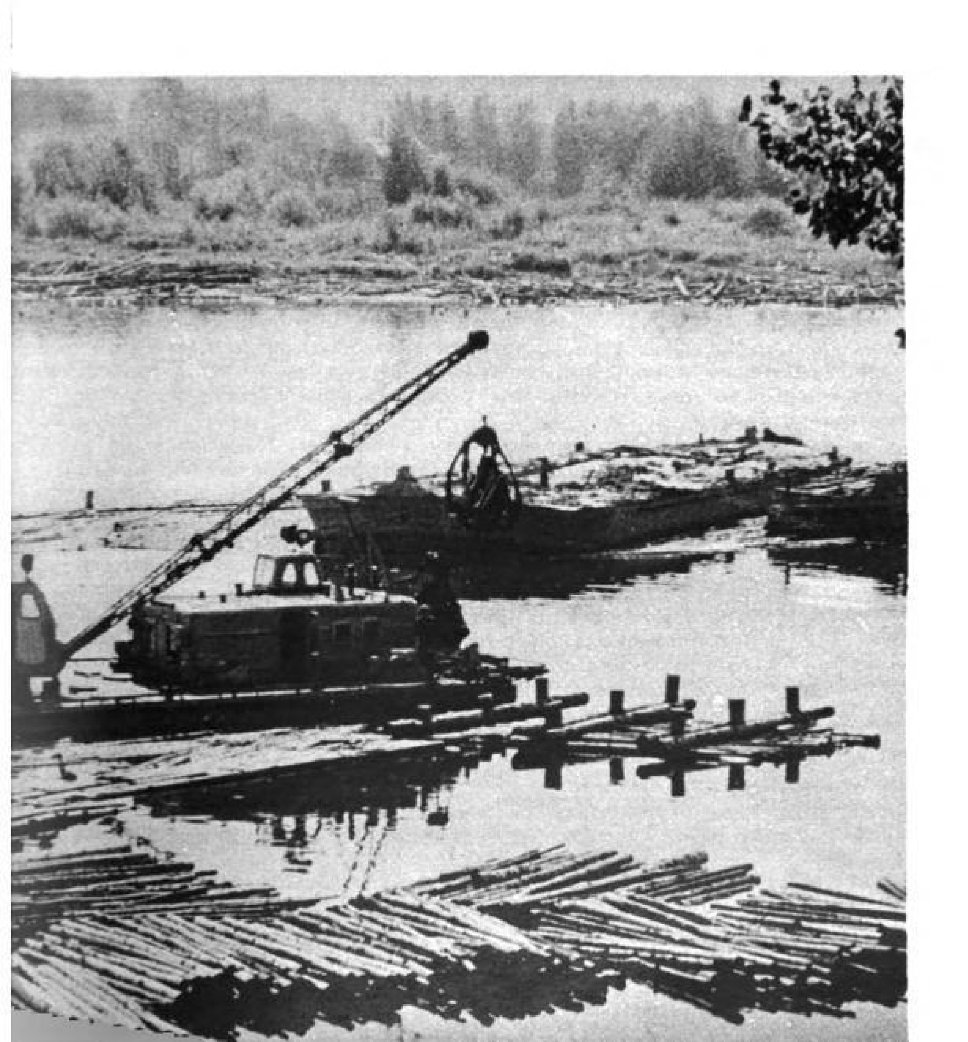
№ 43 (2260)

24 ОКТЯБРЯ 1970

Основан 1 апреля 1923 года

Йошкар-Ола — столица Марийской республики. Проспект Гагарина.

РЕМЛЕННОСТЬ

МАРИЙСКОЙ АССР — 50 ЛЕТ

Фото Б. Кузьмина.

Интервью «Огонька»

В. П. НИКОНОВ,
первый секретарь Марийского обкома КПСС

ВОПРОС. 4 ноября исполняется пятьдесят лет с того дня, когда В. И. Ленин и М. И. Калинин подписали декрет «Об образовании автономной области марийского народа». Не могли бы вы рассказать о предыстории этого декрета?

Ответ. Начну, пожалуй, издалека — с шестнадцатого века. Марийский народ — один из самых древних в Среднем Поволжье. Часть марийцев присоединилась к России, а остальные платили ясак Казанскому ханству. В 1552 году, после разгрома Казанского ханства, весь Марийский край был присоединен к России.

Шли годы. Столетие сменялось столетием, а жизнь марийцев была беспросветной. Время от времени они бунтовали, воевали под знаменами Степана Разина и Емельяна Пугачева, но восстания жестоко подавлялись, и жизнь становилась еще горше.

Изредка в наши края заезжали ученые или писатели. В конце прошлого века здесь побывал профессор из Казани Кандаратский. Вот что

ЕДИНОДУШНОЕ «ДА» ЕГИПЕТСКОГО НАРОДА

15 октября в Объединенной Арабской Республике проходил референдум по выборам нового президента. По всей стране были расклеены листовки: «Во имя претворения в жизнь принципов Гамаль Абдель Насера, во имя сохранения завоеваний народа, укрепления союза сил трудового народа, построения прогрессивного общества, укрепления внутреннего фронта, арабской нации, достижения победы — во имя всего этого скажем «да» Анвар Садату — президенту республики».

К пяти часам дня референдум закончился. Египетский народ сказал единодушное «да» ближайшему соратнику Гамаль Абдель Насера. Президентом Объединенной Арабской Республики стал видный государственный и политический деятель Анвар Садат.

Анвар Садат родился в 1918 году в крестьян-

он писал после этой поездки: «Печально настоящее этой народности, печально прошедшее и еще печальнее будущее. Черемисы в настоящее время находятся на пути к вымиранию... это вымирание не только близко, но уже наступает в очень многих деревенских обществах».

К счастью, пророчества профессора не сбылись. Грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую страницу в истории марийского народа. В июле 1920 года Первая Всероссийская конференция коммунистов мари возбудила ходатайство перед ЦК РКП(б) и ВЦИК об образовании «Марийской трудовой области».

В. И. Ленин и М. И. Калинин поддержали это ходатайство, и 4 ноября 1920 года был издан исторический декрет «Об образовании автономной области марийского народа».

Город Царевококшайск считался синонимом самого отсталого захолустья. «Дикой дырой» называл его Салтыков-Щедрин. Один дореволюционный очеркист, например, писал: «Клубов здесь не существует никаких, театров тоже... Ни одна провинциальная труппа не рискует заехать в такую глушь, как Царевококшайск».

А газета «Камско-Волжская речь» еще в 1909 году так высмеивала участие Царевококшайска в международной промышленной выставке в Казани: «Набрали валенок и отправили их туда... Вслед за валенками потащили корзины... лапти, ульи...»

Если кто-нибудь говорил о самых отсталых обычаях, о немыслимом провинциализме и косности, то просто заявлял: «Как в Царевококшайске». Именно в таком значении упоминал это название в своей политической полемике В. И. Ленин. В 1909 году, ведя острую борьбу с антипартийной группой «отзовистов», он назвал их школу на острове Капри «заграничным Царевококшайском».

Как видите, отсталость была, если так можно выразиться, образцовая — ни промышленности, ни сельского хозяйства, ни культуры. Начинать нужно было с нуля. С тем большим жаром взялся народ за построение нового общества. Самый страшный бич — неграмотность и традиционная болезнь трахома были ликвидированы уже в первые годы Советской власти. Республика покрылась сетью школ, ликбезов, больниц и здравпунктов.

Справился народ и с последствиями голода 1921 года. Помогли марийцам Иваново-Вознесенская и Костромская области, а потом и местные крестьянские хозяйства сами встали на ноги. Правда, «ноги» эти были слабые: главное сельскохозяйственное орудие — деревянная соха, да и урожаи были мизерные. Поэтому ни хлеба, ни молока, ни мяса в ежедневном рационе марийцев практически не было.

С началом коллективизации дела пошли на лад. Появились удобрения, на поля пришли тракторы и комбайны. Большую роль в победе колхозного строя сыграли первые машинно-тракторные станции: Оршанская, Новоторъяльская и Горномарийская.

Марийский край всегда славился лесами. Поэтому наша индустрия начала развиваться с освоения лесных богатств. Еще в 1932 году Главбумпром принял решение о строительстве первенца советской целлюлозно-бумажной промышленности по выработке технических видов бумаг в поселке Лопатино — ныне город Волжск. В те же годы появился Красногорский лесозавод, выросший позднее в домостроительный комбинат, Лопатинский древкомбинат, кирпичный завод «12 лет Октября».

Бурное развитие промышленности, борьба за всеобщую грамотность требовали специалистов. Решением правительства в Йошкар-Оле открываются педагогический и лесотехнический институты. Кстати, непривычно звучащее «Йошкар-Ола» в переводе с марийского значит «Красный город». Так стал называться бывший Царевококшайск.

К 1936 году создались условия для преобразования Марийской автономной области в автономную советскую социалистическую республику.

ВОПРОС. С началом Великой Отечественной войны восточные области страны приняли много эвакуированных предприятий и превратились в крупные индустриальные центры. Не относится ли это и к Марийской АССР?

Ответ. Бесспорно. Промышленное лицо республики резко изменилось: ведущей стала машиностроительная и обрабатывающая промышленность. Из Москвы, например, эвакуировался завод «Прожектор». В октябре сорок первого поступило оборудование, а уже в ноябре на фронт ушел первый эшелон с продукцией.

Позднее этот завод перерос в одно из крупнейших предприятий страны — Марийский завод полупроводниковых приборов. Начинали мы с так называемых купроксных выпрямителей — они были очень громоздкими и тяжелыми, потому что делались в основном из меди. Теперь завод выпускает приборы абсолютно надежные и миниатюрные. Не случайно их используют в транзисторных приемниках, телевизорах и т. п.

В годы войны Йошкар-Ола стала родиной многих фундаментальных открытий. Здесь был создан отечественный образец электронного микроскопа, создана люминесцентная лампа, тут заканчивал свою космическую энциклопедию «Межпланетные сообщения» один из соратников К. Э. Циолковского, Н. А. Рынин. Работал в Йошкар-Оле эвакуированный из Ленинграда Государственный оптический институт. Кстати, фотографы, пользующиеся объективом «Таир», наверняка не знают, что изобретатели назвали его именем марийского озера Таир.

Много выдающихся открытий сделали в лабораториях Йошкар-Олы академики С. И. Вавилов и А. А. Лебедев. С. И. Вавилов не забыл этих лет. В 1946 году, выступая на сессии Верховного Совета СССР, он сказал: «За годы войны в эвакуации мне пришлось довольно основательно познакомиться со столицей Марийской автономной республики — городом Йошкар-Ола. И вот за четверть века этот маленький город, оставшийся и теперь небольшим, изменился неузнаваемо... Ясно, что при дальнейшем развитии Йошкар-Ола станет важным культурным и научно-техническим центром».

Но не только в тылу работали марийцы. Свыше ста тысяч сынов и дочерей нашего народа сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Сорок пять уроженцев нашей республики стали Героями Советского Союза. З. Прохоров, К. Кутрухин и В. Соловьев повторили подвиг Александра Матросова, грудью закрыв амбразуры вражеских дзотов. Их имена навечно останутся в памяти народа.

Сейчас у нас работают 170 кандидатов и докторов наук. Промышленное лицо города представляют предприятия, выпускающие холодильные установки и витамины, полупроводниковые приборы, металлорежущий инструмент и радиодетали, искусственную кожу и мебель... Эту продукцию мы поставляем в 70 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Вдумайтесь в этот перечень: город, который шестьдесят лет назад едва наскреб для промышленной выставки несколько пар валенок, корзины и улья, поставляет свою продукцию чуть ли не всему миру!

Долгие годы серьезной проблемой была для нас подготовка национальных научно-технических кадров. Новые предприятия требовали

ской семье. Окончил военный колледж. Принимал активное участие в национально-освободительном движении и в революции 1952 года, которая проходила под руководством Гамаль Абдель Насера. Через пять лет Анвар Садат избирается вице-председателем Национального собрания Египта, а в 1960 году становится председателем Национального собрания ОАР. В 1961 и 1967 годах посещал Советский Союз во главе парламентских делегаций ОАР. В декабре 1969 года посетил Москву во главе партийно-правительственной делегации. В 1964—1968 годах, а также с 1969 года занимал пост вице-президента ОАР. Является членом Высшего исполнительного комитета ЦК Арабского социалистического союза.

Товарищи Л. Брежнев, Н. Подгорный и А. Косыгин направили Анвар Садату поздравительную телеграмму, в которой говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с избранием президентом дружественной Объединенной Арабской Республики.

Пользуемся этим случаем, чтобы еще раз выразить уверенность в том, что Вы вместе с другими верными соратниками выдающегося сына арабского народа Гамаль Абдель Насера с честью продолжите дело, которому он посвятил всю свою жизнь, и что дружба и сотрудничество, существующие между нашими странами и народами, будут крепнуть и развиваться в интересах дела прогресса, национальной независимости, мира и безопасности на Арабском Востоке и во всем мире».

К этим словам присоединяются все советские люди, питающие глубокие чувства дружбы и солидарности с египетским народом.

Н. С. Тихонов вручает Ленинскую премию Е. В. Вучетичу.
Фото Н. Ситникова (ТАСС).

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

19 октября в Академии художеств СССР председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры Н. Тихонов в торжественной обстановке вручил почетные знаки и дипломы лауреатов Ленинской премии 1970 года за создание величественного памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы в Волгограде автору проекта народному художнику СССР Е. Вучетичу, архитектору, автору проекта Я. Белопольскому, архитектору В. Демину, скульпторам В. Матросову, А. Новикову, А. Тюренкову.

Лауреатов поздравили министр культуры СССР Е. А. Фурцева, Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, президент Академии художеств СССР Н. В. Томский, председатель правления Союза художников СССР Е. Ф. Белашова, секретарь правления Союза архитекторов СССР Ю. С. Яралов.

Со словом благодарности Коммунистической партии, Советскому правительству, народу выступил от имени авторского коллектива Евгений Вучетич.

специалистов, а мы могли готовить только учителей и лесотехников. Теперь положение изменилось: в Йошкар-Оле открыт политехнический институт, а в скором времени начнет работать университет.

До революции в Марийском крае не было типографий, библиотек, клубов, не существовало профессионального искусства. Теперь марийцы читают на родном языке труды Маркса и Ленина, классиков русской и мировой литературы. На марийском языке издаются три журнала и тринадцать газет, большими тиражами печатаются произведения национальных поэтов и писателей. У нас работает три театра, филармония, около семисот клубов и домов культуры, множество библиотек.

Признание успехов Марийской АССР в хозяйственном и культурном строительстве — орден Ленина, которым награждена республика в ноябре 1965 года.

ВОПРОС. Вы упоминали о том, что в былые времена ни хлеба, ни молока, ни мяса марийцам не хватало. Дело, вероятно, не только в бедности крестьян. На песчаных землях, как говорится, не разгуляешься. Земли и климат прежние, а сельское хозяйство республики сделало гигантский скачок. Как вы, агроном по образованию, объясняете это?

Ответ. Вы правы, земли у нас действительно бедные. Но на то и существует агрономическая наука, чтобы с любого поля взять максимум возможного. Не буду сравнивать нынешние урожаи с дореволюционными: ясно, что с крошечного крестьянского поля, обработанного сохой, много не возьмешь. Сравним с 1965 годом, когда в достатке было и удобрений, и семян, и тракторов, и комбайнов. Среднегодовой сбор зерна за эти годы возрос в полтора раза, продажа государству мяса — в два, молока — почти в два, а яиц — в три с лишним раза.

Цифры, как видите, впечатляющие. А объясняется все значительным ростом культуры земледелия, улучшением семеноводства, эффективным использованием органических и минеральных удобрений и расширением мелиорации. Это и есть те резервы, искать и использовать которые призывал июльский Пленум ЦК КПСС.

Теперь о животноводстве. Мы на собственном опыте пришли к выводу, что без его перевода на промышленную основу заметного увеличения продукции не достигнуть. Например, механизированный животноводческий комплекс колхоза имени Ульянова за один год произвел свинины больше, чем все хозяйства Звениговского района. А когда в совхозе «Семеновский» построили механизированный молочный комплекс, затраты труда сократились вдвое и настолько же увеличился выход продукции.

Таким образом, главная наша задача — перевести сельское хозяйство на промышленную основу. И задача эта выполняется. Сейчас в республике семнадцать механизированных комплексов, в стадии строительства — двадцать восемь, а в новой пятилетке будет возведено сто четырнадцать.

Важно и другое. Механизированные животноводческие комплексы не только преобразовывают производство и повышают его эффективность, они вносят в сельскую жизнь большие социальные перемены: сближают город с деревней, делают крестьянский труд индустриальным. Это, кстати, незамедлительно сказалось на экономике хозяйств и на доходах колхозников: за последние годы их среднемесячный заработок увеличился на 58 процентов.

В заключение я хочу сказать, что подготовка к XXIV съезду партии и полувековому юбилею Марийской АССР вызвала в городах и селах новый трудовой подъем. С вершины пятидесятилетия мы осмысливаем пройденный путь, чтобы лучше решать новые задачи, добиваться новых успехов в коммунистическом строительстве.

Семен ВИШНЕВСКИЙ,
народный поэт Марийской АССР

ВСМАТРИВАЯСЬ В ЗЕМЛЮ

Как в ручей смотрящаяся ива,
Всматриваюсь в землю я пытливо,
Всматриваюсь, думаю в тиши,—
Мне она как зеркало души.

Мать-земля! Что может быть
дороже?
Все мы, сыновья, с ней чем-то
схожи,
Все единой связаны судьбой,
Все мы за нее ходили в бой.

Мою кровь моя земля впитала,
В ней осколки черного металла.
Все снесу — мне бури не страшны,
Только б снова не было войны...

Если с жизнью час придет
расстаться,
Что возьму с собой? Чему
остаться?
Белый сад оставлю над рекой —
Вечный труд и вечный непокой.

Хоть он мал и в нем немного
прока,
Но весной он виден издалёка.
Радует моих соседей сад
Пеньем птиц и стрекотом цикад.

Я оставлю людям радость песен.
Пусть я сам не каждому известен,
Пела их марийская земля —
Дружная бессчетная семья.

Людям книги я свои оставлю,
Те, в которых наше время славлю.
Прочитают — буду очень рад,
А не станут — сам я виноват.

У меня задумок было много,
Да не все исполнил, скажем
строго.
Все же, чем горжусь в своей
судьбе,
Я оставлю, родина, тебе!

НЕТ ЗАВИСТИ

Земля
По-осеннему ярко одета,
Как будто марийка
В свой лучший наряд.
А где-то есть страны —
Там вечное лето,
Ни вьюг, ни морозов,
Ни вешнего цвета,
Там словно бы замерло все,
Говорят.

У нас есть зима
С белым пухом гусиным,
Весна с хороводом берез
У крыльца,
Есть осень
С кострами осин по низинам,
С колхозным проселком,
Пропахшим бензином,
И хлебом, что выращен
В поте лица.

Нет зависти в сердце
К тропическим странам.
Пусть осенью
Птицы стремятся в тот край,
Но с первой капелью,
С последним бураном
Они к нашим рекам,
Лесам и полянам,
К родимым гнездовьям
вернутся —
Встречай!

Перевел Г. ПАГИРЕВ.

Успешно действовали в наступательном бою с преодолением водной преграды воины братских армий.

Трибуна парада в Магдебурге 18 октября 1970 года.

Встреча друзей — капитан Войска Польского Августен Шушкевич и командир танкового батальона венгерской Народной армии майор Иштван Зомбари.

Корабли дважды Краснознаменного Балтийского флота высаживают десант.

И. СТАДНЮК,
специальный корреспондент «Огонька»

БРАТСТВО ПО

Состоявшийся накануне учений «Братство по оружию» митинг на старой площади Альтмаркт в городе Котбусе как бы наперед придал особый политический настрой всем событиям, которыми жили в эти дни Германская Демократическая Республика и прибывшие на ее территорию воинские части братских армий. Многотысячный митинг жителей города и воинов дружественных армий горячо приветствовал Первого секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР Вальтера Ульбрихта, других партийных и государственных руководителей ГДР, а также руководителей военных делегаций союзных стран и почетных гостей. В исполнении сводного оркестра прозвучали гимны стран, армии которых принимают участие в учениях, пламенно выступили ораторы. Член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер в своей речи особо подчеркнул, что успехи в борьбе за социализм, за прочный и длительный мир могут быть достигнуты только путем всестороннего укрепления социалистического содружества государств. И клятвенно прозвучало на митинге «Солдатское слово»: «Мы, братья по классу, братья по оружию социалистической военной коалиции, участники учений «Братство по оружию», воспитанные и руководимые нашими марксистско-ленинскими партиями, зорко стоим на страже мира и безопасности наших народов и всех народов Европы». Это важное положение развил в своей речи рабочий буроугольного комбината в Зенфтенберге Альфонс Топель. Обращаясь к воинам братских армий, он сказал: «Вы носите различную форму и говорите на разных языках, но в мыслях и действиях вы едины, потому что вы братья по классу, братья по оружию».

Эти слова о братстве и единстве подкреплены, как известно, важными решениями и обязательствами государств — участников Варшавского Договора, который существует уже пятнадцать лет. Прочно сложилась стройная система управления Объединенными вооруженными силами, включая Объединенное командование, Военный совет, штаб Объединенных вооруженных сил и другие органы. Для дальнейшего развития вооруженных сил союзных стран важное значение имеет образование Комитета министров обороны организации Варшавского Договора. Руководство Объединенными вооруженными силами осуществляется по планам, коллективно разработанным братскими коммунистическими и рабочими партиями и правительствами государств — участников Варшавского Договора. Одним из важных мероприятий, намеченных согласно этим планам, явились учения «Братство по оружию».

Первый день учений выпал на 13 октября. Пришли в движение почти все виды вооруженных сил: сухопутные войска, военно-морские силы, авиация, войска ПВО, а также принимавшие участие в маневрах штабы и формирования территориальной обороны ГДР, боевые дружины рабочих и отрядов народной полиции. На нескольких важных направлениях плечом к плечу действовали в этот день воины братских армий, имея перед собой задачу — в активных боях с применением различной боевой техники прочно овладеть стратегической инициативой. Для того, чтобы накопить как можно больше опыта в совместных боевых действиях войск и штабов, Высшее командование создало довольно сложную оперативно-тактическую обстановку на всей пространственной глубине, где войскам предстояло выполнять поставленную задачу. В эту сложность внесла свою лепту и неблагоприятная погода. Туманная дымка, закрывшая утром только горизонт, во второй половине дня надвинулась со всех сторон непроницаемой стеной, ограничив видимость настолько, что мы могли наблюдать танковую атаку лишь тех подразделений, направление удара которых пролегало вблизи нашей вышки. Впрочем, картина боя нам была ясна, ибо накануне маневров мы побывали на этом полигоне, познакомились с мишенной обстановкой, с ее системой электронного управления, над созданием которого много потрудились под руководством майора Советской Армии Николая Агапова и капитана национальной Народной армии ГДР Леопольда Харри их подчиненные. И хотя густой туман весьма усложнил действия наступающих, танкисты дружественных армий во встречном бою, сочетая стремительный маневр с огневыми ударами, добились успеха.

На второй день утром наступающие части подверглись усиленным контратакам. При их отражении особенно отличились саперы болгарской Народной армии, мотострелки, танкисты и артиллеристы чехословацкой Народной армии. При этом сухопутные войска умело использовали активную поддержку военно-воздушных сил братских армий.

Не вдаваясь в анализ динамики проведенных боевых действий, хочется отметить, что маневры «Братство по оружию» с особой силой выявили одно важное обстоятельство. Они показали, что, несмотря на своеобразие традиций и обычаев каждой армии в отдельности, на какие-то различия в формах и методах воспитания воинов, на разницу в объеме боевого опыта, особенно опыта штабной работы в боевых условиях, все армии, вместе взятые, вдохновленные единой идеей ответственности за защиту завоеваний социализма, верные своему интернациональному долгу, составляют на учениях единый монолитный войсковой организм, способный во имя мира и безопасности народов решать самые сложные комплексные боевые задачи. Весь дальнейший ход маневров на территории ГДР — ярчайшее тому доказательство.

Как известно, наиболее трудно вести наступательные действия, когда на пути войск встают широкие водные преграды. Мы были свидетелями, как одну из таких преград успешно форсировали танковые подразделения Войска Польского, поддержанные мотострелками чехословацкой

Жители Магдебурга приветствуют участников парада семи дружественных армий.

ОРУЖИЮ

ИЗ РАЙОНА УЧЕНИЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СТРАН — УЧАСТНИЦ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

Фото В. Чиликина и Н. Акимова (ТАСС).

Народной армии и авиацией дружественных армий. Это была весьма сложная и в то же время лихая, стремительная операция с применением плавающей боевой техники, с преодолением танками реки под водой, с наведением наплавных мостов, с использованием для захвата берегового плацдарма крупного вертолетного десанта и, естественно, с мощным артиллерийским и воздушным обеспечением.

После захвата и закрепления плацдарма на противоположном берегу широкой реки в бой вступили главные силы объединенных войск. А вечером, в условиях ограниченной видимости, они продемонстрировали четкое взаимодействие авиации, ракетных войск и артиллерии.

В один из последующих дней «противник» сконцентрировал на севере района маневров мощную группировку с целью возобновления наступательных действий. Объединенное командование под руководством министра национальной обороны ГДР генерала армии Г. Гофмана приняло решение незамедлительно обрушить здесь на «противника» комбинированный удар с суши, с моря и с воздуха. В центре внимания руководителей учений оказалась высадка морского десанта, началу которой предшествовали удары с воздуха польской и советской авиации и огневой натиск сил корабельной поддержки. При этом весьма эффектно действовали тральщики и противолодочные корабли братских флотов, которые проделали проходы для высадки десанта. Меткостью стрельбы из современного оружия отличились быстроходные катера.

«Противник» тоже не сидел сложа руки. Активно противодействовала его авиация, и методично наносились по десанту ракетные и торпедные удары. Но десантному отряду удалось отразить атаки «противника» и приблизиться к берегу... Распахнулись носовые створки у кораблей, спустились аппарели, и в воду вошли плавающие танки, сразу же открыв прицельный огонь.

После захвата берегового плацдарма десантники, четко взаимодействуя с другими родами войск, овладели аэродромом «противника», завершив этим операцию на севере района маневров.

Последующие дни учений характеризовались все возрастающей масштабностью решения войсками оперативных задач. Вначале главные события переместились в центральную часть района маневров, где завязались упорные бои, а затем на юг, где армии семи союзных стран, сломив оборону «противника» на широком фронте и введя в бой вторые эшелоны, устремились в глубину.

Заключительный день маневров начался десантированием с воздуха советских войск, которые были доставлены к месту выброски за многие сотни километров. В этой отлично выполненной операции, несомненно, сказался опыт, накопленный советскими десантниками на учениях «Днепр», «Двина» и других. При поддержке авиации приземлившиеся подразделения и их тяжелая техника заняли боевой порядок и перешли в наступление. Затем мы продолжали наблюдать завершение боевой операции на полигоне, где принимали участие в сражении соединения, части, органы управления семи армий стран Варшавского Договора. Совместными наступательными действиями танковых батальонов Советской Армии, ННА ГДР, венгерской Народной армии и Войска Польского во взаимодействии с выброшенными с воздуха болгарскими и чехословацкими десантниками, при поддержке советской авиации силы «противника» были окончательно расчленены и уничтожены.

На протяжении всех учений постоянно ощущалось четкое и мобильное управление войсками. Штабы в своей оперативной деятельности проявляли способность не только быстро принимать и доводить до войск боевые решения, но и умение предугадывать ход событий, учитывать и анализировать множество явлений, а также активно влиять на их развитие.

Здесь же, на полигоне, состоялся митинг, посвященный успешному завершению учений, на котором Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР В. Ульбрихт наградил ценными подарками воинов каждой братской армии, отличившихся на учениях. Беседуя с советскими солдатами, сержантами и офицерами, В. Ульбрихт подчеркнул, что Советская Армия является ведущей силой в организации Варшавского Договора, что у нее учатся все другие армии.

* * *

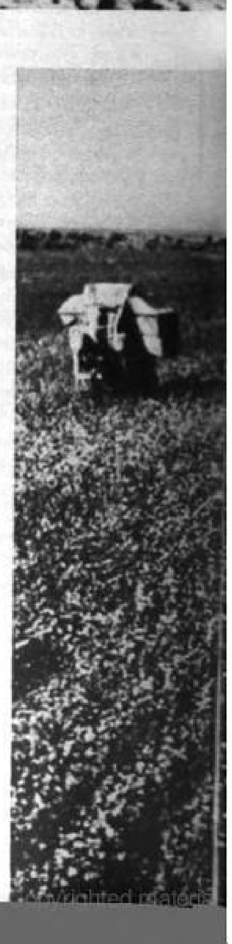
На второй день после завершения учений, 18 октября, в Магдебурге состоялся парад семи дружественных армий. Десятки тысяч жителей города вышли на улицы. На главной трибуне — Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Вальтер Ульбрихт, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР Вилли Штоф, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер и другие партийные и государственные руководители ГДР, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора, Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза А. А. Гречко, а также руководящие деятели братских армий социалистических стран. К участникам парада обратились с речами Вальтер Ульбрихт и Маршал Советского Союза И. И. Якубовский. Высоко оценив прошедшие учения, они отметили, что неуклонно растет оборонная мощь стран Варшавского Договора и крепнет дружба народов социалистических стран.

Затем состоялась церемония прохождения войск и могучей боевой техники братских армий.

ИДЕТ ПРЕДСЪЕЗДОВСКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

ГУЛИСТАН — ЭТО КРАЙ ЦВЕТЕНИЯ

Трудящиеся Советского Союза! Достойно встретим XXIV съезд Коммунистической партии! Выше знамя предсъездовского социалистического соревнования за досрочное выполнение годового и пятилетнего планов!

Из Призывов ЦК КПСС к 53-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

Бескрайнее поле и машины! Взгляните на эти фотографии, и вы получите некоторое представление о том, что такое сегодня Голодная степь. По завету Ленина эта некогда гиблая земля преображена в Край Цветения, «Гулистан». Кстати, так именуется областной центр Голодностепья. Советская власть, люди, техника сделали свое дело. Гиблая в прошлом земля дарит труженикам республики драгоценный хлопок-сырец.

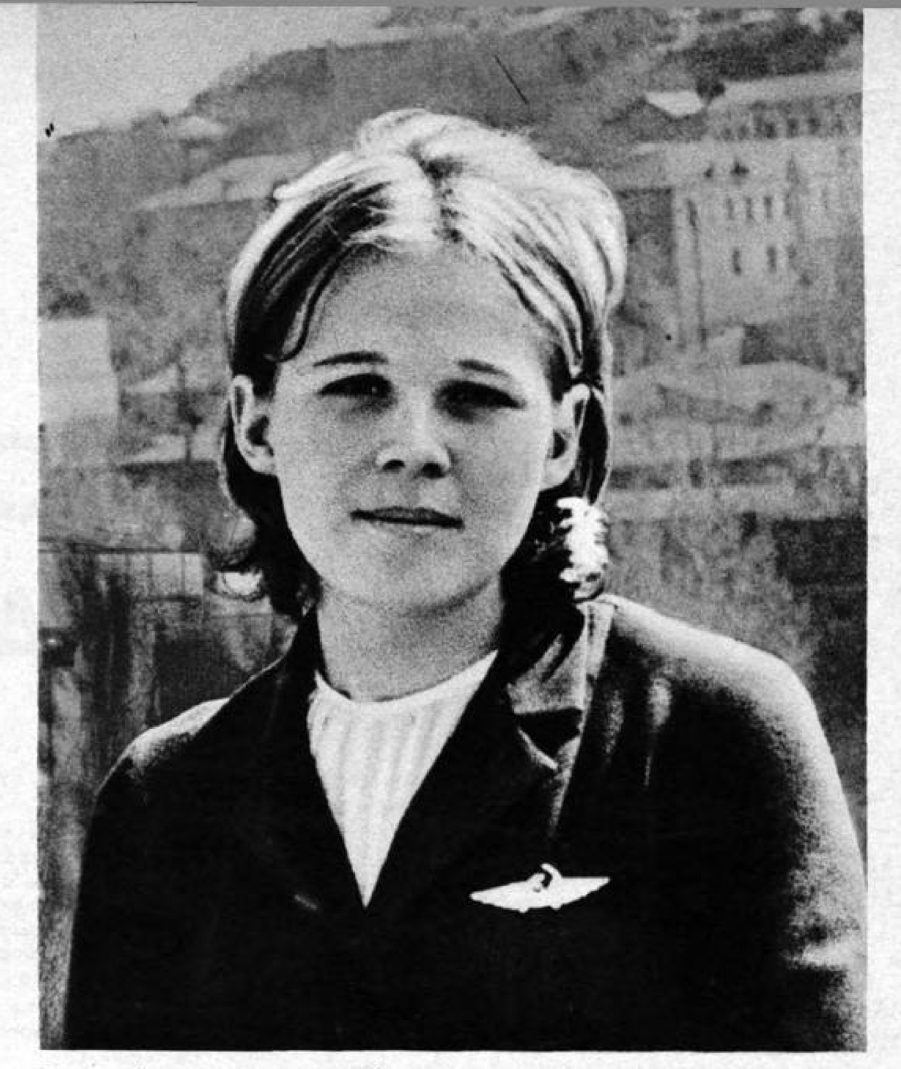
В нынешнем году здешние хлопкоробы обязались сдать государству не менее 200 тысяч тонн белого золота. Это их вклад в те 4 миллиона 400 тысяч тонн хлопка-сырца, которые Узбекистан готовит в подарок XXIV съезду КПСС.

— Название «хлопок», наверное, происходит от слова «хлопоты»,— шутит бригадир Нурун Бердыбаев из целинного совхоза № 6 имени Г. Титова.— Чтобы вовремя убрать с поля все это богатство, мои джигиты спят всего по три-четыре часа в сутки: с каждого гектара собирают по 35 центнеров, а таких гектаров 130...

Голодностепье сегодня — край высокомеханизированного хлопководства. Две с половиной тысячи хлопкоуборочных голубых кораблей днем и ночью плывут по его белопенным волнам. А на заготовительных пунктах все растут и растут бунты первоклассного хлопка-сырца...

Вяч. КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»
Фото А. Горокрика.

Вот такой светловолосой, доброжелательной, красивой запомнят советские люди Надю Курченко, комсомолку, юную патриотку нашей страны.

БЕССТРАШИЕ И ПАТРИОТИЗМ

Как все это было — уже сообщали наши газеты. Здесь — лишь свидетельства пассажиров этого самолета.

Рассказывает москвич юрист Юрий Борисович Кудрявцев:

— Над самыми передними креслами, справа (их занимали двое), загорелся сигнал вызова бортпроводника.

Курченко увидела сигнал, подошла, приветливо и доверчиво наклонилась. Один из пассажиров что-то сказал ей и протянул конверт. Она неторопливо взяла его. Затем стремительно повернулась и кинулась к двери, ведущей в багажный отсек. Но один из бандитов рванулся вслед — втолкнул ее в дверь и сам ворвался за ней. Второй, моложе, стал спиной к двери и, держа в левой руке обрез, а в правой гранаты, сказал: «Кто поднимется, взорву самолет...» И в это мгновение за переборкой прозвучал выстрел — тот самый роковой выстрел, что и сразил Надю Курченко. Она только успела крикнуть: «Нападение!»

— Между тем машина продолжала выделывать такие пируэты, что и представить невозможно,— рассказывает москвич Евгений Николаевич Бабаев.— Она заваливалась то на один бок, то на другой — экипаж самолета пытался сбить бандитов с ног. И едва ли не каждому маневру вторили выстрелы. Потом мы узнали: один из членов экипажа, штурман Валерий Фадеев, тяжело ранен, командир корабля Г. Л. Чахракия ранен, потерял сознание. Второго пилота Сулико Шавидзе спасло кресло, в спинке которого застряла пуля. В бортмеханика Оганеса Бабаяна тоже стреляли — пуля обожгла тело.

Через несколько минут самолет выровнялся, чуть поднялся. Пилоты приняли то единственное решение, которое спасло жизнь пассажиров. Самолет шел на посадку. Он подрулил почти к самому зданию аэровокзала. Мы оказались в Турции, в Трабзоне.

К самолету уже подъезжала медицинская машина аэропорта, подходили служащие. С предосторожностями вынесли тяжелораненого Фадеева. Летевшая этим же рейсом Зинаида Ефимовна Левина, врач, была уже рядом. Она ладонями своих рук зажала его рану, чтобы в нее не попадал воздух, чтобы приостановить кровотечение.

Врач-рентгенолог из Гродненской области проявила лучшие качества, присущие советскому человеку, советскому медику. Она сразу же решительно потребовала, чтобы вместе с ранеными в качестве сопровождающей в санитарную машину, а затем и в госпиталь взяли и ее. Едва осмотрев раненого, она поняла, что только немедленное переливание крови может его спасти, и дала свою кровь. Лишь после того, как все возможное было сделано, Левина отошла от Валерия Фадеева...

Пассажиров самолета разместили в гостинице. А ночью позвонили из госпиталя: раненому стало хуже, немедленно требовалось еще одно переливание крови. Четверо пассажиров сразу же отправились в госпиталь. У одного из них группа крови соответствовала группе крови раненого. Вскоре из госпиталя сообщили — состояние Фадеева лучше.

...Днем в Трабзоне приземлился еще один советский самолет — он прилетел за пассажирами рейса № 234. Из здания вынесли гроб с телом Нади Курченко. На его крышку чья-то рука положила букетик цветов. Самолет поднялся в воздух. А еще через день домой вернулся и «АН-24», совершивший трагический рейс Батуми — Трабзон — Батуми, рейс, который стал испытанием мужества и советского патриотизма.

В эти дни со всех концов страны доносятся гневные слова советских людей: «Требуем выдачи бандитов, сурового их наказания по советским законам».

К. БАРЫКИН, И. ТУНКЕЛЬ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото М. САВИНА.

ЛАДОГА РАБОТАЕТ

Морской паром «Норильск» отправляется в свой обычный рейс. Четырнадцать парней во главе с капитаном Федором Ивановичем Зезюлиным идут на ладожскую трассу расставлять буи, восстанавливать ослабевшие на них огоньки, сменять потрепанные штормами вехи. Они, как путевые обходчики, день и ночь в заботах. В дождь, туман, шторм они всегда на водной трассе...

Рокочут, бьются о гранитные скалы волны Ладожского озера. Русским морем называли его в давние времена. Десятки рек впадают в этот огромный бассейн. И лишь одной Неве отдает Ладога долю своих вод.

Северная природа тысячелетиями искусно трудилась, чтобы создать неповторимое по своей пленительной красоте ожерелье самого большого в Европе озера: кружева сотен островов, разделенных лабиринтами фиордов, бухт, заливов, гранитные утесы, причудливые отвесы скал, уютные, спокойные островки в глубине заливов. А на севере — рассыпанные по берегам, точно зерна, разбросанные сеятелем из лукошка, точеные валуны. Разнохарактерен нрав Ладоги: то буйный, то спокойный и ласковый, иногда по нескольку раз в день штиль сменяется штормом.

Сказочные эти места воспеты поэтами, художниками, композиторами. «Мы теперь только что шляемся под дождем и под ветром, ходим смотреть волны,— писал Иван Иванович Шишкин, не раз приезжавший на остров Валаам.— Да, действительно, я до сих пор еще ничего подобного не видывал, даже и вообразить-то не мог. Страх, что такое, хлещут в скалы вверх сажень на восемь, на глубине восьмидесяти сажень — есть где разгуляться и пространство от ближнего берега верст семьдесят...» Остров Валаам с высокими скалами, поросшими вековыми соснами, в окружении просторов Ладожского озера, когда-то был своеобразной лабораторией пейзажной живописи. Изображение его природы входило в программу воспитанников пейзажного класса...

Суровая красота северной природы пленяла и Архипа Ивановича Куинджи. Его картину «На острове Валааме» высоко ценил Илья Ефимович Репин. Лесистые острова Валаамского архипелага видали в своих зарослях М. К. Клодта, Н. К. Рериха, Ф. А. Васильева. Летом 1866 года Петр Ильич Чайковский, путешествуя по Ладожскому озеру с поэтом А. Н. Апухтиным, несколько дней жил на Валааме. «Угрюмый край, туманный край» — так озаглавил композитор одну из частей своей Первой симфонии.

По местам этим ныне проходят маршруты тысяч и тысяч путешественников. Едва сойдут они с корабля на берег острова Валаам, как тут же спешат в глубь заповедника, чтобы побродить по заросшим тропам, подняться на колокольни скитов, полюбоваться шедеврами древнерусской архитектуры. А голос гида напомнит про историю совсем еще недавнюю — вот они, развороченные, поросшие мхом бетонные основания артбатарей. Следы войны, четверть века назад бушевавшей в этих поэтических местах.

Оставим туристов в приятном созерцании красот северной природы и вернемся к нашим друзьям — к парням с «Норильска». На борту его—газобаллоны, электрические батареи, многотонные ковши землечерпалок, сплетенные из тонких полосок дерева разноцветные вешки, тяжелые стальные цепи.

«Норильск» вышел в открытое озеро. Шторм усиливался, но широкодонный паром устойчиво покачивался с бока на бок. Впереди мигал огонек белоснежного буя. Вплотную подошли к нему. И тут началась на первый взгляд простая, будничная, но далеко не безопасная операция. Первый помощник механика по электрооборудованию Алексей Алексеевич Костров положил в карман батарейки и, точно спортсмен перед стартом, стал выбирать выгодную позицию, чтобы шагнуть с парома на пляшущий по волнам буй. Матросы подтянули его баграми вплотную к борту и попытались удержать. Но, увы, безуспешно. Волны свирепо рванули буй в сторону, и занесенная было для прыжка нога Кострова так и повисла над водой. Матросы снова поймали буй, снова зацепили его, и тут уж Костров в какую-то долю секунды уловил удобную позицию и прыгнул на буй. Прыгнул и закачался вместе с ним на воде. На фоне бушующего озера, в кромешной тьме, выхваченный из нее светом прожектора, Костров выглядел каким-то факиром. Буек раскачивался на волнах, как ванька-встанька, холодные ладожские волны обдавали помощника механика с ног до головы, но он, ловко жонглируя, продолжал свое дело...

В вахтенном журнале обо всем этом было записано коротко: «Подошли к северо-суховскому бую. Горит слабо. Сменили батареи. Восстановили нужную яркость света». А паром пошел дальше, оставляя за кормой в непроглядной тьме ярко мигающий огонек.

Утром отдали якорь у зюйдовой вехи. За дело принялись помощник прораба Виктор Васильевич Коннонов и старпом Юрий Григорьевич Пудров. Замерили глубину. Соответственно подобрали цепь, лишнее отсекли. Один конец привязали за крюк двухсоткилограммовой бетонной глыбы, другой — приковали к вехе. Пудров спокойно, сосредоточенно собирает веху. Четверть века он ходит на разных судах, вот уже несколько лет плавает на своенравной Ладоге. Школа большая, многому научила.

Стрела корабельного крана бережно подняла веху с грузом. Ловко направляемая ладонью старпома, она повисла за бортом. Взмах рукой — и груз пошел на дно. И вот уже приветливо закачалась на волнах, кланяясь в сторону парома, красноцветная вешка — надежный ориентир судоводителя.

«Норильск» точно выдерживал заданный курс. Мы уже хотели было спуститься в отведенную нам каюту, когда Федор Иванович Зезюлин пригласил подняться на капитанский мостик.

— Осиновец! — объявил вахтенный.

Легендарный район. Свечой вытянулся к небу Осиновецкий маяк. От деревни Коккорево, что рядом с Осиновцом, у Вагановского спуска, по Шлиссельбургской губе Ладожского озера, в каких-нибудь 12—13 километрах от вражеских позиций, на противоположный берег, к деревне Кобона, была проложена первая нитка знаменитой ледовой трассы. Фашисты, несмотря на все предпринятые ими яростные атаки, так и не смогли безраздельно овладеть Ладожским озером.

Слева, по ходу парома, вырисовывается башня Суховского маяка, построенного еще в петровские времена. Гарнизон этого маленького искусственного островка геройски прикрывал от фашистов ладожскую коммуникацию, по которой шло снабжение осажденного Ленинграда. Однажды, поздней осенью, враг решил взять Сухо приступом. Но дозорные корабли нашей флотилии вовремя обнаружили десантные суда. Завязался жаркий бой, перешедший в рукопашную схватку. Защитники Сухо, поддержанные авиацией, разгромили фашистов и до последнего дня навигации надежно прикрывали ледовую трассу, символически названную благодарными ленинградцами «Дорогой жизни».

...Паром бросил якорь. Спустили мотобот. Мчимся в бухту Осиновец. Мирная жизнь. Рыбаки перегружают на пирсе ящики с ладожским сигом. Ребятишки, забросив удочки, не сводят глаз с поплавков, ждут клева. Будто эти берега никогда и не знали огненных сражений. Но стоит удалиться от озера, и сразу многое напомнит о пережитом.

Гранитные столбы. На каждом высечены цифры, обозначающие километры дороги, по которой мчались машины с продовольствием. На огромных бетонных плитах — устремленные к небу рельсы: «1941—1945. Эти грозные годы запомни. Здесь проходила «Дорога жизни». Мужеством храбрых спасен Ленинград. Павшим героям бессмертная слава».

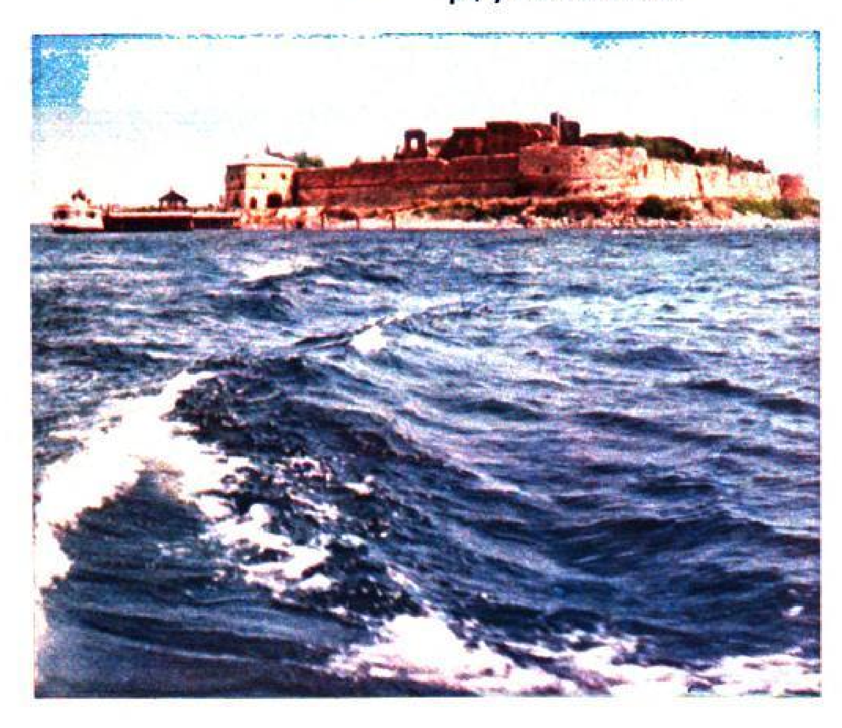
«Цветок жизни» из каменных лепестков. Это памятник детям блокадного Ленинграда, тем, кто сбрасывал с крыш фашистские «зажигалки», работал на заводах вместе со взрослыми, кто умер от голода и погиб под бомбежкой на Ладожском озере. «Во имя жизни и против войны — детям, юным героям Ленинграда, 1941—1944 годов».

Да и сам Осиновецкий маяк — памятник тех лет. Он был ориентиром для героев Ладожской трассы, наблюдательным пунктом и убежищем от вражеских налетов. Он словно руку подавал тем, кто по льду вел машины с мукой, он будто подбадривал их: еще немного, еще немного, берег близко!

Голодный, обессиленный, поднимался каждые сутки зажигать фонари смотритель маяка Иван Антонович Кузнецов. 360 крутых ступенек вверх, 360— вниз. Фундамент маяка на три метра углублен в землю. И тем не менее, когда начиналась бомбежка, здание маяка раскачивало, как машину на ухабах. Наверх вместе с Иваном Антоновичем поднималась его жена, Мария Антоновна. Теперь

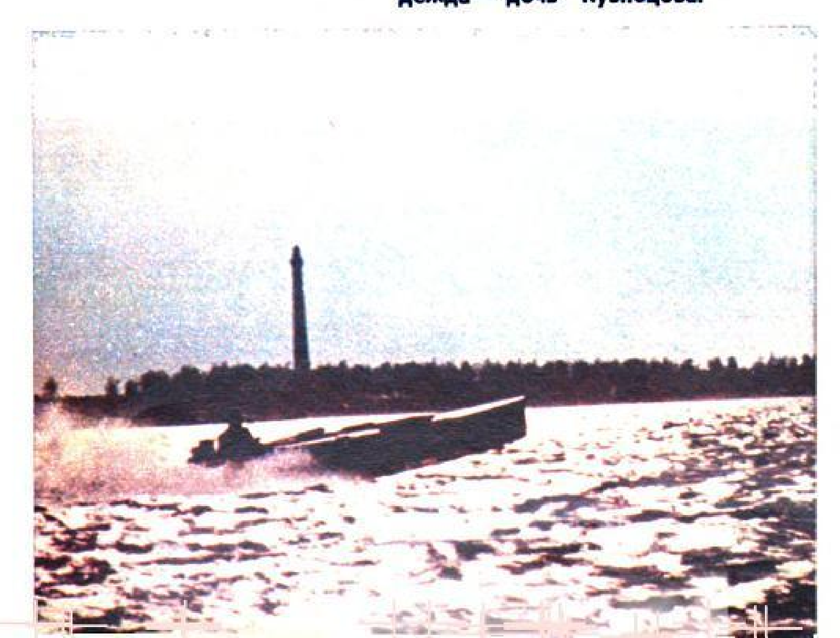
Эти грозные годы запомни!..

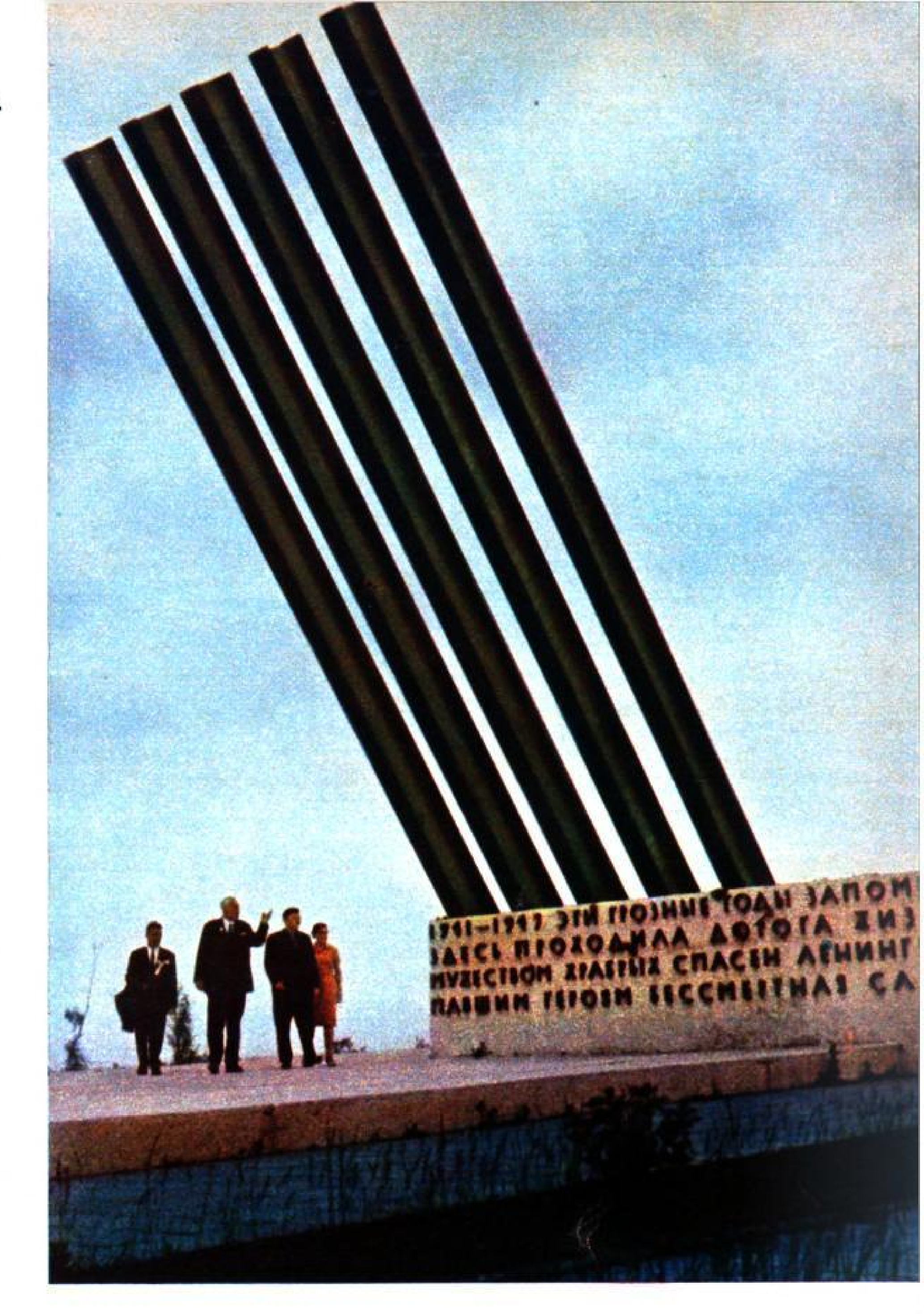
Петрокрепость на берегу Ладожского озера, у истоков Невы.

Вахту на Осиновецком маяке несет Надежда — дочь Кузнецова.

Капитан теплохода «Родина» Михаил Александрович Исаев.

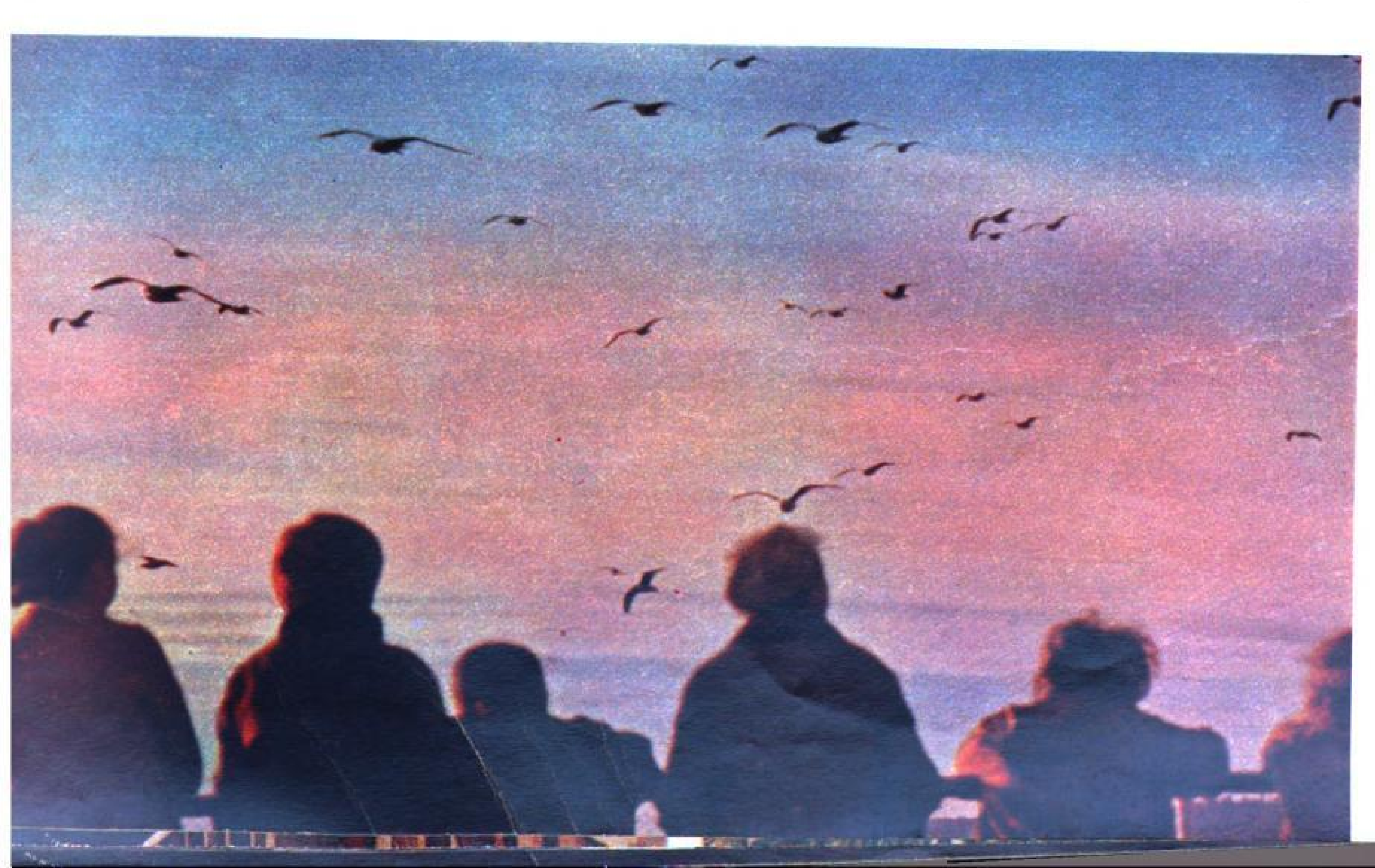
Высоко в небо свечой уходит маяк.

В ожидании клева.

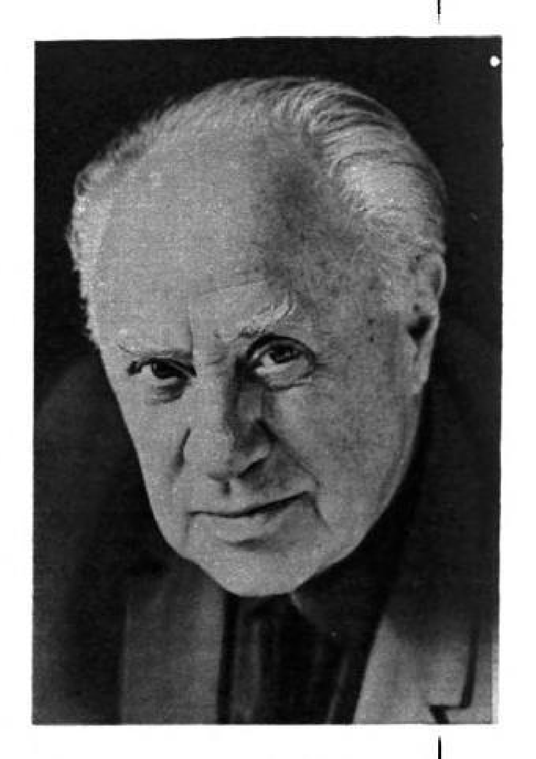

Пассажирский лайнер входит в бухту.

И какое же море без чаек...

АРТИСТИЗМ И ПРАВДА

С книжной полки смотрит на меня довольно объемистый том. «Жизнь — театр — кино»... И каждый раз мне хочется, как другу, улыбнуться этой книге, вернее, улыбнуться Михаилу Ивановичу Жарову, которого я знаю с детских лет. Этот большой, добрый и добродушный человек, близкий друг моего отца, Рубена Симонова, стал и моим другом; всегда я гордился тем, что знаю лично Жигана в «Путевке в жизнь», Меншикова в «Петре Первом»...

Не только в кино, но и на сцене театра меня поражает всегдашняя способность Жарова целиком захватывать зрителей, как бы вырывая их из их собственной жизни и заставляя жить жизнью иной — жизнью его героев, заставляя становиться участниками тех событий, в чью суть, в чью атмосферу властно погружают образы Жарова.

Эти образы и есть тайна творчества, тайна, которую нельзя до конца разгадать, тайна артистизма и правды, слитая воедино и принадлежащая одному лишь актеру...

Первое артистическое испытание, о котором шутя рассказывает сам Михаил Иванович, пришло в... пять лет, когда пришлось ему однажды изображать снежную бабу. Вовсе не весело было сидеть в сугробе, подчиняясь «гримерам», облеплявшим его с ног до головы мокрым снегом, который залезал за воротник и холодными струйками стекал по спине. Но малолетний «артист» терпеливо выносил эту пытку в сугробе, не шелохнувшись, боясь разрушить «вылепленный образ»...

Сын типографского рабочего, Жаров в детстве не мог часто бывать в театре. Первые «театральные» его впечатления связаны с дворовыми шарманщиками, фокусниками, бродячими музыкантами... Особым, долгожданным счастьем были для мальчика редкие походы в цирк. Жил он, как в большинстве бедных московских семей: зимой учился, а летом приходилось работать, помогая отцу кормить семью... Решила артистическую судьбу Жарова работа в книжном магазине на Большой Дмитровке: здесь он начал запоем читать, а потом всюду «разыгрывал» прочитанное — и дома, и на улице, и один, и с товарищами. Все то, что увлекало его в книгах, он превращал в образы, увлеченно вживаясь в радости и горести героев. Так рос актер, неповторимый, великолепный, знающий свой народ и его интересы не понаслышке...

Правда жизни присуща ему органично. Поэтому-то Жаров и принадлежит к числу тех людей в искусстве, которые являются для нас обязательно—хотят они того или не хотят — учителями.

Актерские уроки Михаила Ивановича Жарова дали мне как режиссеру неизмеримо много. В Малом театре, где мы вместе работали над спектаклями «Страница дневника», «Мои друзья», «Джон Рид», я смог глубже приобщиться к той заветной жизненной глубине, к той подлинной правде, которая отличает творческий почерк большого артиста, его главную, сокровенную тему в искусстве, которую несет он всю жизнь с неувядаемой яркостью и силой.

Жизнь Жарова, художника-коммуниста, замечательного мастера сцены и экрана,— это сама история сценического искусства нашего времени, сама история русского советского театра и кино. Тем более дорого нам то, что свое семидесятилетие наш Жаров встречает таким бодрым, полным сил, продолжая блистательно творить эту историю.

Е. СИМОНОВ,
народный артист РСФСР

она сама стала смотрителем маяка, а восемнадцатилетняя дочь Надежда — ее помощница. Иван Антонович ушел на пенсию, но остался таким же неугомонным. Водит сюда школьников. Во дворе стоит кузов автобуса. Внутри — музей. Это тоже для ребят. Они приходят посмотреть на газеты и плакаты того времени, фотоснимки и карту, сбереженные Иваном Антоновичем.

...Засветло мы подошли к противоположному берегу, к деревне Кобона. Отсюда с пирсов и складов брали шоферы продовольствие и под обстрелами везли его на Осиновец. Все это известно третьему штурману «Норильска» Василию Тимофеевичу Андрееву не только по рассказам. Совсем недавно врачи извлекли из глаза малюсенький осколок, который долго оставался неуловимым. Шестнадцатилетним мальчишкой Андреев работал в Тихвинском аэропорту. Потом его послали в Кобону, на «Дорогу жизни». Чем только не занимался! Ковал лошадей, которые по Ладоге на санях возили грузы, эвакуировал ленинградцев в тыл. Жил в церкви: лучшего убежища от артобстрелов нельзя и придумать.

Мы стоим на палубе парома и наблюдаем за судами, проплывающими мимо Кобоны: что везут, куда путь держат? Капитан парома помогает выйти на радиосвязь. С «Балтийска-30» отвечают: «Из Италии — на Волгу. Взяли оборудование в Генуе. Везем в город Тольятти на Волге». Следом идет «Балтийск-15». Вышел из Бремена и направляется в иранский порт Пехлеви.

— «Сормовский-12» слушает. Капитан Соколов.

— Если не секрет, что везете?

— На Каспийском взяли жмых, идем в Швецию.

Радируют с танкера «Волгонефть-68»: «Идем из Кеми в Куйбышев за нефтью». Прошел «Балтийск-46». Заметно торопится. По радио узнаем: везет ценный груз из Гавра в Москву. Шторм задержал на сутки, наверстывает потерянное время. Навстречу плывет из Венеции на Волгу «Балтийск-31».

На нашем пути встречаются грузовые теплоходы, танкеры, трехдечные комфортабельные пассажирские лайнеры. Освоение Волго-Балтийского речного пути расширило связи Северо-Западного края с районами Центра, Поволжья, Урала, Донбасса, Северного Кавказа. Через древнее Ладожское озеро проходит оживленнейшая грузовая сквозная, без перевалочных баз, трасса «Река — Море». На смену паровому флоту пришел дизельный, крупнотоннажный. Речным капитанам, механикам, штурманам пришлось переучиваться, кончать еще и «мореходку», стать, так сказать, дважды дипломированными специалистами. Современные грузовые теплоходы, развивающие высокие скорости, идут из озера в порты Западной Европы, Африки, Ближнего Востока. Везут руду, лес, цемент, нефть, химические удобрения, машины, станки. Далеко смотрели древние поселенцы, назвав озеро Русским морем.

Следуя «Дорогой жизни», мимо легендарных островов, экипажи кораблей салютуют героям Великой Отечественной войны. Салютуют:

бойцу-коммунисту Ф. П. Кокореву. Всю зиму он неотлучно жил в палатке на ледовом поле, наблюдая под вражеским огнем за торошением льда. Стоя по пояс в ледяной воде, забивал сваи, наводил деревянные мосты через трещины;

водителю автомашин А. С. Цыхановичу, перевозившему по ледовой трассе голодных ленинградских ребятишек. В тридцатиградусный мороз он снял с себя шинель, телогрейку и укрыл ребят, а сам несколько часов сидел за баранкой в одной гимнастерке;

командиру эскадрильи 13-го истребительного полка А. Г. Белоусову: сражаясь в небе над Ладогой, он лишился обеих ног, но после госпиталя снова вернулся в родной полк и вновь — в бой;

водолазам-эпроновцам во главе с мужественным контр-адмиралом Ф. И. Крыловым. Они за одну зиму под обстрелами и бомбежками подняли со дна озера свыше ста затонувших автомашин, тракторов, орудий, танков;

комсомолке-военфельдшеру Ольге Писаренко. Она ни на один день не покидала свою палатку на седьмом километре ледовой дороги, оказав медицинскую помощь 38 тысячам солдат и эвакуируемым ленинградцам;

бойцам полка, действовавшего под командованием офицера А. Королева. Окопы этого полка, сооруженные из снега, льда, дерева, соединялись проходами, сложенными из ледяных глыб. «Ледяной» стрелковый полк зорко оберегал «Дорогу жизни».

Не счесть таких героев. Их тысячи.
...Верны народу, долгу и Отчизне,
Через торосы ладожского льда
Отсюда вы вели Дорогу жизни,
Чтоб жизнь не умирала никогда.

...Ладога живет, Ладога работает. Но люди не забывают базы военных лет.

...«Норильск» взял курс на свою базу — к Петрокрепости, где у выхода Невы из Ладожского озера, разделяя ее на два рукава, стоит островок с полуразрушенными стенами древней русской крепости. Ее бомбили с воздуха, обстреливали с земли. Шестнадцать месяцев моряки-балтийцы, артиллеристы 409-й отдельной батареи, насмерть стояли здесь, преграждая путь вражеским войскам, прикрывая движение автомашин по «Дороге жизни»...

Американский «джи ай» и сайгонский солдат на посту в центре Сайгона.

Женщины из вспомогательного корпуса армии США всем своим видом напоминают ненавистных членов гитлеровского «Союза немецких женщин», спесиво расхаживавших некогда по городам оккупированной фашистами Европы. Они приехали сюда добровольно — на заработки и ради приключений.

Улица Ту До, бывшая Катина, в центре Сайгона. Как обычно, она перегорожена спиралью Бруно и охраняется войсками и полицией.

САЙГОН: ВСЕ ПРОДАЕТСЯ...

Моника ВАРНЕНСКА

Фото автора.

Известная польская писательница Моника Варненска в качестве пресс-атташе Международной комиссии по наблюдению и контролю во Вьетнаме провела несколько месяцев в Сайгоне. О своих впечатлениях она рассказывает в публикуемом очерке.

Моника Варненска на одной из улиц Сайгона.

СТРАНИЧКА ИЗ БЛОКНОТА

Вот уже второй раз попадаю я в этот город. «Ах, так ты уже была в Сайгоне?» — могут спросить читатели. И да, и нет...

Помню тревожную ночь в самый разгар периода дождей. Ливни совсем размыли дороги. Бурая, илистая вода залила тропы. В джунглях резко пахло мокрой зеленью и гниющей листвой. Могучие высокие деревья образовывали ущелье, где сводом были тесно переплетающиеся ветви и лианы. Ночные птицы вели между собой долгий и беспокойный разговор. Как только прекратился дождь, цикады и сверчки вновь начали свой пронзительный концерт. Откуда-то из тьмы донеслось глухое эхо артиллерийской канонады. И часто сквозь этот глухой гул, подобно контрапункту, гремел мощный взрыв авиабомбы. Мы шли тогда по едва различимым тропкам, а порой вплавь переправлялись через бурные потоки. Временами, согнувшись в три погибели, мы ныряли в тоннель, вырубленный в непроходимых зарослях. Потом нам пришлось одолеть разветвленную сеть рвов и окопов.

В моем блокноте появилась тогда запись:

«...Эта ночь показалась мне более темной и мрачной, чем все предыдущие. Очень хорошо, что тучи закрыли все небо, что сверху льет, как из ведра. Мы идем в кромешной тьме, переговариваясь едва слышным шепотом. Мое

вьетнамское имя[1] пригодилось мне сейчас как нельзя больше. Необходимо сохранять величайшую бдительность и осторожность: мы все ближе и ближе подходим к логову врага...

Едва различимое пятнышко света. Ага, стало быть, где-то близко жилье! Чувствую, что тропинка резко уходит вниз. Небо исчезло. В лицо пахнуло сырым, подвальным воздухом. Это мы оказались в одном из пунктов широко разветвленной сети подземных ходов вблизи города. На поверхности — бункера и укрепления врага. Обостренным взглядом, каждой частицей тела чувствуешь напряженность момента, близкую и реальную опасность.

Прикрытый ладонью блик света. Бросаю молящий взгляд на лица вьетнамских товарищей, которых вижу в полумраке. Шепотом прошу: «Ближе, еще ближе!» Нет, они и слушать не хотят. Над головой темное, облачное небо. Сияние огней большого города подсвечивает края туч. Перед нами Сайгон...»

Это было в 1965 году.

В САЙГОНЕ

Передо мной лежит план Сайгона и список его улиц. Названия, которые я уже слышала или видела в печати много раньше. Я иду по ним среди бела дня. Мне пока еще очень трудно привыкнуть к тому, что я действительно о т к р ы т о х о ж у по Сайгону. По столице Южного Вьетнама. Под бдительным оком врага...

Снова бросаю взгляд на план города. Это первая покупка, за которую я заплатила в ближайшем киоске местными деньгами: голубоватыми и алыми южновьетнамскими пиастрами.

Так с какой же стороны я приближалась к Сайгону несколько лет назад? В каком направлении вели меня тогда бойцы Национального фронта освобождения Южного Вьетнама? По каким тайным тропам шли мы из освобожденных районов зоны «Д» к предместьям Сайгона? Со стороны Зядинь, Фунуан или же Тхансонхоа? Не знаю. Главное, что я наконец-то о к а з а л а с ь в С а й г о н е! И при всем том легально!

В Сайгоне постоянно находятся более 300 журналистов, представляющих чуть ли не всю капиталистическую прессу. В Ханое дети при виде европейца радостно хлопают в ладошки и кричат: «Льенсо!» (Советский Союз),— потому что чаще всего видят советских людей, помогающих Вьетнаму. В Южном Вьетнаме нет и не может быть ни одного журналиста из стран социализма, ни одного постоянного или хотя бы временного корреспондента западной прогрессивной печати.

У меня были минимальные шансы попасть в Сайгон и еще меньше возможность близко увидеть и понять здешнюю действительность. Но я твердо решила: надо использовать даже эту малейшую возможность!

Риск?.. Да, был. Если американцы или сайгонские ищейки пронюхают, что в Сайгон проник «польский Вьетконг», то есть польская писательница, заинтересованная в справедливом решении вьетнамского вопроса, в правдивом освещении трагедии Вьетнама, то... Впрочем, посмотрим! Кто ничем не рискует, тот ничего не добивается.

Несколько лет назад в джунглях Южного Вьетнама на торжественном собрании по случаю годовщины Женевских соглашений в забитом до отказа огромном бараке из бамбука («зал конференций» одной из лесных баз) я выступала перед солдатами и партийными работниками НФОЮВ: «Пока не победит ваше правое дело, пока не засияет над вашей землей солнце свободы — не будет для меня более важного дела, чем ваша героическая борьба, столь близкая нам, полякам!»

Все последующие годы я старалась выполнить эту клятву. И вот я здесь! В Сайгоне, в самом центре войны, среди врагов...

Широкая улица залита потоками лучей тропического солнца. Шумно и оживленно. Толпы прохожих. Европейские костюмы и мундиры, яркие и скромные национальные одежды. Вьетнамские женщины носят преимущественно длинные и узкие, черные или белые штаны, длинные развевающиеся туники, именуемые «ао даи». Белые «ао даи» — это форма учениц и студенток. Черные плащи и некое подобие беретов на головах мужчин. Бросается в глаза ярко-желтый цвет одежды буддийского монаха. Проходят смуглые индийцы, ноги которых (по самую щиколотку!) обмотаны куском цветной ткани. Невольно любуюсь длинными, черными, как восточный лак, волосами девушек.

Режет взор обилие всяческих мундиров, но прежде всего — хаки американцев, затем камуфляжные и однотонные блузы марионеточной армии сайгонского режима. И береты, береты, береты — черные, красные, зеленые. Оливково-коричневые лица под темно-зелеными фуражками — таиландские солдаты. Широкополые шляпы австралийцев. Желтые знаки филиппинцев. Рослые, плечистые южнокорейцы с замкнутыми, хмурыми лицами. Но прежде всего американцы. Нарочито помятые и расстегнутые блузы, вздутые наколенные карманы на брюках, какие-то немыслимые браслеты на запястьях, медальоны на шее, а во рту неизменная жвачка... Сколько их тут, этих непрошеных завоевателей, «защитников цивилизации»!

На стенах и стендах афиши, плакаты, реклама. На двух языках: английском и вьетнамском. Полустертые полицией надписи на стенах, сделанные ночью руками патриотов. Транспаранты между зданиями. В киосках — масса газет на тех же двух языках, книги (больше всего «комиксов»), брошюры. Машинально оглядываюсь назад: а где мой переводчик? Сегодня, завтра и послезавтра я все еще буду искать вас, мои друзья с Севера и Юга. За долгие эти годы я привыкла видеть рядом с собой людей благожелательных, дружественных. Здесь у меня никого нет. Друзья остались далеко: Нинь, близкий мне, словно родной брат, сопровождавший или отправлявший меня в каждую трудную поездку и с тревогой ожидавший моего возвращения; Кхоанг, отличный и умный переводчик; серьезный и положительный Туонг; шофер Куэн родом из сайгонского предместья Зядинь; Фуонг, который не раз рассказывал мне о своем городе Гуэ, и Нам, вынужденный несколько лет назад покинуть семью, оставшуюся где-то в дельте Меконга, в Долине Тростников... Где они, что делают?

Теперь я одна. Вместо переводчика есть собственные глаза и уши.

Город бурлит, он полон движения. Звенят и вопят клаксоны. Проезжая часть улицы забита автомобилями — легковыми и грузовыми. Роскошные лимузины и старомодные драндулеты. «Роллс-ройсы» и «пежо», японские «мазди» и западногерманские «оппели». Единственная автобусная компания просуществовала недолго и стала банкротом. Безработица ее сотрудников вызвала крупную январскую забастовку. Первая за много лет существования сайгонского режима, она явилась пробой сил: два месяца спустя по Сайгону прокатилась мощная волна забастовок.

Жадно наблюдаю за движением на улицах. Ох, какая же царит здесь анархия, какой балаган! Никто не смотрит на светофоры, никто не принимает всерьез знаков, регулирующих движение. Каждый тут ездит и ходит где ему хочется. Среди потока автомобилей снуют — по только им известным направлениям — десятки и сотни рикш: «моторизованных» и обычных. Медленно, ни на что не взирая, катят велосипедисты — разносчики, везущие огромные связки каких-то странных, разноцветных предметов из папье-маше. Приглядываюсь, узнаю нечто вроде игрушек. Все эти ярко размалеванные слоны, кони, поросята будут сожжены в ходе траурной церемонии на чьих-то похоронах или в годовщину смерти близкого человека. А вон там мчит моторикша, везущий двух нахально развалившихся на переднем сиденье хозяев Сайгона — «джи ай».

Два резко контрастирующих мира. Нередко вижу, как такие моторикши с шумом и треском подъезжают к отелям, на которых висят заметные издали таблички: «Только для американцев». Любимая забава американской солдатни — гонки рикш, финиш которых всегда возле входа в ресторан или отель.

В Сайгоне нет ни трамваев, ни автобусов, поэтому мотороллеры становятся крайне необходимым средством сообщения. Но все двухколесные машины резко подорожали. Впрочем, не только мотороллеры, велосипеды и мотопеды — все цены подскочили вверх и продолжают расти с каждым месяцем. Объясняю причину: этот «большой скачок» был вызван декретами о так называемой принудительной «бережливости», которой требовал сайгонский режим. Клика Тхиеу—Ки полагала, что повышение цен на импортные товары будет благоприятствовать экономической стабилизации страны. Просчитались! Повышение цен, рассчитанное только на импортные товары, вызвало рост цен и на продукты, а вслед за этим и на предметы первой необходимости. Вообще наблюдается рост стоимости жизни. И не только в Сайгоне, но и на всей территории Юга. Официальный курс южновьетнамского режимного пиастра составляет теперь 118 : 1 по отношению к доллару. Приведу один пример. Я зашла в магазин, чтобы купить банку консервов, кусок мыла и полкило сыра. Оказалось, что всего за две недели цены подскочили в два и три раза! Спрашиваю: почему? В ответ сдержанное пожимание плечами, а затем снисходительная улыбка продавца:

— О мадам! Неужели вы действительно не знаете, что курс пиастра падает с каждым днем?..

Знаю. Еще в ноябре прошлого года на черном рынке валютчики брали за один доллар почти 250 пиастров. В конце апреля этого года цена повысилась до 410—415 пиастров. Правда, потом цена несколько спала, но в июле подскочила до 500 пиастров за доллар. В то же время заработки в Сайгоне почти не повысились.

[1] Вьетнамцы любовно называют М. Варненску «ти ба», то есть «третья (или старшая) сестра».— Я. Н.

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Согласно официальным данным Национального института статистики, стоимость жизни в Сайгоне за период с февраля 1969 по февраль 1970 года возросла на 36,5% для средних классов и на 35% для рабочего класса. Значительно повысились за это время цены на свинину и свиной жир, птицу, перец и соус «муок нам» (обязательная приправа вьетнамской кухни.— Я. Н.).

...Кто-то загородил мне дорогу. Офицер в песочного цвета летном мундире непременно хочет знать: американка я или француженка? Машинально отвечаю: француженка. Американский офицер требует, чтобы я сказала ему, где можно купить изделия из золота. Летчик едет домой и желает приобрести подарок жене. В пассаже, на скрещении улиц Ле Лой и Нгуен Хюэ, есть немало ювелирных магазинов, но летчик ищет более дешевые. Видимо, этого «завоевателя» предупредили, что в Сайгоне, как и в других здешних городах, цены для чужеземцев одни, а для местных жителей другие.

Золота в Сайгоне много. Стоит оно сравнительно недорого, если брать курс доллара на черном рынке. Вблизи базара Бен Тхань, на краю той самой площади, которая часто становится местом митингов и демонстраций, тесным кругом расположились ювелирные магазины. За стеклянными витринами разложены золотые перстни, подвески, броши, кулоны, портсигары, серьги, браслеты, ожерелья, амулеты. Много драгоценных камней — натуральных и синтетических, жемчугов и кораллов.

В торговле существует разделение: китайские купцы монополизировали торговлю продовольственными товарами, золотом и ювелирными изделиями, индийцы — текстилем и валютой. Правда, все иностранцы обязаны обменивать валюту в банке, по официальному курсу, но никто этого распоряжения не выполняет. На человека, который добровольно отдает доллары по цене 118 пиастров за один «зеленый горошек» (доллар), могут посмотреть как на сумасшедшего.

Улица Ле Ван Дюэ. Стоп! Откуда мне знакомо это название?.. Ага, вспомнила! Из беседы, проведенной в глубине джунглей с участниками известного диверсионного акта в кино «только для американцев» в начале 1964 года. Этот кинотеатр «Капитоль» находится совсем близко. Именно там однажды вечером, перед самым началом сеанса, патриоты бросили бомбу в переполненный «джи ай» огромный зал. Операция была подготовлена очень тщательно, удар был нанесен метко и эффективно: десятки интервентов пали в результате взрыва.

Я еще не раз загляну на улицу Ле Ван Дюэ, но не сегодня: надо проникнуть в другие уголки Сайгона, где, по сути дела, п р о д а е т с я в с е!

...Базары. Лавчонки. Палатки. Магазины. Масса разнообразных товаров: резко упала покупательная способность населения. Улицы и переулки, «оккупированные» определенными торговыми цехами: рынок цветов, птичий рынок, звериный базар — собаки и кошки, кролики и поросята, свившиеся в петлю неядовитые и ядовитые змеи, маленькие обезьянки и зеленые ящерицы... Вот один из таких продавцов весело покрикивает: «А ну, кому отличная змея в прекрасной коже?» Он смело обвивает змею вокруг руки и берет ее голову тремя пальцами. Цена высокая: две тысячи пиастров.

Да, тут продается все: ткани и обувь, фрукты и овощи, золото и поддельные, дешевые украшения, искусные национальные художественные изделия и самое настоящее барахло. Есть улицы, где расположено множество магазинов, представляющих покупателю огромный выбор радио- и фотоаппаратуры капиталистического рынка. Вы можете найти здесь магнитофоны и приемники, в том числе «Грюндиг», транзисторы, фотоаппараты самых различных марок (преимущественно японские), телеобъективы, кинокамеры, любую пленку. Но сразу же возникает вопрос: откуда это изобилие? Ларчик открывается весьма просто: приобретаемые «джи ай» в своих закрытых магазинах, эти товары — разумеется, с помощью ловких спекулянтов и посредников — перекочевывают на черный рынок.

КОРРУПЦИЯ И ГРАБЕЖ СРЕДИ БЕЛОГО ДНЯ

«Специальными бонами могут платить лишь служащие вооруженных сил США: ведь это нечто вроде оккупационных денег. Правительственный курс пиастра завышен... Американцы располагают множеством возможностей расплачиваться бонами или пиастрами, принимаемыми от них по номинальному курсу. Обмен долларов на боны или пиастры представляет для американцев чистый бизнес».
Из журнала «Лайф».

По реке Сайгон (местное название — Сонг Сай-гон, американцы же пишут: «Сайгон-ривер») плывут суда. Морем идут в Южный Вьетнам многочисленные транспорты. На аэродроме Таншоннят приземляются не только боевые самолеты, но также пассажирские и транспортные... В 1967—1968 годах около 10—12% всех американских транспортов, морских и воздушных, достигших территории Южного Вьетнама, были... разворованы сразу по прибытии!

«Во время борьбы со спекуляцией и контрабандой за период с 5 по 19 марта 1970 года в Сайгоне захвачено 27 018 долларов и много товаров, приобретенных на боны (это талоны, используемые в бесчисленных кабаках для американских солдат. Отсюда на черный рынок поступает основная масса награбленного.— М. В.), общая стоимость которых составляет 2 780 998 пиастров. В провинции Тайнинь захвачены подготовленные к переброске через камбоджийскую границу товары на общую сумму в 111 450 пиастров».
«Сайгон-пост», 21.III.1970.

Если сегодня на черном рынке появились груды отличных одеял с маркой «Сделано в США», если рядом с превосходными магнитофонами выставлен длинный ряд новехоньких вентиляторов, если какая-то торговая улица внезапно была завалена разноцветными телефонными аппаратами,— это значит, что транспорты данных товаров были ловко и быстро «переправлены» из порта или иного перегрузочного пункта не на склады «Юнайтед Стейтс арми», а прямехонько... на черный рынок! Впрочем, у нас в Польше некоторые предприимчивые гитлеровцы в период оккупации тоже умели сплавлять «налево» целые транспорты мебели, а порой даже ткани, угля и т. п.

...Внимание, облава! На сайгонском аэродроме вчера случайно обнаружена хитро запрятанная, умело замаскированная контрабанда: золото, валюта, наркотики. В центре города полиция приступает к очередной «акции» по ликвидации «раз и навсегда» не только черного рынка, но и его деятелей. Правительственные газеты поют «реквием для базара». Среди уличных перекупщиков воцаряется паника. Они бегут в подворотни, в тесные переулки. Бегут все, даже женщины с корзинами и дети с узелками в руках... Укрыть товар, спастись самому, переждать! Ну, а потом найти и дать кому надо взятку. И все снова останется по-прежнему. Черный рынок будет процветать и шириться. Те полицейские, которые яростно преследовали торгующих женщин и мальчишек, теперь ходят по базарам прогулочным шагом, изредка одергивая свои мундиры, ослепляющие снежной белизной. Они равнодушно смотрят на толпу, которая шумит, толкается, спорит о ценах, покупает и продает... Нет, мне еще не приходилось видеть здесь более или менее длительного перерыва в деятельности местных барахолок. Самый большой срок — это два-три дня. Потом все приходит в норму, и торговля продолжается.

ВСЕ НА ПРОДАЖУ

В сайгонских уличных ларьках, палатках, лавчонках можно купить не только форму, но и все снаряжение «джи ай» — обувь, гамак, противомоскитную сетку, ручной распылитель с жидкостью для уничтожения насекомых, полотенце, электрический фонарик. Каждый предмет тщательно покрыт защитной оберткой типично американского цвета — хаки.

«При помощи радио, прессы и телевидения правительство широко предупредило население, что Вьетконг (так американцы и клика Тхиеу — Ки именуют НФОЮВ.— Я. Н.) массово скупает военное обмундирование. Представитель министерства внутренних дел призвал население к осторожности при продаже и транспортировке тканей военного защитного цвета, чтобы избежать перехвата их агентами Вьетконга».
«Сайгон-пост», 12.III.1970.

Да, все можно купить в Сайгоне. Даже мундир. Даже... оружие! Не помогают режиму ни призывы местной печати, ни обращение к населению. Можно приобрести любое военное снаряжение, причем под открытым небом, при дневном свете. Никто не считает это тайной. И все знают, что этим в значительной мере пользуется Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама. Все продается в Сайгоне: рис и оружие, честь и совесть, католическая божья матерь на золотой цепочке и изображение Будды на красивых четках, предсказания уличного ворожея и самые последние сведения о достижениях космической техники, информация о внутренних распрях в правительственном стане и данные о передвижении врага... За деньги можно приобрести самые дефицитные антибиотики и местные лекарства из перетертых в порошок растений и перемолотых костей животных. Имея деньги, можно рассчитаться с личными врагами и получить заграничный паспорт, освободиться от военной службы и обрести возможность бежать из города или вообще из страны, над которой висит грозный меч войны. Можно купить улыбку красивой девушки — такой же очаровательной и прелестной, как Фуонг из романа Грэма Грина. Можно купить любовь на час или на целую ночь...

Все продается, все можно купить. И это результат импортированного сюда американского образа жизни. То, что делали французские колонизаторы и их пресловутый Иностранный легион, тускнеет и меркнет в сравнении с тем, что завезли сюда защитники «свободного мира».

...Кто-то снова загородил мне дорогу. Невольно вздрагиваю. Откуда этот инстинктивный, неведомый страх? Рецидив лет гитлеровской оккупации?.. Снова звучит американский «сленг». Трое рослых, откормленных «джи ай». Они, как две капли воды, похожи на штампованных героев американского военного фильма-халтуры. Двое, механически двигая челюстями, размеренно жуют резинку, третий спрашивает меня о чем-то... Ага, он хочет знать, как ближе и короче пройти к американскому посольству! Я молча показываю ему направление, потом бросаю коротко:

— Авеню Тхонгньят!

Опять звучит это слово, означающее по-вьетнамски «объединение». Для американцев оно неприемлемо, враждебно...

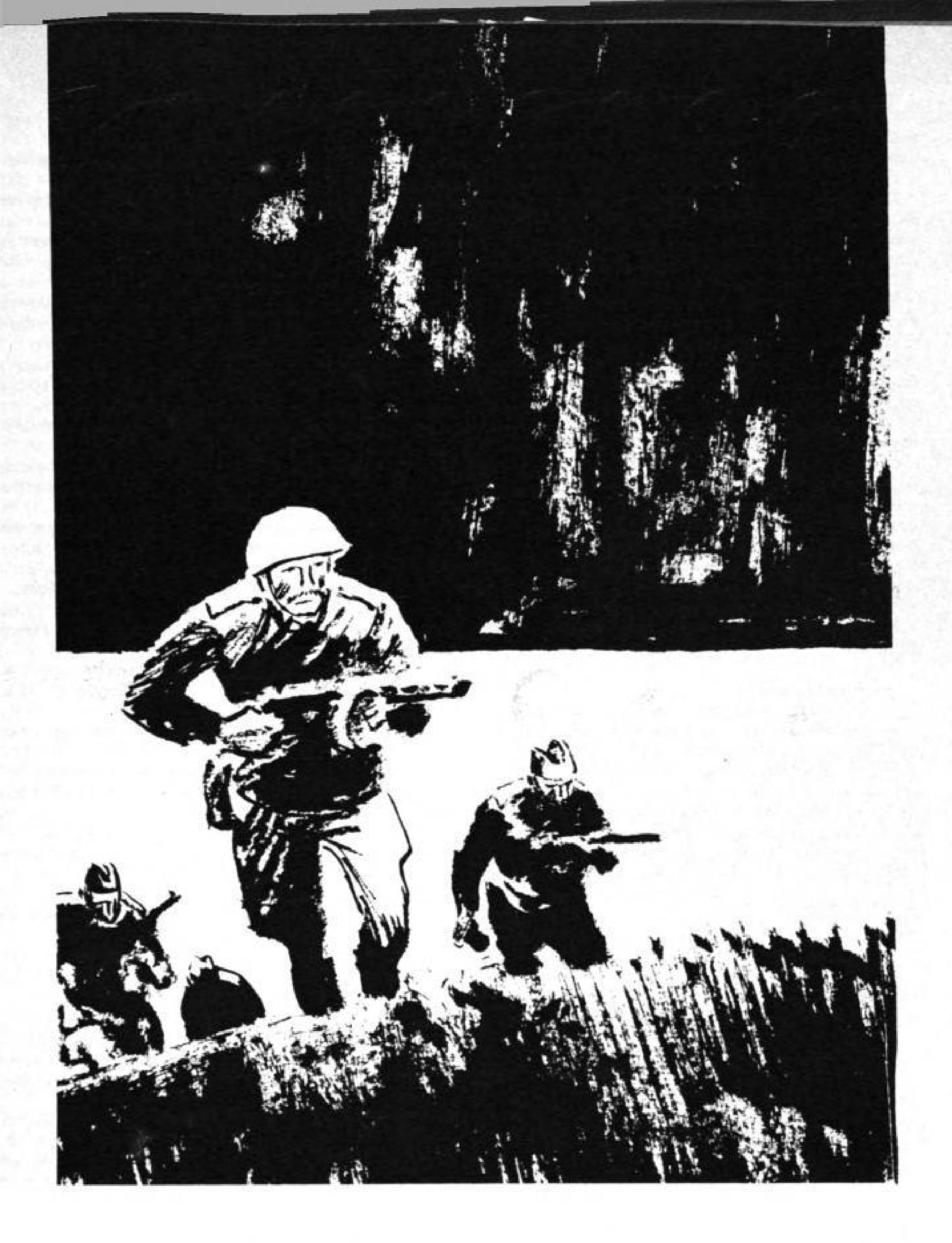
«Сейчас Сайгон переживает плохой период. Центр города нередко обстреливается агентами Вьетконга из минометов. Небезопасно и в предместьях. Улица Ту До превратилась в один бесконечный ряд баров, защищенных проволочными рогатками...»
Из надписи на обороте плана Сайгона.

Не только улица Ту До — прежняя Катина, хорошо известная читателям по нашумевшему роману Грэма Грина «Тихий американец», но и многие другие изменились до неузнаваемости. Всюду в городе видишь проволочные заграждения, рогатки. На перекрестках передвижные заграждения из колючей проволоки на колесиках, чтобы их можно было спешно передвинуть в случае внезапных беспорядков. Чуть ли не на каждом шагу громоздятся укрытия из зеленоватых мешков с песком. Бары, «найт-клабы» и рестораны напоминают клетки: до второго этажа они закрыты сетками из стальной проволоки. Это предохранительная мера: патриоты Фронта могут бросить гранату или бомбу...

Перехожу улицу Хай Ба Чунг. Она носит имя двух сестер, легендарных героинь освободительной войны народа Вьетнама в весьма далеком историческом прошлом. На этой улице полно казарм, баров и отелей, предназначенных только для американцев. Среди них расположена и гостиница «Бринк» — некогда один из объектов весьма удачной атаки патриотов.

Передо мной огромное белое здание, несколько удаленное от улицы. Высокие стены, укрепления, сторожевые башни, заграждения. Это пресловутый «бункер Банкера» — посольство США. Нелегко живется его обитателям: земля горит у них под ногами.

Сайгон, 1970.
Перевел с польского
Я. Немчинский.

НЕ ПЕРВАЯ АТАКА

Семен БОРЗУНОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Сергей поднял глаза на Чоке, тот, отстранив бинокль, смотрел на реку, на ее неторопливое движение, на мерцание, поблескивание чешуйчатой воды, в которой безмятежно и плавно шли облака. На его лице едва уловимая улыбка. Таким Сергей видел Чолпонбая не один раз.

Помнится, на подступах к Воронежу шли ожесточенные бои. Стоя в окопе, Чолпонбай кивком головы указал на срубленную снарядом ветлу. Почти у самого еще сочащегося среза ютился скворечник. Около входного округлого отверстия виднелась дырка от пули.

— Даже в птиц! — покачал головой Чолпонбай.— Даже в птиц!.. Смотри! — И вдруг лицо его стало по-детски восторженным.— Живы! — Он потянул Сергея за рукав.— Живы! Кормит!

Скворчиха спланировала на приступку, как на крылечко, в длинном клюве держа червя. Сергей и Чоке услышали крик птенцов. А скворчиха снова оставила «крылечко», плавно опустилась на землю и закопошилась под гусеницами самоходки.

Жизнь идет! И когда-то будет весна, будет скворчиха, зеленая ветла, земля и не будет войны. Но не каждый доживет до этой весны. Кто-то должен остаться навечно здесь, чтобы приблизить эту весну...

И вспыхнул бой. Он пылал двое суток. Смертельные схватки шли за каждый степной холмик, за каждую рощицу.

И тогда дивизия вынуждена была отойти, оставив прикрытием девятую стрелковую роту.

Ушли ночью.

А к рассвету командир роты Антонов так продумал оборону и так ловко расположил свой взвод младший лейтенант Герман, что первая же немецкая атака на самом рассвете захлебнулась.

— Зашатались, гады! — торжествующе закричал тогда Сергей Деревянкин. Он и на этот раз нарочно отстал от редакционных машин, чтобы «вести репортаж с места боев девятой роты».

— Зашатались,— отозвался и Чолпонбай.— Подожди. Еще и упадут.

И когда гитлеровцы, захлебнувшись в своей крови, отхлынули прочь, Сергей отметил, что больше всего поверженных врагов было перед окопом Чолпонбая.

Пользуясь передышкой, пополняли боеприпасы.

Взводный Герман и сержант Захарин, пробираясь по траншее, оставили Чолпонбаю, кроме патронов, две связки гранат.

— Может, развязать? — спросил Чолпонбай.— Ведь больше будет.

— Нет,— ответил взводный.— Теперь наверняка пойдут танками.

И танки пошли. А за ними, скрываясь за броней, густо перла пехота.

Шквальный огонь встретил противника.

Стреляли все, но окоп Чолпонбая молчал.

«Что с ним? Может, ранен, убит?» — подумалось тогда Сергею.

Танки приближались. И один, чуть замедлив ход, уже поднимался на высотку и шел на окоп Чоке.

И тут Сергей заметил, как Чолпонбай, на миг показавшись из-за бруствера, метнул связку гранат точно под гусеницу.

Взрыв!

Захлебнулась и эта атака.

А Сергей подумал тогда, что Чолпонбай стал настоящим бойцом.

...Бинокль Чолпонбая снова приблизил Меловую гору и замаскированный камнями дзот справа. Снова тщательно высматривал он каждую «тропинку». Вон о тот камень можно опереться ногой, а чуть подаль положить оружие, потом подтянуться на руках и еще выше, а там... Там уже мертвая зона для пулемета. Потом за валун — броском, упасть на кривой камень и оттуда лежа добросить гранату... Это так, если дзот один, а если есть еще слева... Стоп, стоп. Как же не обратил внимания на тот камень? Странно он стоит. Не специально ли его развернули, чтоб заслониться? На Тянь-Шане так сами по себе камни не стоят. Вот солнце с запада освещает его, и что-то кажется, что его недавно отделили от горы. А для чего? Не для того ли, чтобы поставить дзот? Надо взять еще гранату...

Сергей вынул треугольник из кармана и удивился, как вздрагивают его пальцы, будто письмо обжигало их.

Чолпонбай взглянул на Сергея.

— А если дзот и слева?..— И тут он увидел руку Сергея.— Письмо получил? От кого?

Сергей вздрогнул. Левая рука сама отстегнула нагрудный правый карман гимнастерки и опустила письмо в карман.

— Нет, это давнишнее.

— Как у тебя на солнце значок блестит!— кивнув на гвардейский значок Сергея, улыбнулся Чоке.— Помнишь, как их вручали нам?

— Помню... После того боя под Воронежем...

Преклонил колено командир полка. Губами прикоснулся к багрецу знамени.

На полотнище силуэт Ленина. Ильич смотрел на запад, точно видел такое, что мог увидеть только он сквозь годы и сквозь расстояния... А потом член Военного Совета фронта спросил командира полка:

— Кто самый храбрый в полку?

Стало так тихо, что слышно было, как шумит листва, как волна набегает на берег, как знамя шевельнулось под ветром и как птица начала петь и вдруг осеклась, замерла перед странным молчанием выстроенных вооруженных людей...

Подполковник Казакевич повел глазами по строю.

Горохов.

Антонов.

Герман.

Захарин...

Он знал их. Отличные бойцы.

Черновал.

Бениашвили.

Гилязетдинов.

Пауза затягивалась.

Деревянкин.

Окончание. См. «Огонек» № 42.

Но он же не в нашем полку, он придан дивизии, «дивизионке»: он — «Красноармейское слово». Зоркий, правдивый человек. Смельчак. А его корреспонденции о бойцах дивизии! Они как награда для отличившихся, как призыв для тех, кто еще не успел показать себя в боях. Его очерк о Тулебердиеве прославил солдата на всю дивизию. И правильно... Да, Тулебердиев отличился не раз, а в последнем бою...

— Рядовой Тулебердиев, товарищ член Военного Совета!

— Он в строю? Я хочу первый гвардейский значок вручить первому среди первых храбрецов.— И член Военного Совета показал значок. Он так блеснул, словно звездочка Героя, и Чолпонбай замер, не веря своим ушам.

— Рядовой Тулебердиев, выйти из строя! Член Военного Совета подошел, обнял его, сам прикрепил к гимнастерке значок. Пожал руку.

— Служу Советскому Союзу,— тихо ответил Чолпонбай.

— Вы комсомолец, товарищ Тулебердиев?

— Нет.

— А комсомол гордился бы такими. Я читал о ваших подвигах в вашей дивизионной газете...

В тот же день, в день получения гвардейского значка, Чолпонбай и другие подали заявления.

— Сергей,— Чолпонбай разыскал его тогда в редакционной машине,— напиши за меня заявление, а я перепишу. Захарин говорит, чтобы я по-киргизски писал, мол, разберутся... А я ведь вступаю в Ленинский комсомол, вот и хочу заявить об этом по-русски, как Ленин. А если ошибки будут, некрасиво. Напиши.

...Днем пятого августа состоялось собрание.

— Кто «за»? — спросил комсорг.

И руки всех, будто стая птиц, взметнулись над головами.

— Единогласно!

— Поздравляю, гвардеец Тулебердиев! Вы приняты! Вы — комсомолец.

Это было вчера. Сейчас казалось, что это было давно. Ведь в жизни порой годы кажутся короче дня, а день, от рассвета до первых вечерних звезд, порой кажется бесконечным.

Да нет, не вчера, не год, не тысячу лет назад — сегодня, сегодня все это было.

И вот почему так бьется сердце, вот почему то обрывки, то целые картины пережитого проходят перед глазами, и жизнь кажется позади такой огромной, что даже воспоминаний от одного дня, от этого вручения гвардейских значков, от принятия в комсомол — уже одного такого дня хватило бы на всю жизнь. Как же она прекрасна, если таким волнением потрясает душу! Чем ответить? Чем? Чем отплатить за все? Чем?..

— Знаешь, Чоке,— тихо так заговорил Сергей, и Чолпонбай насторожился. Так или почти так говорил его друг, когда они хоронили друзей.— Возьми себя в руки. Ведь завтра бой. Я тоже буду в третьей штурмовой группе. Всякое может случиться...— Сергей расстегивает карман гимнастерки и протягивает тоненький треугольник бумаги.

Еще ничего не подозревая, но уже встревоженно Чолпонбай взял письмо, начал читать, ничего не понял, не захотел понять, прочитал еще раз...

Потом долго-долго что-то соображал. Сергей вздрогнул, глянув в лицо Чолпонбаю: он ожидал всего, но только не этого. Перед ним, спрятав голову в плечи, стоял мальчик, совсем мальчик. И этот мальчик плакал, откровенно, захлебываясь, навзрыд.

Сергей растерялся. И все-таки, собрав все силы, сурово сведя брови, как перед атакой, до щемящей боли в висках, сказал:

— Чоке! Стыдись перед памятью Токоша! Ему не нужны слезы. Токош требует мести. Ты слышишь, мести!..

VII

Ночь... Фронтовая ночь... Тихо, слишком тихо, чтобы в темноте по-пластунски подползти к реке, подтащить к воде лодку...

Оба берега как бы еще ближе придвинулись один к одному. Оба настороженно слушают друг друга.

Догадываются ли фашисты, что мы должны сделать этой ночью?.. Или, может, сами готовятся к тому же, выжидают, когда тьма станет совсем непроницаемой?..

Поползли.

Ловко орудует локтями командир роты связи Горохов. Рядом совсем бесшумный Герман... «Эх, оказался бы тут и Сергей!» — думает Чолпонбай.

Громкий всплеск на реке... Замерли.

Рыба резвится... Рыба? Ну да, что ей война? Вот волна ударилась о камень... Волна?.. Да, и волне все равно... Сверчки трещат... Мирно... Мирно?.. Снова поползли... Вот группа уже у берега... Лозняк... Спят камыши, шепчет что-то, бормочет свое река... Подтащили лодку... Теперь окопаться, врыться на случай, если ракета. Лодку хорошо спрятали, в трех шагах не увидишь... Может, и не окапываться? Нет, Горохов сказал, что надо... Только тихо, чтобы лопата не звякнула... Фу ты, черт! Все же напоролся на какую-то железяку. Скрежет лопаты будто по сердцу полоснул. Осторожней... Ведь ты почти не слышишь, как окапываются рядом... Как трудно прорубать дерн... Да еще лежа... Ракета! Замри!

Невысоко взвилась ракета, пущенная с того берега.

Тьма...

— Тулебердиев!

— Слушаю, товарищ старший лейтенант.

— Тулебердиев, я и пятеро со мной на лодке! Герман и ваша четверка...

Голос его оборвала новая ракета.

Горохов приник головой к земле, заслоненный плотиком Чолпонбая.

— Ваша четверка с Германом,— продолжал он, не ожидая, пока погаснет ракета,— ваша четверка вплавь. Ты говорил, что отличный пловец. Пойдешь замыкающим, на всякий случай... Ясно? И входите в воду сразу за лодкой!

— Все ясно, товарищ старший лейтенант.

Горохов развернулся и пополз к другому, неглубокому окопчику, около которого шагах в трех, в камышах, спрятали лодку.

Рассыпая искры, с Меловой горы опять взмыла ракета...

А когда она погасла, Горохов и пятеро уже были в лодке. Оттолкнулись, только начали выбираться из камышей, снова ракета.

Замерли.

Снова темнота.

Неслышно ушла в темноту лодка.

Сапоги Чолпонбая слегка увязали в глинистом пологом берегу. Чем дальше от берега, тем тверже дно и глубже... Вот уже вошел по пояс, по грудь, оттолкнулся ногами и поплыл, ведя одной рукой плотик, поверх которого лежали оружие и гранаты.

Сразу же почувствовал течение. Недвижимый с виду Дон упруго и властно тянул за собой. Переправу начали так, чтобы постепенно течением снесло всех к устью Орлиного лога, как раз напротив Меловой.

Предрассветный туман густо покрывал реку, но почему-то казалось, что сейчас немедленно рассветет...

Лодки не видно.

Не слышно весел.

Ракета!

На левом берегу командир полка поднял телефонную трубку.

Артиллеристы замерли у орудий, снаряды в стволах...

Минометчики ждут приказа.

Пулеметчики держатся за рукоятки пулеметов, и большие пальцы легли на гашетки...

Миг! Наших заметят! И тогда... Тогда надо прикрыть их огнем.

Струйка холодного пота побежала по лицу командира. Оттуда, с той точки, которую надо взять, развернется наше наступление на Белгород, Харьков. Все зависит сейчас от горстки храбрецов, тех, что с Гороховым. От этих одиннадцати. Заметят или нет?.. Тысячу лет висит эта проклятая ракета.

Командир полка не заметил и сам, как близко поднес к губам телефонную трубку, как рука его застыла да все тело окаменело от напряжения. Нет, черт подери, лучше плыть там, ожидать пули, чем вот так стоять и чувствовать, что ты бессилен, да, да, бессилен опередить события, хотя ты сделал все, чтобы их предугадать... А ракета все не гаснет! Плывите, плывите осторожней, быстрей! Погасла ракета...

Командир полка правой рукой, сжимавшей трубку, вытер лицо. Вздохнул.

Плыть становилось все труднее. Темнота и туман рассеивались.

Чолпонбай заметил, что кто-то стал замедлять движение, и вот он уже около Чолпонбая. Герман.

— Ногу... судорогой свело...— прошептал он.

Молча подсунул свое плечо Чолпонбай под руку взводного.

И в этот миг плотик накренился. Боец успел еще схватить автомат, но связка с гранатами и патронами ушла под воду. Теперь у него патроны только в диске автомата, гранаты — только две.

— Скоро, скоро доплывем,— прошептал Чолпонбай и стал сильнее грести свободной рукой, чтобы не отстать.

Чуть развиднелось, до берега совсем близко. Фашисты не стреляют. А может, заметили и ждут, ждут, чтобы расстрелять в упор?

«Сколько же еще плыть?» — подумалось Чолпонбаю, и тут ноги нащупали дно. Автомат наготове, гранаты наготове. Вода стекает с плеч...

Проводили взглядом четверку, точно канувшую в туманную мглу Орлиного лога. И шагов не слышно. Молодцы.

Другая четверка скользнула по берегу, вправо...

Горохов кивнул и первый двинулся к зыбким в утреннем сумраке выступам Меловой горы. Ползли по склону.

Покрытые глиной сапоги скользили.

Выше... Еще выше... Выше... Там дзот. Он совсем близко... совсем, совсем...

Сто метров, девяносто, семьдесят...

Как тихо! Неладно что-то... Неужели не видят?.. Шестьдесят метров.

Сейчас ударят!.. Пятьдесят... А, дьявол...

Сорвался, пополз вниз Горохов, все быстрее, быстрее. Подсек Германа.

Шум!.. Какой страшный шум!..

Подался вперед Чолпонбай, раскинул руки, словно бы врос в камень, сам стал камнем... Удержал товарищей. Замерли. Тишина вокруг... Услышали.. Нет?..

Цепляясь за выемки, опираясь о корни кустов, Чолпонбай выбрался на выступ. Рядом Горохов и Герман. Отсюда — вверх, по козьей тропке, гуськом. Вот уже и амбразура, щель. И эта щель словно бы заглядывает в самое сердце. Прорезь холодного громадного алчного глаза... Молчат... Не видят?.. Горохов глазами приказал Герману остаться с гранатами, а сам с Чолпонбаем неслышно проскользнул в открытую дверь дзота.

На левом берегу командир полка не отнимает бинокля от глаз. Он видел подъем группы Горохова, видел, как они добрались до самого дзота и... Шли секунды, минуты... Если все будет в порядке, если этот дзот будет обезврежен, то кто-то из них должен дать условный сигнал.

Совсем рассвело. Надо начинать переправу... Надо... Бегут, торопятся секунды, время убыстрило бег. Он ждал, ждал этого мгновения, и все-таки сигнал был столь неожидан для него, что даже словно бы напугал.

Командир полка отдал приказ:

— Вторая группа, начинайте переправу!

И тут же, словно по его приказу, будто бы в самое сердце забил пулемет...

...Пулемет бил из-за камня, который был так подозрителен вчера Чолпонбаю. Там дзот он контролирует огнем, и реку, и подступы к Меловой горе, и подступ к уже обезвреженному дзоту.

Сейчас пулемет бьет по ним, но каждую секунду может перенести удар на тех, кто начал форсировать реку. Переправа будет сорвана, если не перервать глотку этому...

Чолпонбай тронул Горохова за рукав и попросил, словно речь шла не о нем, не о его жизни, именно попросил:

— Разрешите мне? Напрямик.

— Напрямик?

— Да, напрямик,— уже требовал Чолпонбай.— А вы оба бегом в обход. Иначе сорвется переправа. Если я даже не сумею что-либо сделать, то хоть отвлеку на себя внимание. А вы за это время...

— Давай, друг!

— Возьми гранаты.— И протянул свои.
— У меня есть дареные. От политрука Деревянкина...
Глина, налипшая на подошвы, отстала, и теперь стало куда удобней опираться носками и каблуками о выемки и расщелины в известняке. Пальцы точно сами видели, где им лучше уцепиться, тело стало легким, совсем легким, будто не было долгой переправы вплавь, не было подъема, не было рукопашной схватки...
Ступенька, карниз, еще ступенька.
Вот и амбразура.
Сколько до нее?
Метров пятнадцать?..
Ствол пулемета задыхается от злобы.
Слева не подобраться: кручи. Справа — кручи... И выступ этот с дзотом, как огромный кулак, который занесен над теми, кто начал переправу.
И кругом чабрец...
Путь к дзоту только один, только один, как ты и говорил Горохову,— напрямик, к амбразуре.
Чолпонбай швырнул гранату. В ту же секунду ствол пулемета передвинулся, граната, ударившись о него, перекувыркнувшись, отлетела, покатилась и взорвалась неподалеку. Осколки известняка просвистели у самого лица Чоке. А пулемет снова, еще с большим злом, так показалось Чолпонбаю, зашелся огненным жаром.
Еще одна граната. Последняя. Он зачем-то вытер с нее меловую пыль, замахнулся и перебросил через дзот, чтобы она взорвалась у входа.
Грохнул взрыв.
Но пулемет дзота ни на мгновение не прекратил огня.
Потом смолк.
Чолпонбай услышал непонятные слова и увидел, как из амбразуры на него направили автомат.
Желтые круги поплыли перед глазами. Обожгло плечо. Нет, не обожгло, словно бы кто со всего маху ударил прикладом. Но почему он бежит за комиссаром полка? Ах, да, он должен попасть в число тех, кто первым переправится на правый берег.
Так почему же он в бинокль рассматривает правый берег, горстку свежей земли, отваленный камень?.. Струйка дыма...
Нет, это не Меловая, это снежные горы Тянь-Шаня... Но почему там стреляют?.. В коня, в его коня, в сокола на плече. Сокол убит. Он цепляется за его плечо. Вот почему боль...
Сергей Деревянкин наклонился над ним... Пули летят в Сергея. Пули летят в Гюльнар... Зачем она здесь?.. Кровь хлещет из раны. Нет сил подняться.
А пулемет все бьет и бьет, словно по голове палкой. Бьет... бьет... бьет...
Но не в него, в тех, что там плывут через Дон, плывут, открытые всем ветрам и пулям. А в него не стреляют... Его уже нет... Его убили из автомата...
— Кто самый храбрый в полку?
— Рядовой Тулебердиев, товарищ член Военного Совета!
— Я хочу первый гвардейский значок вручить первому среди первых храбрецов.
— Рядовой Тулебердиев, выйти из строя!..
Чолпонбай ползет... Все выше и дальше. Метр, два, три, пять... Он уже в мертвом, в спасительном пространстве: ни пулемет, ни автомат из дзота его не достанут. Стебли чабреца побагровели от крови. Надо бы перевязать рану... Может быть, лежа на животе... Нет, не выйдет... Как пахнет чабрец!.. Дом... Наконец вернулся... Только сейчас посплю, потом пойдем с Токошем...
— Токош Тулебердиев пал смертью храбрых! — прозвучало в ушах, и в ответ откуда-то издалека его голос — голос Сергея: — Отомстить!
Пулемет все бьет!..
Командир полка видит все в бинокль...
— Погиб,— говорит он.
— Погиб,— сказал комиссар.
И тут оба увидели: Тулебердиев встал во весь рост и бросился на пулемет. Грудью на огненную струю...
Едва замолчал пулемет, «ура», грозное, как возмездие, потрясло берега реки, и донскую землю захлестнули необратимые волны не первой и не последней атаки.

Роберт **ШАХНАЗАРЯН**

Фото автора.

Кузнец и камень

Строителям пришлось взорвать скалу: она мешала прокладывать дорогу к новому жилому массиву на окраине города. После взрыва бульдозеры с ревом сбросили с трассы базальтовые глыбы.
Когда над стройкой затихал шум механизмов, сюда приходил старый кузнец — уста Анушаван. Расхаживая между глыбами, он внимательно рассматривал их, сильной, привыкшей к железу рукой проводил по еще не остывшему от дневного зноя камню. Он выбирал самые большие глыбы.
Вскоре мощный КРАЗ, тронувшись с места, взял направление к дому Анушавана.
— Зачем тебе эти камни, старина? — спросил водитель.
Анушаван промолчал. Не хотел заранее говорить. Понимал: трудна его задумка. Выйдет ли?.. Промолчал он и когда соседи, удивленно переглядываясь, пристали с расспросами.
Поспрашивали, поспрашивали да и перестали. Раз не хочет отвечать — его дело. А кузнец отковал себе несколько стальных зубил, отточил и закалил их и принялся обрабатывать глыбы. Дивились люди: «Кузнец не скульптор... Что это он затеял?» А уста Анушаван рубил и рубил камень. Базальт поддавался с трудом. Но кузнец не знал устали. Рубил и вспоминал, как весть о войне пришла в маленькое село Караберд, что прилепилось высоко в горах Базумского хребта, как мать его Айкануш проводила на фронт четырех сыновей. Сам Анушаван и его братья Карапет, Амаяк, Самсон сражались на разных фронтах, защищали Киев, Сталинград, Керчь, Ростов.
Анушаван не видел, но явственно представлял себе, как мать долгие часы простаивала у околицы, ожидая почтальона. И каждый раз, заметив вдали фигуру почтальона — инвалида Погоса, она маленькими, быстрыми шагами семенила к нему навстречу. Казалось, эхом отдается в горах стук ее сердца.
— Пусть ослепнут глаза твои, Айкануш...— говорил Погос.
И мать уже знала, о чем он говорит. Беззвучно рыдала, тряслись ее худые плечи, слезы падали на конверт со штампом воинской части... А Погос с трудом ковылял прочь по каменистой тропе, бормотал: «Чтоб высохли руки мои...»
Трое сыновей Айкануш не вернулись с фронта. Только Анушаван дожил до победы. Не успел подлечить раны — пошел в колхозную кузню, где так нужны были сильные мужские руки, взялся за молот.
Часто среди ночи просыпался Анушаван и, уж до утра не смыкая глаз, вспоминал разбухшие от дождя крымские степи, тяжелые бои, погибших товарищей — Будина, Козлова, Арутюняна, храброго лейтенанта Травина, старшину Головкова, капитана Киселева... Вспоминал братьев, прислушивался, как в опустевшем доме вздыхала мать. И думал о матерях тех шестидесяти односельчан, что не вернулись с полей сражений.
Для матерей война как старые раны: хоть и зарубцуются, а шрам остается навсегда. Не забывают матери сыновей — тех, кто с оружием в руках выстоял до конца в лихую годину...
...Соседи уже не спрашивают — молча пожимают крепкую руку Анушавана. И садятся посмотреть, как работает старый солдат. Не работает — сражается с базальтом.
Проходят три года в этом сражении... И вот на плоском пятачке среди гор, в Лорийском ущелье, у дороги, по которой карабердцы уходили на фронт, поднялся сцементированный из трех каменных глыб семиметровый памятник.
Мужественное лицо воина, охраняющего рубежи Родины, смотрит вдаль; суровые лица отца и сына; танк, идущий в атаку; знаменитая «катюша»...
Надпись на памятнике гласит: «Воинам-однополчанам и карабердцам, не вернувшимся с поля брани, посвящается».
У этого памятника всегда лежат горные цветы. Сюда приходят матери героев, школьники, просто путники. А его создатель — старый солдат, кузнец Кироваканского ремтреста коммунист Анушаван Ованисян, глядя на те цветы, радуется, что он, хоть и не скульптор, оставил след в сердцах людей.

г. Кировакан.

Борис ЩЕРБАКОВ

Молдавия — любовь моя!

Кому не доводилось видеть Молдавию весною, тому трудно вообразить, какое буйство красок, разнообразие и тонкость цветовых сочетаний способно вместить юное цветение природы!

Пламенеют заросли шиповника. По оврагам белой кипенью, то чуть розоватой, то с оттенком лилового, цветут сады. Струят аромат вдоль дорог акации, унизанные душистыми кистями. Тонкое белое кружево цветущего боярышника прорисовано на темной зелени дубов и лип. Сиреневые вспышки полевых лупинусов горят по откосам холмов на пронзительно-изумрудной зелени трав, с которой еще не успело расправиться яростное южное солнце. Земля благоухает, изумляя гармонией красок в своем весеннем наряде.

Встретившись впервые с этим безудержным южным цветением, я не сразу раскрыл этюдник, не вдруг смог взять в руки кисть...

Ведь мне как художнику многие годы близка была наша среднерусская полоса с ее мягкими спокойными красками.

И в Ясной Поляне под Тулой, и в Спасском-Лутовинове под Орлом, и в Михайловском близ Пскова, куда приезжал я писать толстовские, тургеневские, пушкинские места, встречались мне все те же знакомые серебристые дали, к концу лета проступавшие бледным золотом вызревающих хлебов. Глядело все то же неяркое небо, спокойно-голубой цвет которого словно бы составлен из тончайших валеров. И вдруг перед глазами такое буйство контрастов, такая открытость цвета, щедрость красок!

...Приехал я в Молдавию, продолжая свои давние странствия по пушкинским тропам. Михайловское, Болдино. И вот — Кишинев. Город, куда полтора столетия назад прибыл, чтобы прожить здесь в изгнании почти три года, двадцатилетний чиновник Александр Пушкин для прохождения службы. А точнее, высланный медоточивым Александром I на далекую южную окраину империи за то, что он «наводнил Россию возмутительными стихами»... Без этой молдавско-бессарабской страницы биографии поэта, конечно, не могла бы быть полной моя посвященная пушкинским местам серия пейзажей, над которой я работаю уже многие годы. В Бессарабии Пушкин, как известно, не жил безвыездно только в Кишиневе. Здешний полномочный наместник генерал Иван Инзов чем только мог старался смягчить положение ссыльного поэта, которого полюбил. Не препятствовал он Пушкину и в его желании попутешествовать. Итак, одно лето поэт гостит в селе Долны у друга своего помещика Ралли. Друзья тогда отправились сначала в цыганский табор, пространствовав около двух недель. И в результате — «Цыганы». Вольнолюбивые образы Алеко, Земфиры... Пушкин в тот раз совершил большое путешествие, объехав всю Бессарабию — сначала вниз по Днестру, потом до Дуная к Измаилу и затем вверх по Пруту, а оттуда возвратился в Кишинев.

И вот я в Кишиневе с намерением затем в точности проследовать тем же пушкинским маршрутом.

Нынешняя столица Советской Молдавии — новый город с прямым, как стрела, проспектом Ленина, уходящим в синеватую дымку. Зеленые улицы, где кроны белых акаций смыкаются над головой. И нелегко отыскать в этом современном европейского типа городе уголки, сохранившие след далекой эпохи. Немного их, этих живых напоминаний о старых временах. О Пушкине.

На холме, где когда-то стоял дом генерала Инзова, теперь телевизионные вышки. Но неподалеку еще стоит церковь, куда чиновники обязаны были являться к обедне и прочим службам. Вокруг сохранились маленькие домики, заборчики, наполовину спрятанные за разросшейся мальвой. Немощеная улица, поросшая местами травой, с промоинами от подтеков дождя. Как будто уголок старого Кишинева. Оттого и легко на тихой, заросшей улочке представить фигуру юного Пушкина. Словно бы встречаешь его и на соседней улице, той, где стоит дом грека Кацики, сдававшего в свое время полуподвальный этаж масонам... В дневное время, ища уединения, Пушкин подолгу сиживал здесь, работая над стихами.

Из Кишинева пушкинский маршрут увлек меня на юг. Вот у дороги возле села Росклецы стоит могучий, четырехсотлетний дуб. Старики села из поколения в поколение передают изустно, что под этим дубом отдыхал-де после взятия Бендер Суворов, отправляясь в южный поход.

Это путешествие по тем же дорогам, которыми полтора столетия назад проехал Пушкин, стало для меня не только словно бы живой встречей с любимым поэтом, не только воспоминанием о былом. Оно открыло мне прекрасную новь Молдавии. И — новые горизонты в моем собственном творчестве.

...Уходят в бесконечность, тая в дымке, голубые холмы. Невысокие, полого растянувшиеся вдоль горизонта, напоминающие те, что изобразил в своих итальянских пейзажах Александр Иванов. Распластались полустепные просторы с выжженной солнцем травой. Широко разлеглись прутские плавни с бесчисленным количеством камышовых островов, заселенных утками. Волнуются моря золотистой пшеницы, поднимает к солнцу свои еще не успевшие отяжелеть от семени ярко-желтые венчики лес подсолнухов. Но, кажется, никому и никогда не обозреть сады и виноградники Молдавии.

Виноградники выстилают зеленые чаши, образованные пологими склонами холмов. И чаши эти напоминают чем-то огромные стадионы, будто заполненные какой-то зеленоголовой публикой. Сады тянутся на многие километры, сливаясь с лесом...

А когда вступила в свои права молдавская осень, буйство цвета, красок будто достигло своего апогея! Пурпурно-красные цвета горели рядом с лилово-фиолетовыми, червонное золото сверкало на фоне глубокой синевы неба.

Моя спокойная, привычная к среднерусской сдержанности цвета палитра словно расцвела. Природа Молдавии потребовала, чтобы сами собой вошли в нее новые краски — звучные, мажорные, небывало еще для меня яркие. И это было естественно: к тому времени я успел хорошо познакомиться с молдавским народным искусством, с его сложной и своеобычной цветовой симфонией. Так что, видимо, сначала исподволь, помимо моей воли, а потом и сознательно менялось мое отношение к цвету, восприятие цвета. Народные вышивки, которые я с восхищением много раз рассматривал, росписи на стенах домов, узоры наличников, перед которыми я невольно останавливался, своим цветовым убранством, узорочьем, высмотренным, выисканным поколениями народных художников в природе родной страны, помогали теперь и мне в моей непосредственной встрече с природой республики, помогали разобраться в ее цветовой напряженности, необычности, своеобразии, новой для меня цветовой гармонии. Внезапно раскрылся мне, стал понятен этот гармонический цветовой строй, в котором сосуществуют, перекликаются, контрастируют, пополняют друг друга, сливаясь порой в мощном созвучии, цвета и краски!

...И вот пишу я с какой-то вновь обретенной радостью, раскованностью позолоченные осенью серебристые тополя, глядя на них снизу, а рядом — могучие вековые дубы, звенящие червонной листвой. И все это на фоне синевы неба, которое в летнюю пору здесь обычно бледное, мутноватое, но зато теперь как будто выдало всю силу синего тона, на какую только способно! «Осенние тополя».

А потом хожу и хожу к голерканам над Днестром, где по крутому холму растут удивительные деревья, осенью превращающиеся в чудесный букет, в котором преобладают красные тона — от глубокого вишневого до киноварной яри.

Начал я писать эту симфонию красных — глубоких и светлых, но всегда гармоничных — тонов в тихий час сумерек, когда над горизонтом поднимался огромный бледно-розовый диск луны. Назвал ее «Красные сумерки». Помню, писал я, а мне все казалось, что это сказка, что так не бывает. И вместе с тем я видел все это живое, шелестящее зарево перед своими глазами, мог дотронуться до него рукой. Видел осенние краски неповторимые, единственные.

Время сумерек везде кратко. И мне приходилось несколько недель приходить к удивительным деревьям, увенчавшим крутолобый холм.

К концу моей работы пейзаж в натуре сильно изменился. Густые вишневые краски поблекли, облетели ярко-красные листья, исчезли очарование и таинственность. Кончилась сказка!

Но я увозил ее с собою. На холсте. Ехал я теперь с этим драгоценным грузом в дальнюю маленькую деревушку Каларашского района, необычайно живописно расположенную. Захотелось написать там голые холмы с лошадьми, пасущимися целые дни среди кустов спелого, как вишня, боярышника и ярко-красного шиповника.

С каждой новой встречей я чувствовал, как все щедрее одаривала Молдавия меня, живописца, новым пониманием цвета, обогащала мою палитру. Я писал в своей обычной манере: подробно, вбирая каждую деталь, но больше, чем когда-либо прежде, кисть моя теперь стремилась сочетать эту привычную ей подробность изложения с поэтической цветностью.

Вот так и случилось, что встреча с Молдавией стала для меня началом нового творческого этапа и дороги ее — дорогами творческих открытий.

Удивительно ли, что так глубоко в сердце вошел мне этот цветущий край! Что, собираясь пробыть там три месяца, я езжу туда вот уже три года кряду. И после трех лет упорного труда я знаю, что не только не исчерпал этой вновь обретенной радостной темы, но едва успел понять, что лишь слегка коснулся той неповторимой прелести, того необычайного разнообразия мотивов, которыми так богата республика.

И мне хочется как можно полнее запечатлеть это на моих холстах. Мне хочется еще и рассказать о сегодняшнем дне республики, о ее замечательных людях — моих дорогих друзьях, которых встречал я здесь повсюду. И сегодня, когда мастерская моя полна Молдавией: десятки этюдов, сотни зарисовок, заметок, набросков,— я снова еду в этот благословенный край и с восторгом, от всего благодарного сердца говорю: «Здравствуй, Молдавия — любовь моя!»

Б. Щербаков. ВИНОГРАД.

ЗАТОПЛЕННЫЙ ЛЕС.

Б. Щербаков. КРАСНЫЕ СУМЕРКИ.

Б. Щербаков. ОСЕНЬ.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ОЗЕРО.

Василий НОЗДРЕВ

ВРЕМЕНА ГОДА

Земной космос

Мы бредим иными мирами,
Что скрыты в космической мгле,
А космос у нас под руками,
А космос у нас на Земле.

Ведь иволга — зодчий крылатый,
И флейту настроивший дрозд,
И древний красавец сохатый —
Не это ль собрание звезд?

Несметные тайны хранятся
В степи, и в тайге, и в реке,
А нам, беспокойным, все снятся
Миры, что от нас вдалеке.

По падям нехоженым, топким
Уйду за земною звездой...
И пес мой отыщет мне тропку
В чарующий космос земной.

Разнотравье

Цветисто разнотравье разодето
В косынки яркие, браслеты, кивера,
И, как июня верная примета,
Пахуча смолка, сладки клевера.

В горячем воздухе незримо
Плывет бродящих запахов настой,
И коростель-дергач неутомимо
Кричит, запутавшись в траве густой,

Сгорят над лугом два иль три рассвета,
Сюда с восходом утренней зари
Придут собрать дары начала лета
Веселые ребята — косари.

И брызнут соками испуганные травы,
Подрезанные острою косой.
И клеверок, медвяный, кучерявый,
В последний раз умоется росой.

Осень пришла

Листопадит в роще, листопадит,
Пролетает ветер низовой,
И сметает в заросли и пади
Желтый лист незримою метлой.
Оголенный клен, как лось рогатый,
Над протокой головой поник.
Из-под листьев смотрит виновато
Красным глазом поздний боровик.
Листопадит в роще, листопадит
Так, что в сердце входит холодок,
И лесные водяные глади
Окаймляет первенец ледок.

* * *

В багрянце лес и небосвод.
Протянем же друг другу руки,
Недаром говорит народ,
Что желтый цвет всегда к разлуке.

Осенний куст твоих кудрей
Растаял в роще за рекою,
И ветер с поля, как злодей,
Запорошил следы листвою.

Тропинка

Памяти Ю. Гагарина

С малолетства, а значит, давно, в старину,
Полюбил я, ребята, тропинку одну,
Полюбил за разбег и ее красоту,
Что она все бежит и бежит в высоту.
И по ней я иду все вперед и вперед,
И с нее я всегда вижу солнца восход.
Чем я дальше иду, тем все круче подъем,
Обжигают ветра мое тело огнем.
Как чудесен ее винтовой поворот:
Ощущенье в тебе, что идешь ты на взлет;
Оглянешься — вокруг бесконечный простор.
Не ее ль проложил наш великий помор?
Да, когда-то и впрямь здесь прошел бурелом
То наш прадед могучий шагал напролом.
И сейчас различимы Михайлы следы:
Пролегла та тропа от земли до звезды.
Век прошел, а за ним и другой миновал,
Не с нее ли Гагарин, друзья, стартовал?

В старом лесу

И фантастично все и зримо
В замшелой стороне лесной.
Вот солнца луч, скользящий мимо,
Мелькает меж корней лисой.
Зверье и птицы разомлели,
Совсем забыли про дела.
И медленно по старой ели
Стекает золотом смола.
Не шелохнутся тонкие ветки.
Одна лишь иволга поет,
Как будто на свиданье с предком
Забытой дудочкой зовет.
Так повелось, что с малолетства
В лесах таежных в знойный час
Сильнее прадедов соседство
Я ощущаю каждый раз.

Заря на снегу

В полях заречных, у криницы,
Вдруг вынырнув из-за бугра,
Метнулась по снегам лисицей,
Дугою выгнулась заря.
И меньше, меньше становясь,
Хвост к роще медленно тянула.
Я не заметил, как она
В сугробах снежных утонула.

Скворцы прилетели

Давно у соседей запели скворцы.
И носят соломку в скворечню.
А где же мои удалые певцы?
В саду я не слышу их песню.

И только я встал, чтоб из сада уйти,
Смотрю, а они прилетели,
Со свистом приветственным, прямо с пути
На сук у скворечника сели.

Спасибо вам, скворушки!
                                        Труден был путь,
Но нет ведь и жизни без родины.
И вы дотянули,
                        чтоб снова взглянуть
На куст подмосковной смородины.

Уходит лето

Гроздья желто-красные рябины
Облепили жирные дрозды.
На траве некошеной низины
Золотые россыпи звезды.
Смешанные запахи отстоя
Смол, и трав, и ягод, и грибов
Тяжело, как облако живое,
Плавают незримо меж стволов.
На пеньках и травах паутина,
Знать, рукой до осени подать.
Птичьи стаи в зарослях малины
Провожают лета благодать.
Ни громов, ни песни соловьиной,
Лес, как в мех, закутан в тишину.
Сытый август по стволу осины
Флаг багряный тянет в вышину.

Утро

Окутала метели вязь
Сады, и рощи, и заборы,
И даже долговязый вяз
Красавцем стал в таком уборе.

Стоят растерянно вдали
В собольих шубках сосны, ели,
Как будто на свиданье шли,
Да так в сугробах и засели.

Но солнце вдруг взлетело ввысь,
Теряя красный пух и перья.
На снег, откуда ни возьмись,
Как звезды, пали ожерелья.

На чистой белизне обнов
Все заискрилось, засверкало.
От радости у тетеревов
В зобах весна забормотала.

Утренняя зарядка Акселя Вимберга.

Суперфосфатный десант.

ПЕСТРЫЕ И БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ

КОММУНИСТЫ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Н. ХРАБРОВА

Фото В. Сальмре.

Десятки тысяч коммунистов живут и работают в Советской Эстонии. Велика мера их особой ответственности за судьбу заводов и полей республики, школ и рыболовных траулеров, за то, чтобы людям жилось еще лучше.

Дни коммуниста Акселя Вимберга проходят в заботах о земле, деревенском хозяйстве, деревенских людях. О нем, об одном из тысяч коммунистов Эстонии, наш репортаж.

О ЧЕСТОЛЮБИИ

За старой Симунаской церковью из-под бревенчатого сруба, поблескивая, выливаются родники и тотчас становятся степенной речкой Педьей. Педья впадает в реку Эмайыги, в русской литературе известную под старинным названием Омовжа, а Омовжа-Эмайыги впадает в большую воду Чудского озера. Владения совхоза «Симуна» расположились вокруг родников, как вокруг сердца.

Акселю Вимбергу 38 лет. Если биография некоторых молодых людей укладывается в три-четыре строки, то только про юность Вимберга можно написать целую книгу. С главой о дедах, некогда уехавших из Эстонии в Петербургскую губернию в поисках земли и счастья, о детстве Акселя в блокадном Ленинграде, об эвакуации, о радости внезапных встреч и возвращений. Об определенности характера: Аксель уже в детстве твердо знал, кем будет, и в соответствии с этим поступил в сельскохозяйственный техникум. Потом была служба в погранвойсках. Он служил в Эстонии, это было первым свиданием с родиной предков, и маленькая приморская республика обдала его теплом национальных традиций. Еще должна быть в книге об Акселе Вимберге глава о комсомоле: куда бы он ни попадал, его везде избирали комсоргом. После демобилизации некоторое время работал в одном из эстонских райкомов комсомола, потом в ЦК

ЛКСМ Эстонии. А затем ему предложили перейти в ЦК ВЛКСМ — ответорганизатором по Украине. Лестное для комсомольского работника предложение! Комнату в Москве получил, молодая жена в столицу переехала. Она и подсчитала: за полтора года видела своего мужа всего 49 дней. Там, в хлеборододных черноземных областях, его неудержимо притягивали люди, дороги, поля.

Вот тут мы можем позволить себе из общих черт биографии Акселя Вимберга выделить одну деталь, одну страницу жизни.

Он вернулся в Москву из очередной командировки и читает свежие газеты. Напечатаны материалы Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Среди многого другого речь идет и о молодых специалистах земледелия.

Формальности были короткими. Прямо из весенней Москвы, из служебного положения, которым человек честолюбивый мог бы гордиться, Аксель Вимберг шагнул на оттаявшие поля эстонского совхоза «Симуна». Черные деревья классического помещичьего парка, окружавшие бывший дворец, а ныне совхозную контору, покрывались чуть заметным зеленым дымком. С чего же начал молодой директор?

Аксель Павлович призадумался, вспоминая:

— С чего же и в самом деле я начинал? Начинал с сева. А почвы тут такие, что даже без всяких удобрений, единственно только строго следуя правилам агротехники, можно получить шестнадцать центнеров с гектара. Следовательно, на агротехнику нажимал.

Однако же какие силы скрыты в этой всемогущей агротехнике? Опыт тысячелетий, сотни открытий умещены в увесистых учебниках, в сельскохозяйственных журналах, в карманных справочниках агрономов. Но как бы наизусть ни знал ты главы учебников, все равно этого мало. Нужно еще уметь брать в пригоршню землю до тех пор, пока кожей, сердцем, инстинктом не поймешь, что вот именно сегодня в полдень, и ни на час позднее, надо начинать сев. Надо уметь не позволить ни себе, ни трактористу хотя бы единым следом сапога смять рыхлую коричневую перину подготовленной пашни. Надо уметь быть жестким: наехал шофер неаккуратно на поле, оставил колею в хлебах — лишать его премии да еще убедительно доказать, что лишается он этой премии ради своей же пользы. Надо уметь, если температура внезапно упадет ниже агротехнической нормы, так же внезапно, на всем скаку остановить стремительную карусель сева. А потом по возможности спокойно выслушать упреки за срыв районного графика и так же спокойно объяснить, что есть законы агротехники... От науки она порой неумолимо переходит в область самых накаленных эмоций. И еще надо, чтобы комплекс агротехнических знаний и эмоций стал в человеке условным рефлексом.

Вот, например, едем мы симунаской дорогой мимо овсяного поля. Над ним гудят разные машины, а когда смолкают вдруг, в короткой тишине можно уловить тоненький звон золотых овсяных метелок. На симунаских полях овес эстонского сорта «хямарик», что значит «сумеречный», стоит высокой и плотной массой. Хорош будет урожай! Но Лембит Поргасаар, колхозный экономист, огорченно машет рукой в сторону неспелых, зеленых разводий в желтом озере овса:

— Весенняя засуха подвела, всходы были недружными, при сортировке зерна будут большие потери. Может быть, двадцать два центнера получим. После прошлогодних тридцати прямо-таки беда.

С одной стороны, конечно, беда. С другой стороны, весна, и верно, была сухая, холодная, с этим пока ничего не поделаешь. И если 22 центнера тут называют бедой, так, вероятно, это и не беда?

От комбайнов идет запах теплой овсяной половы, и мы шагаем туда. Может, из-за нас и замешкался комбайнер, оставив на стерне прядочку нескошенного овса. Но тут же заметил это и крикнул товарищу:

— Велло, подбери!

Велло вильнул хедером, подобрал, и комбайны стройно пошли друг за другом. Поргасаар вдруг повеселел и сказал:

— Вообще-то, если даже наши новички-механизаторы будут тщательно избегать потерь при уборке, может, и двадцать пять центнеров наберем.

Вот он, условный рефлекс на одно из железных правил агротехники — беречь каждое зерно.

Азбучная истина. Стоит ли так много говорить о ней? Но в таком случае стоит ли делать новые открытия в агротехнике, если даже старые, азбучные истины многие никак не усвоят?

Есть отговорка: как не быть потерям, если на уборке вечная спешка и вечная нехватка рабочих рук? Однако в «Симуна» тоже отнюдь не избыток рабочих: на 5 тысяч гектаров их немногим больше 300 человек. Это значит, что на долю каждого приходится обработка 17 гектаров — намного выше, чем в среднем по республике, в среднем по стране. Это значит, что здесь высокая производительность труда. Почему? Каковы причины? Или, может быть, тут сделаны некие новые открытия? Посмотрим.

— Кажется, осенний сев начался!..

Рейн Порк, кандидат биологических наук, заведует свинофермой.

ЗЕЛЕНОЕ МОЛОКО И БАССЕЙНЫ ДЛЯ СВИНЕЙ

Есть у нас в деревне хозяйства, процветающие оттого, что развивают у себя множество отраслей. Есть у такого пути экономического развития свои сторонники.

В «Симуна» только два направления: зерновое и мясо-молочное. Не думаю, что сердце Акселя Павловича не дрогнуло, когда прибыль от продажи породистых тягловых лошадей достигла почти 300 процентов: захотелось, поди, на секунду отставить все и выращивать лошадей. Но прямая задача земледельца не лошади, а зерно, молоко, мясо. Конечный итог работы стабилен: по 30 центнеров с гектара зерна, по 3 500 килограммов молока от каждой коровы.

В хозяйстве пока еще нет роскошных курортных, превысивших деревенские возможности коттеджей. Но об отдыхе, об обыкновенном физическом отдыхе здесь заботятся основательно, создают нечто вроде своего маленького санатория. Старую мельницу перестроили под своеобразный дом отдыха с небольшими комнатами, хорошей парной баней, банкетным залом для разных семейных торжеств. Бывшую запруду чистят, углубляют, укрепляют бетонными набережными, превращают в проточное озеро. А с жильем еще

неважно: государственные фонды невелики, рабочие пока ремонтируют и обшивают тесом свои видавшие виды деревянные дома. Но зато, исходя из необходимости и желания всемерно облегчить нелегкий крестьянский труд, хозяйственные помещения строят с размахом, по последнему слову науки и техники, с максимальной механизацией и автоматизацией.

Аксель Вимберг за годы работы в «Симуна» закончил экономический факультет Ленинградского сельскохозяйственного института. Впрочем, не так уж много пользы было бы от того, что у него одного высшее образование. За эти же годы еще 14 человек получили высшее образование. По утрам из центральной усадьбы на поля мчатся элегантные светловолосые девушки в эластиковых брючках — агрономы, а на свиноферму широким крестьянским шагом идет молодой человек—кандидат биологических наук Рейн Порк. Подходит ли кандидату наук работать заведующим свинофермой? Ого, еще как — попробуй найди где-нибудь такие лаборатории, как здешние свинарники! А не скучно ли в свинарниках молодому интеллигенту? Некогда скучать, для научной-то работы времени в обрез, потому что для нее сначала надо создать материальную базу, то есть оптимальные условия в тех же свинарниках.

Защищена была в свое время Рейном Порком диссертация на такую тему: «Вопросы питания, критических факторов роста и раннего отъема поросят». Дело в том, что ранний отъем дает возможность заметно ускорить рост населения в свинарниках: пока одни детки состоят на искусственном вскармливании, ретивые мамаши за это время заводят новое потомство. Таким образом, в совхозе «Симуна» от каждой свиноматки получают по 100 поросят в год. В зоотехнии это называется «стартерный метод». Ну, а если по старинке, естественным путем, без «стартерного»? А тогда будьте довольны, если четвероногая мамаша успеет обеспечить прирост населения в 40 голов. Выгода ясна. Но тут, как и при всяком искусственном вскармливании, особенно важны правильные рационы. И Рейн Порк с рвением повара-новатора разрабатывает как для родительниц, так и для потомства разные меню, доселе известные и неизвестные. Вот, например, приходилось ли вам видеть зеленое молоко? Все очень просто: это сок растений, по своей питательности он близок к натуральному молоку. Зеленое молоко в «Симуна» будет производить машина, конструкцию которой разрабатывает тоже сам Рейн Порк.

В симунаских свинарниках необыкновенная чистота.

— А для этого — вот посмотрите,— говорит Рейн Порк,— мы держим свиней на привязи.

Бог ты мой! Действительно, огромные розово-белые матроны стоят в своих тесноватых стойлицах в ошейниках. На привязи.

— Они тут прекрасно чувствуют себя. А ограниченная подвижность им только полезна: свиньям ведь ни к чему тонкие талии. Навоз в стороне. Человеку остается лишь сесть на трактор, раздать корма и с помощью специального устройства вывезти навоз.

Совхоз строит огромный новый свиноводческий комплекс на 12 тысяч поросят — целую фабрику без применения ручного труда. Гигиена тут достигнет фантастического уровня! Например, прежде чем прибыть в родильное отделение, свиноматки будут переплывать бассейн с дезинфицирующим раствором. Вот тут-то мы и выяснили, что свиньи, оказывается, прекрасные и весьма увлекающиеся пловчихи...

ДВА МОНОЛОГА ДИРЕКТОРА

Вимберг любит и умеет считать — недаром же он экономист.

— Скажите, известно ли вам, сколько килограммов кормовой брюквы должна съесть корова для того, чтобы получить такое же количество кормовых единиц, как от одного килограмма зерна? То-то же, что неизвестно. А она, бедняга, должна съесть 15 килограммов этой самой брюквы. Такое корове затруднительно. Тем более, что она тут в основном должна перегонять воду — ведь и в кормовой брюкве, и в свекле, и в гибриде «куузику» содержится от 80 до 90 процентов воды. Зачем же выращивать воду на полях? Ее надо подавать в автопоилку, витамины и микроэлементы добавлять в комбикорма.

Интересно! Хотя, может быть, и спорно. Наверняка даже спорно. И не во всех зонах возможно. Но ведь зерно намного проще сеять и убирать, чем корнеплоды! Наверняка будущее за фуражным зерном. В «Симуна» уже сейчас решительно перестраивают поля и севообороты, и Симунаская опытная станция Института мелиорации и земледелия ЭССР, а также работающий при этой станции «Клуб земледельцев» с особым тщанием исследуют поведение элитных сортов ячменя при оптимальном количестве разных удобрений.

...Ярко-оранжевый, он прошел по старинной аллее, пофыркал на своих более мелких сородичей и повернул на поле. Было это во время обеденного перерыва, и народ высыпал из столовой на площадку перед механическими мастерскими.

— Наш новый «кировец»,— отрекомендовал новосела Вимберг.— Видите шины? Какая ширина и со ответственная легкость! Чемпион тракторов! Слабым механизмам приходит конец. День совхозного рабочего — это ведь не былая крестьянская страда, от зари до зари. У нас, как на заводе, все по часам расписано. Переходящее Красное знамя в моем кабинете видели? Это за самый высокий в республике рост всех показателей труда. А мы подсчитали разные наши резервы — биологические, механические, в организации труда — и убедились, что еще по-кустарному работаем. И резервов у нас много.

Что за резервы? Да все те же — наука на полях и фермах; строительство механизированных хозяйственных служб; привычка беречь каждое зерно; подготовка шоферов, механизаторов и доярок первого класса... Право же, здесь нет никаких открытий. Все давно известно! Важно вот что: здесь в с е у м е ю т беречь каждое зерно; здесь доярки с помощью «импульс-пипелин» обслуживают вместо тридцати коров шестьдесят: здесь высчитано и признано, что самолетом вносить удобрения выгодно, поэтому построена посадочная площадка и летчик из Таллина Юрий Степанович Крайнов стал в совхозе своим человеком.

Нет, конечно, не будем называть эти явления в совхозе «Симуна» открытиями. Но все же нельзя не порадоваться.

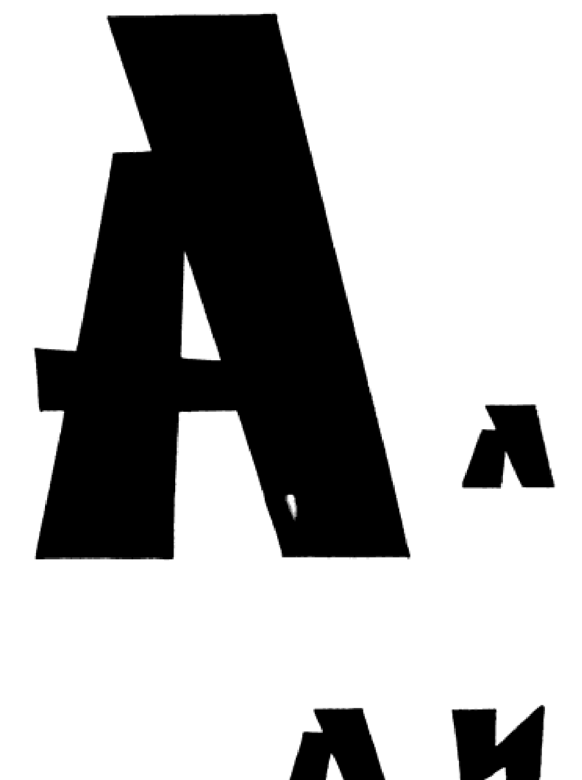
...Осень в разгаре. Вот уже и журавли тревожно и торжественно пропели в вышине свою прощальную песню — путь их отлета и возвращения проходит над симунаскими полями. Воробьи, подражая перелетным, тоже сбились в стаю, расположились на проводах и раскричались, внеся свой вклад в осеннюю суету. Рябины у дорог стоят запыленными золушками. А там, на горизонте, трактора готовят к новой весне новое большое поле. И новые, главные страницы в книге жизни Акселя Вимберга еще белы.

Джон С. Стрэйндж — литературный псевдоним прогрессивной американской писательницы Дороти Тиллетт (1896 года рождения), работающей в остросюжетном жанре и написавшей на английском и французском языках романы и повести: «Колокол в тумане», «Тупик», «Обоснованное сомнение», «Молчаливый свидетель» и др.

Д. С. СТРЭЙНДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В воскресный день в конце 1952 года комиссар уголовной полиции Парижа Женэ резко затормозил свой «рено» у тротуара на Плас дю Тертр, перед входом в кафе. Он приехал сюда не по служебным делам, а как частное лицо и не переставал корить себя за это. Некоторое время он неподвижно сидел в машине.

Площадь мирно дремала под лучами солнца. Сезон еще не наступил, но пройдет немного времени, и толпы шумливых, без умолку болтающих туристов наводнят Монмартр.

В центре площади за столиками, отгороженными от улицы вьющимися растениями и кустарниками в кадках, сидело несколько человек. Они не привлекли внимания комиссара, он продолжал с раздражением думать о том, что зря потратил время, приехав сюда. Если бы только он не пообещал мадам Маргит! Каким идиотом может иногда оказаться человек, поддавшись доброму порыву! Ему бы следовало ответить (разумеется, вежливо и тактично), что в

ЬБЕРТ ОБРЕТАЕТ ЦО

концe концов это не его дело, что ее сын Анри — взрослый человек. Да что рассуждать, ведь ничего подобного он не ответил! Больше того, он позволил втянуть себя в нечто такое, что вовсе не должно его касаться Почему позволил? Да потому, что он всегда относился к мадам Магрит с большим уважением, потому что знал ее с тех пор, когда был совсем маленьким, потому что она поила его горячим шоколадом и угощала печеньем, когда он приходил из школы вместе с Робером.

Ну, а кроме того, черт возьми, она права. Дело действительно затянулось, и если сейчас не предпринять что-то, потом окажется поздно. Возможно, и сейчас уже поздно.

«Вероятно, я с ним поссорюсь,— подумал комиссар.— Что ж, так мне и надо». Он вздохнул, выбрался из машины и, одернув пиджак, немного постоял, поглядывая на кафе.

Женэ был представительный и элегантный мужчина, стройный, с живыми карими глазами и маленькими, аккуратно подстриженными усиками. Ничем, казалось, он не напоминал детектива, и тем не менее даже тот, кто впервые увидел его, без труда догадался бы о его профессии. Очевидно, за семнадцать лет служба в уголовной полиции накладывает на человека определенный отпечаток.

Официант кафе сразу узнал Женэ.

— Добрый день, господин комиссар,— вежливо улыбаясь, поздоровался он.

— Мосье Магрит здесь?— спросил Женэ.

— Наверно, у себя в комнате. Во всяком случае, я не заметил, чтобы он уходил. Позвать?

— Не надо. Я сам к нему поднимусь.

Снизу из кухни доносились разнообразные запахи, и Женэ с отвращением фыркнул. Давно не ремонтировавшиеся ступеньки лестницы и пятна на стенах заставили его поморщиться. Он знал, что комната Анри находится на самом верхнем этаже, а проще говоря, на чердаке. Поднимаясь, комиссар испытывал присущее каждому здравомыслящему человеку раздражение на тех, кто «совершенно не умеет пользоваться жизнью».

Женэ остановился перед неплотно закрытой и давно нуждающейся в починке дверью, постучался и, не получив ответа, вошел.

В комнате, освещенной лишь маленьким оконцем в покатой стене, было душно; здесь стояли комод, умывальник, стул, небольшой стол и убогая деревянная кровать. На кровати, закинув рук* за голову, спал Анри Магрит. Женэ взглянул на него и внезапно почувствовал жалость. «Бедняга!»

Выражение лица Анри смягчилось во сне, сейчас он выглядел тем семнадцатилетним подростком, который ушел в армию в первые же дни войны. Женэ вспомнил, каким трогательно хрупким и в то же время по-юношески храбрым и беззаботным был тогда Анри — по-своему красивый, с крупными чертами лица, высоким лбом, чуть надменной складкой чувственных губ и голубыми глазами. Да, во сне он выглядел совсем как тот мальчишка, который хотя и следовал повсюду за Робером как тень, но все же часто ссорился с ним, ибо не хотел никому подчиняться, даже старшему, обожаемому брату.

Если бы Робер был жив, возможно, не пришлось бы ничего предпринимать. Женэ сел на единственный стул. Посматривая на спящего, он чувствовал себя человеком иного поколения, хотя был старше всего на шесть лет. Беда Анри в том, что он, в сущности, не знал молодости,

юным пережил слишком много. Подобно многим своим сверстникам, Анри отправился странствовать по жизни еще до того, как появилось нечто такое, к чему он мог бы вернуться. Все же в течение четырех военных лет, точнее, в течение всего времени после капитуляции Франции, Анри, подобно Роберу, Женэ и многим другим, активно участвовал в движении Сопротивления.

«Но ведь мы с Робером в то время были уже взрослыми и полностью отдавали отчет в своих поступках,— размышлял Женэ.— Можно ли определить, как подействовала подобная жизнь на юношу, которому тогда не исполнилось и двадцати лет?»

Женэ знал, что в довершение ко всему на Анри очень подействовала гибель Робера, кроме того, у него был неудачный роман. Нет ничего удивительного, что Анри выбился из колеи.

Женэ вздохнул и посмотрел в окно, но какой-то звук заставил его оглянуться. Привстав на кровати и облокотившись на локоть, Анри внимательно наблюдал за ним.

— Алло!— поздоровался он.— Вы давно тут?

Женэ пожал плечами.

— Достаточно долго, чтобы в конце концов задать себе вопрос, проснешься ли ты вообще.

— Я поздно вернулся, около пяти.— Анри зевнул.— Мировые проблемы решали с Пьером Дюмоном.

— Ну и как, решили?

— Решили, что человечество состоит из одних мерзавцев и не заслуживает того, чтобы его спасать.— Он спустил с кровати ноги, снова протяжно зевнул и провел рукой по своим взъерошенным черным волосам.

Женэ с раздражением взглянул на него.

— Ты рассуждаешь, как глупая школьница.

— Да ну?— улыбнулся Анри.— Вот уж не знал, что школьницы в состоянии рассуждать подобным образом. А впрочем, возможно, вы и правы. Времена меняются.— Он подошел к окну, высунулся в него и крикнул: «Эй, Жюль, кофе!» — после чего налил в умывальник воды, плеснул несколько раз на лицо и энергично вытерся полотенцем.— Но что, собственно, с вами? Вы явно раздражены, мой друг.

Женэ рассердился.

— Мне осточертел твой цинизм. Это болезнь нашего времени, вот что. По-твоему выходит, что на всем белом свете нет ничего хорошего, поскольку рай еще не наступил.

— На белом свете действительно нет ничего хорошего,— холодно заметил Анри.

Теперь в его лице не оставалось ничего юношеского, губы сложились в горькую усмешку.

— Давай-ка лучше переменим тему,— примирительно сказал Женэ.

— Пожалуйста, тем более что наш разговор не имеет никакого смысла. Не исключено, что через несколько лет, а то и через несколько месяцев все мы превратимся в радиоактивную пыль.

— И ты говоришь об этом чуть ли не с радостью?

— А почему бы и нет? За исключением тех немногих, кого я могу пересчитать по пальцам...

— Позерство и глупости!

Анри улыбнулся.

— Но я-то хоть сохраняю самообладание, чего не скажешь о вас.

«Верно,— подумал Женэ.— Я сержусь, а не следовало бы».

На лестнице послышались шаги; очевидно, Жюль нес кофе. Анри подошел к двери и открыл ее.

— Ну что ж,— проговорил он.— Когда произойдет катастрофа, я прежде всего брошусь спасать Жюля. Без него мне ни за что не выжить. Он же мой друг, не так ли, Жюль?

Официант улыбнулся, делая вид, что не понимает шутки, положил в карман деньги и вышел, осторожно закрыв за собой дверь.

Анри налил в чашку кофе и горячего молока и, продолжая держать кофейник в руке, взглянул на Женэ.

— С вами разговаривала мать, да?

— Да.

— Недаром у вас такой виноватый вид. Вы, очевидно, хотите сказать, что я должен принять предложение Шалте и отправиться в Женеву?

— Будешь идиотом, если откажешься. Подобное предложение...

— Понимаю. Сейчас вы добавите, что его делают мне ради отца. Ну, и потому, что бедный старик Шалте уже впал в детство.

— Боже! Да он владелец лучшей в мире фирмы, издающей литературу по искусству.

— Уж мне-то об этом не надо говорить.

— Он же, по существу, хочет передать тебе свою фирму.

— Да, да.

Анри порылся в верхнем ящике комода, достал письмо, написанное четким наклонным почерком, и вслух прочитал:

— «...занять место сына, которого не дала мне судьба». Трогательно, а?

Женэ с трудом сдержался.

— Большинство людей просто бы вцепилось в такую возможность.

— Давайте скажем, что я эксцентрик.

— Черт возьми, Анри, но чем ты, собственно, занимаешься? Сколько времени прошло после войны? Шесть, нет, семь лет. Год ты работал в магазине — картинной галерее отца, а потом...

— Вы хотите, чтобы я снова вернулся туда? Вам так нужно?

— Никто тебя не просит. Ты не хочешь возвращаться? Зря, однако тут уж ничего не поделаешь. Но чем, спрашиваю, ты занимаешься? Прыгаешь с одной работы на другую: успел поработать и шофером автобуса, и грузчиком, и механиком гаража... Такой-то человек, как ты! Пустая трата времени и непроходимая глупость.

— Возможно, мне так нравится.

Анри положил в чашку сахар и стал помешивать кофе. На его лице появилось сердитое выражение.

— Нет, это тебе не может нравиться.— Женэ резко взмахнул рукой, поднялся и подошел к окну.— Нет ничего, что тебе бы нравилось, потому что ты как огня боишься всякой ответственности. Ты носишь ненависть у сердца, нянчишь и лелеешь ее. Анри, неужели ты не понимаешь, что в конце концов это погубит тебя?

В комнате наступило молчание.

— Да, да, возможно,— проговорил наконец Анри.

Женэ облокотился на подоконник, чувствуя, как покидает его гнев, как на смену ему приходят разочарование и сознание собственного бессилия. «Ничего у меня не получилось,— подумал он,— но ведь я и не надеялся на успех. Жаль, я не могу сказать ему ничего такого, что убедило бы его. Да и можно ли убедить человека, если он не хочет, чтобы его убедили?..»

— Ну, я должен покинуть тебя,— заметил он после долгой паузы.— Служба.

— Служба? Сегодня?

— Да. Мы сейчас расследуем одно довольно странное дело. Несколько дней назад арестован некий Скапини, мы подозреваем его в причастности к ограблению Тиссара. При обыске в его квартире обнаружены различные бумаги, спрятанные в тайнике в 1940 или 1941 году.

Анри быстро взглянул на Женэ.

— Какие именно?

— Видишь ли, похоже, что во время немецкой оккупации Скапини работал на Дорфмюллера из гестапо. Фамилии, адреса...

Анри весь напрягся.

— Никто не рискнет хранить такие бумаги.

— Ты думаешь? А ведь кое-кто уже попался на этом. Встречаются же люди неосторожные, или глупые, или то и другое вместе.

— Вы уверены, что так произошло и на этот раз?

— Относительно. Впрочем, все может кончиться ничем.

В действительности Женэ так не думал. Уже сейчас, спустя всего лишь несколько дней, он считал, что наткнулся на нечто весьма серьезное. Только бы не порвалась эта тонкая нить!

Он поднялся, чтобы уйти.

— Ты все же подумай о предложении Шалте,— посоветовал он.

После ухода Женэ Анри вновь с беспомощной злостью взглянул на письмо. Да, предложение великодушное, даже слишком, и исходит от друга отца — пожалуй, единственного друга отца, человека очень трудного. Скорее всего, подумал Анри, Шалте написал по просьбе матери. Черт бы побрал и самого Шалте и его великодушие!

Анри присел за столик, чтобы написать ответ, но после нескольких неудачных попыток отказался от своего намерения, швырнул бумагу на пол, оделся и вышел.

Казалось, весь город высыпал на улицу насладиться теплым солнечным днем. Анри сбежал по гигантской лестнице, спускавшейся с Монмартра; отлогий холм был усыпан детьми, нянями, юношами и девушками, сидевшими на траве чуть не в обнимку, и пожилыми, оживленно судачившими людьми. Но Анри ничего не замечал, разговор с Женэ взбудоражил его больше, чем тот мог заметить. Крайне раздраженный, он широкими шагами преодолевал лабиринт улочек и переулков, направляясь к центру города; им двигало непреодолимое желание физической усталостью заглушить душивший его гнев. Прошло не меньше часа, прежде чем юноша взял себя в руки и осмотрелся.

Он находился на небольшой площади, на которую выходило три улицы солидных многоквартирных домов серого цвета с высокими окнами и крохотными балконами. Анри почувствовал, что проголодался и устал. На углу он заметил небольшое кафе-ресторан. Просмотрев меню, висевшее у двери в рамке под стеклом, и убедившись, что цены вполне сносные, он уселся за столик на тротуаре и заказал кое-какую закуску и полбутылки вина. Ел он не торопясь и, по мере того как усталость покидала его, все чаще спрашивал себя, не прав ли Женэ, называя его позером и болваном. Он вспомнил своего отца Мориса Магрита, каким тот был до войны. Анри, тогда еще мальчишке, он казался суровым, но благосклонным тираном. Мать души в нем не чаяла, а все другие члены семьи и обожали его и боялись. Высокий, худощавый, красивый, с посеребренными висками, он многое передал из своего облика детям. Анри живо представил и посетителей дома на улице Жана Беллэ — художников, критиков, молодых людей — этаких непризнанных гениев, добивающихся чести выставить свои работы в «Галерее Магрит». Память рисовала отца, каким он был в те времена,— неизменно преисполненного чувства собственного достоинства и, как кажется сейчас, несколько высокомерного, в визитке по утрам и в смокинге вечерами, безапелляционно, с легкой снисходительностью к собеседнику высказывающего свое мнение.

Анри вздохнул. Несмотря на возмущение тиранией отца и все сцены, происходившие за дверью отцовского кабинета, он не мог не гордиться, что является сыном Мориса Магрита. Да, неприятных сцен между ними происходило немало. Возможно, он слишком походил на отца — такой же надменный и вспыльчивый. Его брат Робер отличался мягким, податливым характером и держался со своим суровым отцом скорее как дочь, а не как старший сын. Нет, нет, вовсе не из-за слабости характера! Анри знал, каких усилий стоило Роберу заново начать жизнь после того, как полиомиелит превратил его в калеку. Только сильный человек мог вот так победить свое несчастье.

Однако сам Анри вел себя с отцом совсем по-другому. Стыдно признаться, но он был в семье бунтарем, и не потому, что кто-то давал ему для этого повод, а просто из желания бунтовать, просто потому, что не терпел дисциплины и отвергал всякую власть над собой.

В кабинете отца ему пришлось пережить немало неприятных минут, но вовсе не из-за этого Анри покинул родительский очаг вскоре же после возвращения с войны. Сейчас он отдал бы все на свете, лишь бы послушать, как на него кричит отец, почувствовать испепеляющее пламя его насмешек и холод его иронии. Однако он совершенно не мог видеть отца растерянным, подавленным, обмякшим, ни на шаг не отпускающим от себя жену, словно малое дитя — мать, с трясущимися, как в лихорадке, некогда такими красивыми руками. Причиной всему была смерть его любимца Робера. Сначала вместе с Робером умерло его сердце, потом начало умирать тело. Он никогда не заговаривал о Робере и целиком посвятил себя своей дочери Аник, тогда еще совсем ребенку, часами бродил с ней по городу, не выпуская ее руки из своей, и рассказывал сказки. Он сразу утратил всякий интерес к галерее, хотя иногда заходил туда, усаживался где-нибудь в углу и наблюдал за женой, словно никак не мог понять, что она тут делает.

Глубоко задумавшись, Анри ничего не видящими глазами посматривал на тихую площадь.

«Истина состоит в том,— с удивлением подумал он,— что я все же люблю старика. Да, да, люблю, и тут уж ничего не поделаешь!»

Анри вспомнил и о матери, вспомнил с уважением и жалостью, которые всегда к ней питал, и с какой-то раздражающей его самого нежностью. В детстве она всегда казалась ему самым веселым и приятным существом. У нее постоянно появлялись дети. Только после Анри и до того, как родилась Аник, их было четверо. Но все они умерли. После каждых родов мать выглядела еще более веселой и красивой. Даже смерть своих крошек она воспринимала как нечто неизбежное, но правда, вероятно, состояла в том, что во всем мире для нее не существовало никого, кроме мужа.

И все же она ухитрялась быть очень милой матерью. Часто по воскресеньям в хорошую погоду, когда Робер и Анри были совсем еще маленькими, она хватала их и тащила на пикник в Булонский лес, а иногда в долину Шеврез или Шантильи собирать ландыши. Отец редко ездил с ними, считалось, что он не любит бывать на пикниках, однако к ним часто присоединялась жена проживавшего этажом выше банковского чиновника мадам Дювернуа со своей маленькой дочкой Марселлой — очаровательным ребенком с черными блестящими волосами и большими черными глазами. Милая, спокойная девочка с прекрасными манерами хорошо воспитанного французского ребенка, так непохожего на визгливых американских детей. Как хорошо было на этих прогулках!..

В первое время даже война не очень отразилась на матери, хотя в те тревожные дни она осунулась, больше нервничала. Ее оживление чаще стало напускным. Видимо, причиной перемены была «Галерея Магрит», необходимость продолжать дело мужа после того, как он выпустил из рук бразды правления. Как и все француженки, мать отличалась практичностью и сметкой и ухитрялась справляться с делами. Правда, «Галерея Магрит» утратила былую солидность, но в ней, как и раньше, покупали и продавали картины, а временами по-прежнему устраивались вернисажи. У матери хватало ума прислушиваться к советам некоторых старых посетителей. Она твердо надеялась, что Анри вернется после войны и возьмет дело в свои руки.

Анри пытался, даже не раз, но война многое в нем изменила. К бледной, смертельно уставшей женщине, хотевшей забыть прошлое, юноша испытывал теперь лишь некоторую привязанность. Все, что волновало Анри, было ей непонятно, но больше всего ее тревожила ожесточенность сына. Однажды она даже крикнула ему:

— Ты не вернешь Робера! Пусть он покоится в мире. Пусть покоятся в мире все мертвые!

Анри рассуждал иначе, он не мог ни забыть, ни простить до тех пор, пока убийца Робера ходил по земле.

Да, совместная жизнь для них оказалась невыносимой. После войны он больше года отчаянно пытался заставить себя жить по-старому, но однажды сообщил матери, что снял комнату на Монмартре и работать в галерее не будет. Может, ему только показалось, что мать с облегчением вздохнула. Отец же, видимо, так ничего и не понял. Только маленькая Аник расплакалась.

Анри вздохнул. Сожалеть теперь бесполезно — в жизни все бывает. Таковы люди, изменить их невозможно. Мать никак не могла взять в толк, почему он решил во что бы то ни стало найти убийцу Робера. Никто, даже Женэ, этого не понимал.

Отпивая вино маленькими глотками, Анри

вспоминал брата, чувствуя, как горе и ненависть вновь охватывают его, словно Робер был предан только вчера, словно только вчера ему, Анри, стало известно о смерти брата.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В истории Робера Магрита не было ничего особенного. В ту «черную пятницу», четырнадцатого июня 1940 года, когда гитлеровские орды вступили в Париж, сотни французов укрыли у себя солдат, отставших от разгромленных и деморализованных союзнических армий, укрыли, хотя знали, что рискуют свободой, а то и жизнью.

Ранним утром по опустевшим улицам Робер шел в «Галерею Магрит». Не было видно ни частных автомобилей, ни такси, ни автобусов. Стояла почти полная тишина. Молчали пушки, в течение нескольких дней грохотавшие где-то в районе Сен-Дени. Время от времени откуда-то с юга доносился гул самолетов и приглушенный расстоянием треск. Возможно, это немцы обстреливали поток беженцев, забивших дорогу на Орлеан. Проходя по набережной, Робер заметил, что большинство магазинчиков закрыто, шторы на витринах опущены.

Взяв в галерее кое-какие бумаги и хранившиеся в сейфе деньги, Робер отправился домой. Впереди себя он увидел неуклюже ковылявшего человека и подумал было, что это какой-то рабочий, но, присмотревшись, заметил на неизвестном солдатские брюки. Видимо, и тот услышал шаги позади. Он прибавил шагу, но потом остановился, прижался к стене дома и стал поджидать, пока Робер не поравняется с ним. Это был юноша, почти совсем мальчик, с мертвенно бледным лицом, густо покрытым грязью. Он с опаской взглянул на Робера и тут же медленно опустил глаза.

— Куда направляетесь, дружище? — спросил Робер.

— Куда придется,— пробормотал юноша, помолчав.— На юг.

Робер пристально посмотрел на искаженное усталостью лицо.

— Пожалуй, сначала не мешало бы отдохнуть. Сможете пройти еще несколько кварталов?

Юноша снова взглянул на Робера, и в его тусклых глазах затеплилась надежда.

— Думаю, что смогу.

— Вот и отлично. Пошли.

Они достигли уже середины моста, когда тишину нарушил треск мотоциклов. Оглянувшись, Робер впервые увидел немецкий патруль, проезжавший по набережной, и впервые немецкую военную форму, которой вскоре суждено было стать до отвращения знакомой. Немцы либо не заметили их, либо не обратили внимания на калеку и еле передвигавшего ноги юношу.

Вначале немцы еще надеялись вежливостью и сдержанностью расположить к себе парижан. Правда, уже начались массовые обыски, немцы оцепляли целые улицы и обшаривали дом за домом, разыскивая скрывающихся французских солдат и «опасных» людей. Однако вначале, выполняя приказ, оккупанты вели себя корректно. Семейство Магрит обнаружило, что их можно даже перехитрить.

Произошло это в дни, когда в доме скрывался уже второй беглец — французский офицер из Нормандии.

Дело происходило вечером. Магриты ужинали вместе с мосье Дювернуа и его дочерью Марселлой. В течение многих лет Дювернуа проживали в квартире этажом выше и между семьями поддерживались самые дружеские отношения. Умершая год назад мадам Дювернуа была самой близкой приятельницей мадам Магрит. После ее смерти дружба между семьями не прервалась, хотя сам Дювернуа, служивший в банке на площади Оперы, был несколько суховат и холоден. Мадам Магрит от всего сердца хотелось скрасить одиночество вдовца и жизнь осиротевшей девочки. У отца и дочери вошло в обычай раз в неделю ужинать с семейством этих добрых людей. Мадам Магрит заботливо опекала Марселлу, и та называла ее тетей Мари. Почти ежедневно девочка заходила поиграть с Аник или водила ее гулять на набережную. Марселле в то время было около семнадцати, однако строгое ученическое платье и гладко зачесанные назад и перехваченные лентой волосы делали ее еще более юной. Маленькая кокетка уже знала, что она очаровательна, и понимала, что Робер страстно и безнадежно обожает ее, хотя никто об этом не догадывается.

Группа друзей, сидевших за столом, являла трогательную картину. Пятилетняя Аник, гордая тем, что ей разрешили сидеть рядом с подругой, вела себя совсем как взрослая. Она передавала, когда нужно, соль и время от времени, как полагается дамам, занимала разговорами почетного гостя — мосье Дювернуа. Приятно было наблюдать, как тот почтительно и галантно, словно Аник и вправду была взрослой, отвечал ей. Морис Магрит, всегда приходивший в благодушное настроение за хорошей едой и вином, искусно играл роль любезного хозяина, принимающего банковского чиновника, и вел с ним обстоятельный разговор о финансовых проблемах, связанных с оккупацией. Робер выглядел чересчур серьезным, а веселое настроение матери казалось напускным — оба они все время помнили о человеке, который прятался в темной комнате прислуги, позади кухни, и прислушивался к каждому шороху на лестнице.

Накануне Магриты долго обсуждали, приглашать ли к себе Дювернуа, пока в квартире скрывается беглец, но потом решили, что всякое отклонение от установившейся традиции может лишь вызвать подозрение.

В дверь послышался громкий, настойчивый стук. Мадам Магрит вздрогнула и побледнела. Расширившимися глазами она наблюдала, как муж поднялся, стряхнул с костюма крошки и вышел из комнаты, бросив на жену предостерегающий взгляд. Никогда еще она так не восхищалась им, как в тот момент. Он был совершенно спокоен, словно намеревался открыть дверь посетителю, пришедшему в галерею взглянуть на какую-то картину. И тут она заметила на себе взгляд мосье Дювернуа, и ей показалось, что он обо всем догадался, даже о человеке, который скрывался там, в темноте. Робер поднялся и, сунув под мышки костыли, своей быстрой, бесшумной походкой отправился в кухню.

Из прихожей послышался басистый голос человека, говорившего по-французски с иностранным акцентом. Мосье Дювернуа наполнил вином рюмку мадам Магрит.

— Выпейте,— сказал он,— вам станет лучше.

Мадам Магрит подняла рюмку чуть дрожавшей рукой, а Дювернуа повернулся к Аник и успокаивающе заговорил с ней. Марселла не спускала с него блестевших от возбуждения глаз.

В комнату вместе с мосье Магрит вошли трое в штатском; один из них, несомненно, был старшим.

Все трое держались сухо и отчужденно, но тактично. По-французски говорил только старший — довольно красивый блондин средних лет. Щелкнув каблуками, он небрежно кивнул головой мадам Магрит.

— Прошу прощения, мадам, если мы помешали вашему ужину, но... служба.

— Выполняйте свой долг,— сухо ответила мадам Магрит.

— Вот именно, мадам.

На пороге появился Робер, и немец быстро повернулся к нему, скользнул взглядом по его костылям и бутылке вина в руках.

— Ваш сын?

— Да.

Немец заглянул в бумагу, которую держал в руке.

— У вас еще есть сын?

— Есть, но он в армии, и мы ничего не знаем о нем.

— Ах так! У вас есть служанка?

— Сейчас нет, мосье. Уехала к брату, он работает официантом где-то на юге.

Аник соскочила со стула и подбежала к немцу.

— Guten Abend, mein Herr. Wie geht es Ihnen?[1] — вежливо спросила она по-немецки.

Это получилось у нее очень забавно, и офицер не мог сдержать улыбки, очарованный хорошеньким ребенком.

— О, ваша крошка говорит по-немецки?

По выражению его лица мадам Магрит сразу поняла, что́ именно следует сказать дальше.

— Мы все говорим,— ответила она на немецком языке, сверкнув зубами в быстрой улыбке.— Наш дом напоминает вавилонскую башню. Мой муж — владелец магазина картин, и нам приходится объясняться на многих языках. Ах да,— добавила она, словно находилась на светском приеме,— разрешите представить: наш сосед мосье Дювернуа, управляющий отделением Провинциального банка.

Немец чопорно кивнул.

— Рад познакомиться.

Он взглянул на Марселлу, неподвижно сидевшую на стуле, потом снова на Аник.

— У меня такая же белокурая девочка,— заметил он.— Ты не боишься меня?

— Нет, мосье.

— Я должен осмотреть вашу милую квартирку. Надеюсь, твоя мама разрешит тебе быть моей проводницей?

Мадам Магрит почувствовала, как непроизвольно сжались ее руки, лежавшие на коленях. Девочке строго-настрого наказали никому не рассказывать о том, что у них живет кто-то чужой, но разве можно предусмотреть, что скажет ребенок?

Несомненно, на это и рассчитывал немец. Но Аник вторично за последние минуты оказалась на высоте положения. Робко улыбаясь, она взяла офицера за руку.

— Конечно,— сказала она по-немецки.— Я покажу вам и свою новую сумочку. Она совсем такая же, как у мамочки, только маленькая... И у нее в крышке есть зеркальце.

На лице немца промелькнуло разочарование.

— А знаешь... тебе лучше остаться с мамой,— сказал он.— Никто не должен покидать комнату.

Офицер отдал короткое приказание, немцы вышли, и стало слышно, как они ходят по комнатам.

Робер подошел к столу и поставил бутылку. Все молчали. Мосье Магрит посадил Аник на колени и крепко прижал к груди.

Но ничего не произошло. Шум открываемых и закрываемых дверей вскоре стих, и немцы вернулись в гостиную. Офицер предложил всем присутствующим предъявить документы, сверил их со своим списком, затем, пригласив мосье Дювернуа и Марселлу следовать за собой, отправился обыскивать их квартиру.

— Видимо, они не очень старательно производили обыск,— заметил Робер, как только за немцами закрылась дверь, и добавил: — Наш беглец сидит в бельевой корзине под грязными простынями.

— Это Аник так повлияла на них,— проговорил отец.— Возможно, офицер устыдился.

— Ей пора отправляться спать,— заметила мадам Магрит.— Что тебе сказал мосье Дювернуа, Аник?

Девочка аппетитно, совсем по-детски зевнула.

— А он сказал, что я должна разговаривать с этими господами по-немецки и вежливо.

Мосье Дювернуа никогда не вспоминал об инциденте и не заговаривал о нем. Подобно многим другим французам, не сотрудничавшим с немцами, но и не принимавшим активного участия в движении Сопротивления, он всегда был вежлив, не задавал вопросов, делал вид, что ничего не замечает, и, насколько позволяли обстоятельства, старался вести обычный образ жизни.

Именно Робер выполнял всю сложную работу, связанную с тайной переброской скрывавшихся у Магритов людей из оккупированной Франции. Совместно с Женэ и другими он добывал для них документы и организовывал побеги. Домашние не спрашивали, что и как он делает. Они замечали, что Робер стал более спокойным и еще более мягким в обращении с ними, что по ночам он долго засиживается в своей комнате, склонившись над какими-то бумагами.

Одно время беспокойство Магритов за Анри несколько улеглось, но потом вспыхнуло с новой силой. Уже несколько недель они ничего не слышали о нем, но однажды поздним октябрьским вечером, буквально за несколько минут до наступления комендантского часа, он вдруг пришел. Как оказалось, еще до оккупации Парижа воинская часть, в которой служил Анри, была окружена немцами, однако ему удалось избежать плена, и, как только все немного успокоилось, он устроился на товарную станцию в Амьене, где сразу принял участие в движении Сопротивления. Марселла, слушая его рассказы, смотрела на него широко открытыми, обожающими глазами и досадовала, что Анри почти не замечает ее.

В ту осень и зиму они вели довольно странный образ жизни. Это было время, когда не следовало доверяться даже лучшему другу или проявлять излишнее любопытство; время, когда любой стук в дверь или чьи-то шаги за вашей спиной могли означать несчастье.

Мосье Магрит по-прежнему ходил в свою галерею, а его жена и Марселла содержали в порядке обе квартиры. Бригит, экономка семейства Дювернуа, все еще проживала с ними, но совсем состарилась, страдала острым ревматизмом и в зимнее время почти не выходила из дому. Она не могла стоять в очередях, чтобы получить кое-какие продукты, несколько кусков угля или жалкий пучок растопки, и эту пытку приходилось переносить мадам Магрит. Однажды, стоя в очереди, она потеряла сознание, и добраться домой ей помогла соседка. В очереди стали посылать Марселлу. Держа за руку Аник, она отправлялась на рынок или к торговцу углем и почти никогда не возвращалась с пустыми руками.

— Это чудо, а не ребенок,— как-то заметила Роберу мадам Магрит.

Робер ответил, что трогательное зрелище двух очаровательных девочек, вероятно, так действует на лавочников, что они тут же достают из-под прилавка последний килограмм картофеля или последний кусок сыра. Робер частенько подшучивал над Марселлой по этому поводу. Особенно им запомнился один вечер в начале декабря.

Мосье Дювернуа отправился на ужин к друзьям, а Марселла зашла к Магритам. После ужина, когда Аник уложили спать, Марселла, вымыв посуду, забрела в гостиную, где сидел Робер. Они были одни. Морис Магрит в комнате Аник рассказывал ей сказку, а мадам Магрит все еще возилась в кухне, готовя несколько сандвичей из сероватого хлеба и небольшого куска сыра, с трудом добытого на черном рынке. Позднее в квартиру Магритов должны были прийти несколько человек. Робер по обыкновению не сказал матери, кто эти люди, но она и без того знала, что они явятся голодные и продрогшие.

Ужин получился на славу, так как Марселла ухитрилась где-то раздобыть кусок телятины.

— Как это тебе удалось? — улыбаясь и поддразнивая девушку, спросил Робер.— Тебе помогают твои черные глаза? Или, может, ты надеваешь самое старенькое платье, чтобы вызвать сострадание?

— А как же! Конечно,— ответила она совсем по-деловому, но тут же рассмеялась и серьезным тоном добавила: — Когда лавочники заявляют, что у них ничего нет, я щиплю Аник и заставляю ее реветь.

— О нет, нет, Марселла!

— О да, да, Робер! — передразнила Марселла, потом сердито сказала: — Ведь это ж помогает, не так ли? По крайней мере у нас есть пища, пусть и невкусная.

— Не сердись, дорогая. Телятина отличная. Ты молодчина, и мы тебе очень благодарны.

— Да, но я хочу помогать тебе, а эти очереди так надоедают. В твоих глазах я все еще ребенок. Я же знаю — все помогают тебе, кро-

[1] Добрый вечер, сударь. Как вы поживаете? (нем.).

ме меня.— По щекам Марселлы медленно скатились две слезы.

Робер нежно обнял ее.

— Видишь ли, милая, мы живем в очень трудное время, когда чем меньше знает человек, тем лучше для него. Не плачь. Я люблю тебя и не хочу, чтобы кто-нибудь причинил тебе боль.

— Ты в самом деле любишь меня?

— Да, да.

— И потому не хочешь, чтоб я знала, когда сюда приходят люди?

— Именно поэтому. Ты нигде и никогда не должна упоминать, что сюда приходят какие-то люди.

— Я никому не скажу ни слова. Ты очень храбр, Робер... А когда снова придет Анри?

— Не знаю. Да и никто не знает.

— Анри очень красив, правда?

Несмотря на все свое самообладание, Робер нахмурился.

— Да, очень.

Он отвернулся от Марселлы и не заметил двусмысленной улыбки, тронувшей ее губы.

— А ты не сердишься на меня за то, что я разворчалась?

— Я никогда на тебя не сержусь.

— Ты просто прелесть, Робер.

Он взглянул на часы. Было почти девять. Пожалуй, нужно поскорее выпроводить Марселлу. Девушка заметила его взгляд и, насупившись, спросила:

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Нет, не хочу, но тебе пора спать, иначе у тебя испортится цвет лица.

— Мне нравится быть с тобой. Наверху так скучно. Бригит храпит, как свинья. Я не хочу уходить.— Она заглянула в его улыбающиеся глаза и передернула плечами.— Ну, хорошо, хорошо, я уйду. Спокойной ночи, Робер.

— Спокойной ночи, дорогая.— Он проводил ее взглядом, со вздохом, который никто не слышал, протянул руку за костылями и направился к себе в комнату, волоча искалеченную ногу.

Занавеси были задернуты, но, как всегда, прежде чем углубиться в работу, Робер, ковыляя, пересек неосвещенную комнату и осторожно посмотрел между складками тяжелых драпировок. Окно выходило на улицу, и он некоторое время стоял, всматриваясь в темноту. Тускло светила неполная луна.

Затем Робер посмотрел на окна дома через дорогу. Его особенно интересовало одно из них. Он уже несколько раз замечал, что кто-то, стоя у окна, наблюдает за улицей так же, как делал сейчас он сам. Вот и теперь он уловил слабое движение чего-то белого — возможно, рукава рубашки или светлого халата. Как-то он спросил у консьержки своего дома мадам Бержер, кто живет напротив. Мадам Бержер ответила, что сейчас там проживает пожилая супружеская чета, родственники домовладельцев Вилье, бежавших на юг Франции еще до вступления немцев в Париж.

Хмурясь, Робер подождал, пока чья-то невидимая рука не задернула занавески, потом плотно задвинул драпировки на своем окне, подошел к письменному столу и включил лампу.

Аресты продолжались, а имена предателей и причины провалов оставались неизвестными. Только на прошлой неделе немцы схватили беднягу Перона и, как выяснилось позже, уволокли в дом на улице Листьев, о котором ходили такие страшные слухи. Там в подвалах гестаповцы допрашивали тех, кого подозревали в связях с Сопротивлением. Потом стало известно, что Перон мужественно вел себя до самого конца и повесился в тюрьме.

Среди погибших оказались и другие люди, с которыми работал Робер, люди, к которым он привязался и которых полюбил. Нужно было соблюдать величайшую осторожность.

В комнату вошла мадам Магрит. Робер повернулся к матери и с любовью взглянул на нее. Лучше, чем остальные домашние, он понимал, как тяжело сказывается на ней та жизнь, которую они вели, замечал, как день ото дня углубляются морщинки на ее добром лице, как нарастает напряжение, в котором она постоянно жила. Она накинула на себя зимнее пальто и все же вся посинела от холода.

— Пожалуй, я пойду спать, Робер. Сандвичи стоят на буфете. Я приготовила немного кофе, тебе придется лишь разогреть, если будет газ.

— Спасибо, мама.

В течение какого-то мгновения она колебалась, потом почти шепотом спросила:

— Анри будет сегодня?

— Да.

— Он останется ночевать?

— Да, все они останутся.

— Ты знаешь, где одеяла?

— Конечно.

Она погладила сына по густым белокурым волосам и, повернув к себе его лицо, заглянула в глаза. «Как он утомлен,— подумала она.— Он убивает себя...»

— Попытайся хоть немного уснуть.

— Не сейчас, мама. Может, позже.

— Ну, спокойной ночи, сынок.— Она наклонилась, поцеловала его в лоб и вышла.

После ухода матери Робер, прежде чем достать из-под ковра бумаги, над которыми ему предстояло работать, пододвинул поближе металлическую корзинку для мусора и положил рядом с собой спички. Ему приходилось постоянно быть начеку, чтобы в случае тревоги немедленно уничтожить бумаги.

Перевел с английского Ан. ГОРСКИЙ.

Продолжение следует.

Ольга САХАРОВА

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

ТЕРПСИХОРА НА ЛЬДУ

Беспокойный XX век заметно потеснил обитателей Парнаса. Сначала им пришлось принять в свой круг довольно-таки экспансивную музу — новорожденную музу Кинематографа, следом за ней уверенно поднялась еще одна привлекательная юная муза со столь же непривычным для благородных древнегреческих ушей старых парнасцев именем — муза Телевидения. Молодые музы быстро освоились в новом обществе. Их полюбили... Но, как говорят, лиха беда начало; однажды перед изумленными очами Мельпомены и ее подруг предстало прелестное существо, как две капли воды похожее на одну из самых почитаемых муз — покровительницу танца Терпсихору, с той только разницей, что вместо благородной туники на ней яркими блестками переливалась миниюбочка (название это уже было известно на Парнасе от юных муз Кино и ТВ); вечный бубен бесследно исчез, и, что самое поразительное, на ногах ее были... коньки. Вторая Терпсихора оказалась покровительницей Балета на льду.

С тех пор публика стала радостно заполнять огромные залы спортивных дворцов и наслаждаться красочным зрелищем, а критики — бурно спорить: куда же причислить новое зрелище — к спорту, балету или цирку... А время шло, и балетных трупп на льду возникало все больше. И все яснее становилось, что это не разновидность какого-либо вида искусства, а совершенно новый жанр — со своими законами и течениями, поисками и открытиями.

В нашей стране первая балетная труппа на льду показала свою первую премьеру зимой 1959 года. И уже тогда, одиннадцать лет назад, молодой коллектив сделал заявку на свой, оригинальный путь развития нового жанра.

Чем можно удивить публику, уже повидавшую звезд знаменитого венского «Айс-ревю» с его феерическими костюмами и, казалось, недосягаемым мастерством солистов? Но создатели программы Московского балета на льду, выдающийся советский балетмейстер, народный артист РСФСР лауреат Государственной премии Л. Лавровский вместе с известным цирковым режиссером, заслуженным деятелем искусств РСФСР А. Арнольдом, и не хотели «удивлять»,— они поставили перед собой совершенно иную задачу: не просто красиво «подать» высший класс фигурного катания, а сделать его средством для создания ярких, глубоко осмысленных художественных образов.

Творческой основой для молодой труппы стали богатейшие традиции русского классического балета — его реализм и утонченная пластика. А стремительность темпов, неожиданность смены движений, плавность переходов, которые дает скольжение на льду, позволили хореографам и исполнителям создать такие танцевальные номера, которые просто невозможно представить на обычной сцене.

За плечами Московского балета на льду уже несколько больших программ, показанных миллионам советских и зарубежных зрителей. Но коллектив остается верным и поныне пути, избранному первыми постановщиками. Нынешний художественный руководитель ансамбля — лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств Латвийской и Армянской ССР, балетмейстер Е. Чанга — бережно сохраняет в программе лучшие номера, созданные Л. Лавровским, и, учитывая все возрастающий профессиональный уровень труппы, ставит одноактные балеты с интересными, цельными сюжетами.

Программа ансамбля разнообразна необычайно: здесь и знаменитая «Тачанка» — вся вихрь, героика; и рахманиновская «Элегия», где, кажется, нет ни одной прерванной линии, где лиризм становится почти осязаемым; обычно один за другим следуют чисто русский, озорной и ласковый танец «Шла девица за водой» и по-испански темпераментное, страстное «Болеро» Равеля.

Исполнители, одиннадцать лет назад бывшие студентами и рабочими, учениками школ и служащими, теперь в самом лучшем смысле артисты-профессионалы. Солисты, среди которых такие, как И. Голощапова, Г. Бескина, И. Кленова, В. Лузин, А. Елкин, Б. Мерилайн, да и весь кордебалет — они все росли вместе со своей труппой: готовых «звезд» ведь не было; солистами становились и становятся те, кого выдвигают их дарование, трудолюбие, упорство.

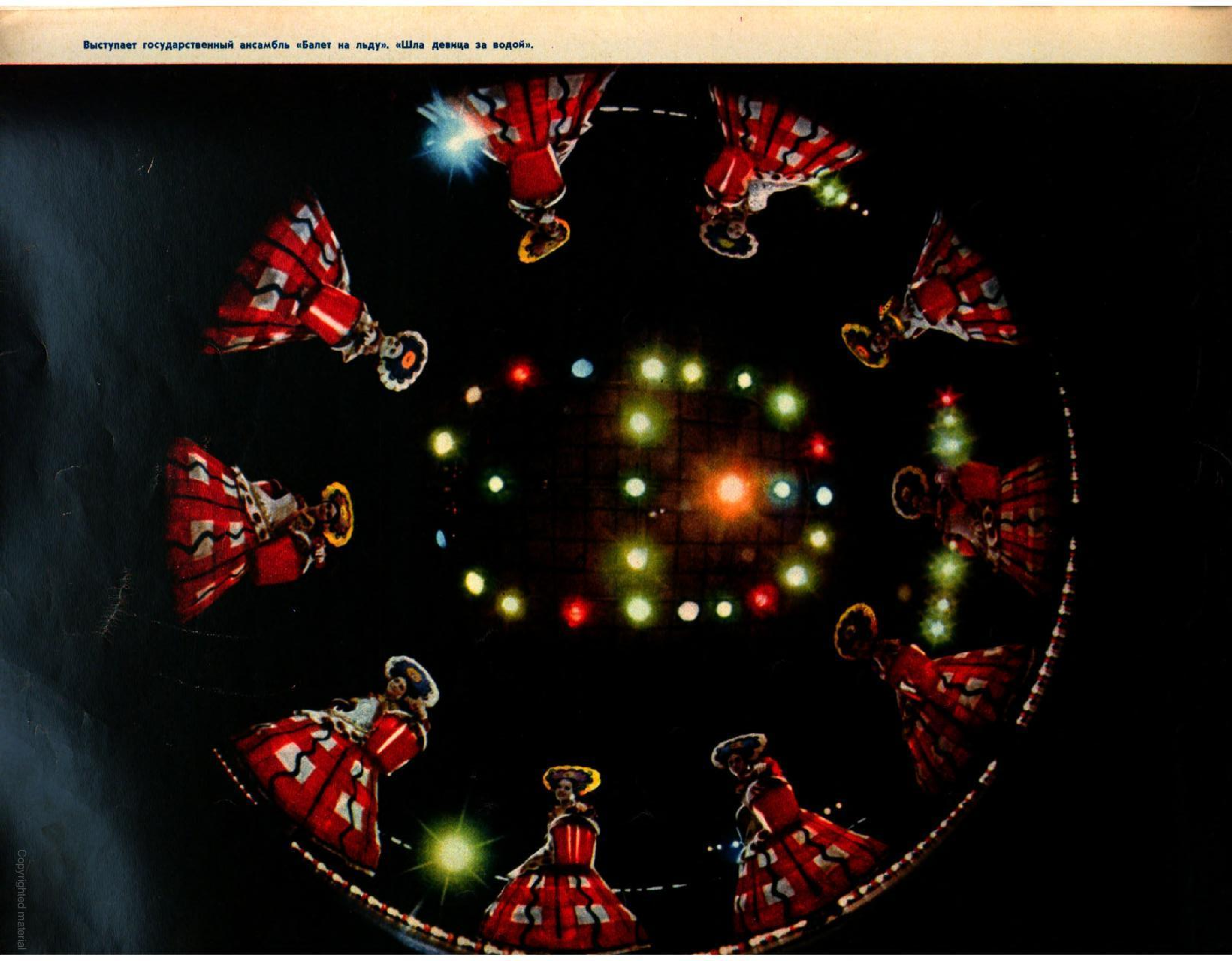
Даже искушенного зрителя поражает на спектаклях ансамбля совершеннейшая координация, слаженность всех исполнителей, особенно в массовых сценах. Как она достигается? Бесчисленными репетициями, профессиональной выучкой? Конечно, но... давайте заглянем на репетицию.

Ансамбль возобновляет танец «Молодежная», поставленный еще Л. Лавровским. У режиссерского пульта — режиссер Б. Приеде, работающий в балете на льду со дня его основания. Танец массовый, очень сложный своими построениями, переходами, вихревым темпом... Репетируют сначала мужская, затем женская группы кордебалета. Кто-то из новичков забыл па, кто-то не может сразу включиться в нужный ритм. И здесь наблюдаешь, как много может дать профессиональная и человеческая дружба: «ветераны» в минутные паузы, не успев передохнуть, еще и еще раз показывают «новичкам» сложные па, подсказывают направление рисунка, подбадривают уставших... И это чувство локтя, чувство общей заботы об общем деле ощущается в коллективе постоянно. Ни на репетиции, ни на спектакле не увидишь равнодушных глаз — будь то прима-солистка или танцовщица из кордебалета...

В этом сезоне Московский балет на льду покажет новую программу: зрителей ожидает встреча с новыми «артистами» труппы — медвежатами Алешей и Верой, которые упоенно репетируют свой «Вальс». Чемпионка мира Л. Пахомова поставила с ансамблем свою дипломную работу — «Сиртаки»... Впрочем, не будем предупреждать события. Мы увидим много нового, интересного, радостного,— это несомненно.

Да, Терпсихора не напрасно вышла на лед. Здесь ее ожидает не менее блистательный путь, чем на сценических подмостках.

Выступает государственный ансамбль «Балет на льду». «Шла девица за водой».

Пролог в исполнении женской группы балета.

Сцена из одноактного балета «Болеро».

Ф. ОВЧАРЕНКО

С ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗОЙ

ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ МОЛОДЫХ

Как это бывало во все времена, критика сегодня далеко не единодушна в оценке состояния текущей поэзии. Суждения высказываются самые разнообразные. Поговаривают, например, что пора стихов-де прошла. Поэзия утратила свой былой вес в жизни общества, явно сдала, и бесполезно пытаться вернуть ей то положение, которое еще совсем недавно она занимала в умах и сердцах современников. Многие почти панически хватаются за голову при виде бурливого потока версификаторской серости, на пути которого, несмотря на страстный призыв М. Исаковского, так и не появилось пока достаточно эффективных плотин. У современной поэзии находят целый ряд серьезных и легких недугов. Она, оказывается, страдает «некоторым разобщением с социальными проблемами», насаждает «моду на старомодность», грешит «суперинтеллектуализмом», определенно питает слабость к «псевдофилософскому величанству» и т. д. Что касается молодых авторов, то их в довершение ко всему один строгий критик публично пристыдил за «вялость и безмускульность... и в мысли и в стихе».

И хотя одновременно с этим отмечают несомненное «повзросление», расширение диапазона нашей поэзии, «отрешение от суетности» и наличие других ценных качеств, приобретенных ею в последние годы, минорные тезисы все-таки западают в память читателя, вызывая у него вполне понятное чувство тревоги, порождая сомнения и вопросы. И, естественно, возникает желание проверить истинность иных из этих утверждений, обратившись к жизни, к движущейся панораме отечественного стиха. Желание тем более острое, что пишущему эти строки картина развития современной поэзии отнюдь не представляется неким унылым бессезоньем, когда читателю остается лишь предаваться воспоминаниям о былом и тешить воображение неопределенными надеждами на будущее.

По-моему, звучащие порою в нашей критико-библиографической публицистике сетования на то, что будто бы снизился интерес к стихам и сами они несколько поугасли, не соответствуют истинному положению вещей. Обилие рифмованных поделок, отбивающих вкус к поэзии, сколь бы ни было печально само это явление в принципе, при всем желании нельзя признать порождением лишь последних лет. Гневные слова по адресу незадачливых сочинителей гладких и пресных виршей не раз раздавались и в прошлом. Помнится, еще Писарев возмущался многочисленностью и устрашающей плодовитостью того особого сорта лириков, которые «поют от избытка своей ограниченности». Стихотворные сорняки, конечно, портят поэтическое поле, и бороться с ними необходимо. Но в то же время верится почему-то, что вдумчивый, зрелый читатель даже сквозь густой бурьян настырно тянущейся к славе посредственности все-таки пробьется к чистым родникам живого, трепетного слова. А таких читателей с каждым днем становится больше.

Нет надобности вооружаться сверхмощной оптикой, дабы убедиться, что как в самой поэзии, так и в ее взаимоотношениях с читателем происходят существенные, давно уже наметившиеся сдвиги. Эстрадные, по-своему примечательные феерии под сводами Дворца спорта и Политехнического музея сменились ныне воистину всенародными торжествами в заповедных местах отечественной поэзии. По-особому одухотворенно звучат стихи, читаемые сегодня перед многотысячными аудиториями в овеянном легендами Михайловском, на могиле великого кобзаря в Каневе, на родине Федора Тютчева на Брянщине и Коста Хетагурова — в Осетии... Ставшее без преувеличения массовым увлечение классикой в огромной мере содействовало эстетическому росту читателей. Оно обострило их способность безошибочно отличать истинную гражданственность от мнимой, чутко улавливать тончайшие нюансы поэтического творчества, резко повысило непримиримость к любым претензиям на признание без достаточных на то оснований.

Читатель ныне сдержаннее в проявлении своих эмоций. Он стал пристальнее и взыскательнее. И с рукоплесканиями не спешит.

При поверхностном взгляде это создает впечатление некоторого охлаждения к стихам. В действительности же читатель по-прежнему любит их, тянется к ним и не дает их в обиду. Ни один заслуживающий внимания сборник не залежится на прилавке магазина. Статьи и обзоры, посвященные поэзии, даже если они на сто процентов состоят из адресованных ей упреков, читаются, по общему признанию, не менее активно, чем, скажем, полемические заметки о «деревенской прозе». Не ускользнуло от внимания любителей стихов и появление в «поэтической рубрике» новых интересных имен. По праву закрепились в ней в последние годы Николай Рубцов и Борис Олейник, Анатолий Передреев и Татьяна Кузовлева, Владимир Костров и Олжас Сулейменов, Лариса Васильева и Валентин Сорокин, Юрий Адрианов и Пауль-Эрик Руммо... Держат экзамен перед читателем и совсем еще молодые Виктор Сычев, Лариса Тараканова, Раим Фархади, Людмила Калинина...

Как показывает жизнь, движение поэзии не затормозилось. Оно лишь приняло иные, чем вчера, формы, обрело особые, обусловленные временем черты, которые являются не видоизмененным повторением уже состоявшихся открытий, а обещанием качественно новых взлетов и дерзаний. Идет интенсивное накопление знаний, эмоций, опыта. Все настойчивее становится поиск, не разбросанный и несколько анархичный, как это нередко случалось прежде, а подчиненный преобладающей ныне тенденции к обретению прочных, устойчивых в своей основе идейно-нравственных и эстетических начал. Все глубже осмысливается великое значение для художника народного опыта, вырастающего, как известно, не из практики перманентного всеотрицания, а имеющего своим истоком неиссякаемое стремление — всем существом, каждым мгновением жизни быть достойным завоеванного отцами и самому непреклонно идти путем борьбы и созидания. Под воздействием происшедших в мире, в обществе, в сознании людей перемен, в соответствии с духом эпохи поэзия нащупывает новые пути к сердцам и разуму современников.

Поэтому несостоятельна попытка исследовать протекающие сегодня процессы, подходя к ним с меркой вчерашнего дня, не освободившись от гипноза во многом уже отработанного материала. Новые явления должны быть проверены изменившимися требованиями, и не в установившейся когда-то, а именно в сегодняшней системе идейно-эстетических координат. Причем делать это нужно без запрограммированных заранее вздохов («нет, не то!»), а с той жаждой необыкновенного, с той верой в неисчерпаемость талантов родной земли, без чего еще ни разу не совершалось ни одного сколько-нибудь стоящего открытия.

Замечательный наш педагог А. Макаренко говорил, что к человеку надо подходить с оптимистической гипотезой. Вера окрыляет. И поэтому, право же, не стоит скупиться, когда для нее есть веские основания. Предъявляя поэзии суровые требования, обрекая поэта на все более мучительный поиск тех единственных слов, которые могли бы стать вровень с нашим временем и были бы достойны его, важно в стремительной и пестрой лавине стихотворства не проглядеть того, что по-настоящему отмечено печатью подлинности, самобытности, не показного, а со дна души поднявшегося вдохновения. Было бы несправедливо утверждать, что таких заслуживающих внимания явлений сегодня нет.

Одним из тех, кто, думается, наверняка сумеет оправдать оптимистический прогноз, мне представляется Геннадий Серебряков, который еще несколько лет назад так сформулировал свое кредо:

Лежит земля распластанной у ног,
И ждет она творцов, а не прохожих.
. . . .
Хочу жить так, чтоб на крутой черте
У жизни не вымаливать прощенья,
Как к высоте, стремиться к простоте
И отвергать любое упрощенье.

В лучших своих стихах он подтверждает верность этой программной декларации. Г. Серебряков не гонится за внешними эффектами, избегает слишком уж неожиданных эпитетов, а тем более усложненных метафор. Он явно отдает предпочтение «речи точной и нагой», но лирик, сидящий в нем, все же берет свое, и в результате возникает органическое слияние четкого, даже чуть резковатого рисунка и теплых, неброских красок. Это придает эмоциональную выразительность строю стиха, сообщает повышенную доверительность авторской интонации: «Студеный ветер обжигает губы, горит закат на краешке земли. Вновь журавлей серебряные трубы прощание играют на Нерли...»

Ведущая для поэта тема — любовь к отчей земле — раскрывается в его стихах не в духе так смущающей иной раз вялой созерцательности, а в соответствии с утверждаемым автором действенным чувством Родины. Геннадий Серебряков ощущает тревоги века, большие заботы страны как собственные, кровно касающиеся его. Сердце поэта безоглядно отдано тем, кто не отделяет своей судьбы от судеб Отчизны, народа, как бы многотрудно ни складывались их искания, думы, дороги. В его творчестве зримо прослеживается одна из характернейших черт сегодняшней молодой поэзии — стремление судить о жизни не с точки зрения иного хлесткого критика, удобно устроившегося на обочине, а с позиции участника революционного преображения мира, в полной мере представляющего и долю личной ответственности перед страной. У Г. Серебрякова даже откровенно лирические стихи пронизаны жаждой деяния, активного постижения истины. Но и к самым заветным высотам он зовет, не устраивая трескучих фейерверков. Он предпочитает, так сказать, естественное пламя, обжигающее, негасимое. Таково стихотворение о подвиге космонавтов. Суровые, строгие и в то же время такие человечные, с болью выдохнутые слова — они никак не эпитафия. Они призыв к продолжению штурма, дерзания, восхождения к мечте.

Отпевали нас трубы,
Медь литая литавр.
Ох, как долго и трудно
Мы учились летать!
Метеором сгорали,
Чтоб другие смогли
По гудящим спиралям
Повести корабли,
Чтоб в бескрайние сини
Переброшен был мост...
Мы собою мостили
Дорогу до звезд.

В недавно вышедшем сборнике Г. Серебрякова «Наедине с Россией» наибольший интерес представляют те стихи, где удачно осуществился трудно достижимый синтез лирического, идущего от сердца откровения с пафосом высокой гражданственности, напряженных разду-

мий о прошлом — с обостренным восприятием современности. Обращаясь к родной земле, поэт говорит: «Я прошу: разреши, Россия, мне твоим звездочетом стать». Но не ночное, расцвеченное далекими светилами небо притягивает его. Незримые лучи струятся в самую душу, протянувшись от каждой большой и маленькой звезды, из тех, что навечно «врезаны в синий воздух на бесчисленных обелисках». Звезда на могиле отца. Сын должен ее отыскать. «Чтоб на веки вечные впредь пятикрылый ее отпечаток крепко в сердце своем сберечь». В стихах Г. Серебрякова взволнованно звучит тема ответственности молодого поколения Страны Советов за достойное продолжение славы отцов. «Граненые, словно штыки», обелиски предстают в них символом высочайшего значения.

И если душе занедужится,
Ты выйди в седые поля,
Туда, где, как полюсы мужества,
Хранит обелиски земля.
Ведь с них начинаемся все мы,
Здесь память моя и твоя.
Ты слышишь? Тревожное время
На их оперлось острия.

Со второй книгой стихов в Москве выступил вологжанин Виктор Коротаев. Это поэт встревоженного склада души, с обостренно чутким отношением к миру простых, но извечно необходимых человеку ценностей, жизненно важных, хотя и повседневных, стремлений и забот. Жребий поэта, как бы говорит своими стихами В. Коротаев, в том, чтобы ощущать и утверждать свою слитность с родной землей, чтобы дума о ней не покидала тебя до самого последнего вздоха, до самой последней строки, чтобы ее радости и боли, горький укор и только еще назревающий зов раньше других услышал и воспринял всем сердцем именно ты.

Живу в этом мире. Живу.
О, как мне непросто живется.
Глядят сквозь меня в синеву
Разверзнутой пастью колодцы.
Растут сквозь меня не спеша
В суставах окрепшие травы,
С целительным соком смешав
Снедающий пламень отравы.
И каждая боль их, остра,
Пройдя по моим волоконцам,
Как хряский удар топора,
Под пятым ребром отдается.
Я в почву, как дерево, врос.
И, словно подавшись из кочек,
Земная скрипучая ось
Прошла через мой позвоночник.
К Венере уйдут корабли
От русского смеха и грусти,
И только меня от Земли
Земля никуда не отпустит.

Землю отцов, заветные дали, родную природу В. Коротаев пантеистически наделяет чуть ли не сверхъестественной силой. В них видит он неистощимый родник обогащающих и возвышающих человека качеств. Его поэтические описания природы выдают в нем натуру художника, обладающего приметистым, зорким взглядом, вызывающего к себе доверие добрым, есенинским отношением ко всему живому. «Стал я всецело зависим от приумолкших пичуг, от облетающих листьев и завывающих вьюг». «А ручейки, как струйки пота, текли по жарким скулам гор». Как на плечи легшую тяжесть, он ощущает натужное напряжение реки, которая, работая, «как лошадь, в оглоблях тесных берегов», стойко несет свой нелегкий жребий. Требующей ответа болью навылет пронзает душу стихотворение «Деревья».

Отношусь к суеверьям с большим
недоверьем.
Но опять слышу я
сквозь густой листопад:
Будто души загубленных мною деревьев
Под окошком моим, негодуя, скорбят.
На дорогах,
где грязью за волоком волок,
Чтоб трехтонку продвинуть
на лишний увал,
Я по локоть откручивал руки у елок
И березы по самые плечи ломал.

Это, конечно же, призыв помнить о природе. Но не в плоскостно-утилитарном, а в философски широком и поэтически возвышенном значении этого слова. В стихотворении, открывающем книгу «Жребий», В. Коротаев, говоря о материнской щедрости земли, итожит раздумье негромкой по звучанию, но емкой по заключенному в ней смыслу строкой: «А плата... какая? Расти благодарным да будь всюду верным природе своей». Будь верен красоте и бескорыстию отчего края. Люби свою Родину. Храни верность народу. Будь верен своей природе — это означает еще и будь Человеком, как того требуют время, страна, твоя же собственная совесть. А это предполагает, в свою очередь, непреходящую гражданскую заинтересованность, бойцовское участие во всем, что совершается не только в твоем доме, но и в большом, необозримом мире. «И только боль всегда, за всех дает возможность оправданья и ожидаемых утех и самого существованья». В. Коротаев не из тех, кто лишь аккуратно фиксирует явления, способные вызвать протест и горечь. Менее всего его устраивает амплуа сердитого наблюдателя сбоку.

Живу, как жил.
Не то, чтоб свято,
Но, мечен общею судьбой,
Доспехи вечного солдата
Ношу,
Поскольку вечен бой.

Ту же заботу о преемственном сохранении нетленных духовных ценностей, что и у Г. Серебрякова, то же тревожно-трогательное отношение к родной природе, что и у В. Коротаева, чувствуешь в стихах Алексея Еранцева. Но в отличие от них обоих он не употребляет раскаленных слов, не держит в своем арсенале публицистических средств атаки. Его стихи близки народной песне, в них отсутствуют восклицательные знаки. Очень часто по форме это незамысловатая лирическая миниатюра, все содержание которой вроде бы исчерпывается запечатленным в ней пейзажем или мгновенно схваченным и точно переданным настроением. Но недаром книжка А. Еранцева называется «Глубокие травы». В его стихах есть та самая глубина, которая дает каждой строчке дополнительную эмоционально-смысловую нагрузку.

Вставало утро. Было сыро, тихо.
Не суетилась ни одна душа.
Отбитая от стаи журавлиха
Успела дотянуть до камыша.
Грачи скрипели в роще тополиной
И оседали старые стога,
И облако проплыло над долиной,
И в той долине умерли снега.
Среди полей дотаяли туманы,
Остыли звезды в синей вышине,
И в глубине земли проснулась мама,
Чтоб долго-долго думать обо мне.

Сразу же приходят на память слова одного из героев Андрея Платонова: «...Мертвые матери тоже любят нас». И дальше сам собой возникает образ матери-земли, всегда живущей заботами своих детей, образ Родины, неумирающей, вечной, как плывущие над долиной облака, как стынущие в синей вышине звезды. Умение увидеть сегодняшнюю страницу собственной жизни, народной судьбы на фоне необратимого движения времени — особенность многих стихов А. Еранцева. Она заставляет читателя свои помыслы, чувства, поступки соотносить с делами и стремлениями истинной крылатости и недюжинного размаха. Вот, скажем, его стихотворение «Памяти Гагарина». В нем всего двенадцать строк...

В святом бою теряем лучших.
Уходят, смертью смерть поправ.
А что для солнца свежий лучик?
А что для пашни свежий прах?
Все глубже небо голубое,
Все ярче озимь по весне,
Все больше траурных пробоин
В Кремлевской каменной стене.
За всю планету плачут мамы,
Россия сдерживает крик.
И жизни мало, сердца мало,
Чтоб те пробоины закрыть.

При всем разнообразии голосов, отличающем нашу сегодняшнюю поэзию, при всей неравномерности ее развития несложно тем не менее уловить такую, уже определившуюся ее черту, как стремление к естественности, которая не терпит позы, ложной многозначительности, самолюбования. Молодая поэзия привыкает анализировать не только заведомо усложненные ситуации и связи, но и те, что в силу каждодневной своей повторяемости кажутся уже ясными до прозрачности, хотя в действительности таят в себе так много непознанного, неразгаданного.

Тяга к естественности, к предельной органичности образа ни в коей мере не снижает возможностей поэзии с точки зрения ее способности поддерживать необходимую температуру гражданственного накала строки. Точно так же возросшее внимание к подробности у настоящего поэта никогда не заслонит огромного мира больших страстей, напряженнейших в истории человечества противостояний. Когда начинают говорить о несоединимости этих начал, мне вспоминаются стихи Юрия Фатнева. Его поэтическое видение отмечено пристальностью взгляда, той особой образностью, в основе которой нерастраченная способность удивляться, каждый раз с неподдельным изумлением открывая в давно уже знакомом и привычном все новые и новые ростки чуда.

Гром внезапно о себе напомнил,
Расколовши небо пополам.
Корни распускающихся молний
На мгновенье приросли к стогам.
Стало остым, очень острым зренье
И увидел я издалека:
Сбила капля первая с сирени
Желтого ленивого жука.

Поэт уверен, что «можно сквозь одну росинку увидеть все сиянье дня». И, что гораздо важнее, он к этому стремится. И тогда даже самый маленький из исследуемых им плацдармов жизни приобретает статус частицы планеты, одного из звеньев бытия. И все сказанное читателю требует уже иных масштабов восприятия.

Земля искала в песне облегченья,
Когда ее хватал за горло век.
И возникало плавное теченье
Мечтательных и чуть печальных рек.

Искусство художественной детали, точно и зримо воссозданная подробность, желание не пропустить ни одного мига, уловить даже неясный намек — все это у Ю. Фатнева не самоцель. Любовь к жизни, к людям, к родной земле делает для него бесценной даже самую малую их крупицу: «Я собираю Родину по строчке, как первые подснежники в букет». И еще знает он, что жизнь человека измеряется не столько своей протяженностью, сколько предельной наполненностью каждой ее частицы высоким смыслом горения и борьбы. Поэт говорит об этом мужественно и просто:

Не надо мне
Ста лет для счастья —
Мне хватит
мига одного,
Лишь был бы шар земной
Причастен
К мгновенью счастья моего!

Менее всего эти строки следует воспринимать как еще одну вариацию на ставшую ныне модной тему — я и Вселенная. Какую бы микроскопическую подробность или крупномасштабную категорию ни включил Юрий Фатнев в «силовое поле» своего стиха, мысль и чувства его всегда социально конкретны. Их неиссякаемый исток — любовь к социалистической Отчизне, окрыленность коммунистическим идеалом. «Если верю во что-то упрямо, то лишь в святость советских знамен» — эти слова поэт произносит убежденно, искренне, вдохновенно. Они удивительно органично вплетаются в живую ткань строфы, сообщая ей подлинно высокое звучание. Но и без лозунговых провозглашений и публицистических афоризмов в каждом стихотворении, чему бы оно ни было посвящено, мы слышим голос нашего молодого современника, мыслящего не безудержно расширительными, бог знает на кого рассчитанными понятиями, а четко представляющего, во имя каких свершений зовет нас в атаку «огнекрылого знамени взмах».

У названных здесь поэтов, разумеется, не все безупречно. Иной раз вызывает досаду отсутствие дерзости в освоении новых тем, в другом случае бросается в глаза чересчур уж усердное следование хрестоматийным образцам... Но не будем забывать об оптимистической гипотезе, которая предполагает в человеке и чувство неудовлетворенности достигнутым и способность в стремлении к цели благополучно расставаться с отягощающим шаг балластом. Не меньше, чем в строгости, каждый по праву входящий в поэзию нуждается в мудрой доброжелательности. Беспощадно ополчаясь на серость, не давая спуску бойкому сочинительству, постараемся все же не разучиться примечать появление каждого нового дарования. И да не забудем, что долгожданное «Вижу землю!» раздается из бочки на мачте чаще всего тогда, когда там находится не только зоркий, но и по-настоящему верящий в удачу матрос.

К 100-летию со дня рождения А. П. Чапыгина

ГОРЬКИЙ ИМ ВОСХИЩАЛСЯ

«Пост литератора в России — пост трудный и требующий от человека строжайшего отношения к себе самому,— прежде всего» — этими словами А. М. Горький заканчивал письмо-напутствие начинающему А. П. Чапыгину, сорокалетнему мастеровому, неожиданно почувствовавшему тягу к словесному искусству и обратившемуся к своему знаменитому соотечественнику за советом и помощью в издании своей первой книги.

С редкостной теплотой и заботой относился А. М. Горький к художественным поискам А. П. Чапыгина. Читаешь их переписку и поражаешься, как свободно, просто складывались тогда отношения знаменитого Горького с начинающим литератором, с каким вниманием вникает он в еще далекие от совершенства вещи, находя в них «знание материала, уменье наблюдать и — верное отношение к людям: отношение правдивого свидетеля их жизни, а не судьи и не учителя их». «Дело пойдет хорошо», внушал Горький, если писатель будет учиться «видеть всю многогранность каждого явления жизни», «и, присматриваясь к блеску жизни, ко всем ее огням, правдиво, кратко и просто — просто!» — рассказывать «людям о том, как они живут».

А. М. Горький полюбил А. П. Чапыгина, называл его «замечательнейшей фигурой в литературе русской», «большим, оригинальнейшим художником».

Подлинную славу Чапыгину принес роман «Разин Степан», опубликованный в 1925—1926 годах.

Горький восхищался этим романом, по-хорошему завидовал «шелками вытканному» широкому полотну, показавшему столько прекрасных людей российской действительности середины XVII столетия: «Разин» — колоссальное создание истинного художника — под таким титулом эта книга и будет внесена в историю русской литературы... Читая «Разина», я переживаю... потрясающий восторг, невыразимое словами волнение и радость за вас, и зависть к вам. Страстно хотел бы, чтобы вы поняли, почувствовали этот мой, вами созданный, праздник и по моей радости еще более укрепили вашу силу художника».

И действительно, прошло с тех пор много лет, а эта «прекрасная и мощная книга» попрежнему радует миллионы читателей.

А. Чапыгин обратился к личности Степана Разина не случайно. Многих писателей и историков влекла незаурядная личность вождя крестьянского восстания середины XVII века. До русской пролетарской революции дворянские и буржуазные историки и писатели старались сделать все, чтобы предать забвению само имя Степана Разина и его помощников, но народ любовно хранил все, что касалось его личности, пронес через столетия великую благодарность к человеку, боровшемуся за освобождение угнетенных людей, за осуществление народной мечты о справедливой жизни на земле.

Идея освобождения народа от эксплуатации и угнетения стала для Разина главной, основной, решающей в его жизни. Сильная сторона образа Степана Разина раскрывается в его отношении к дворянско-боярскому классу. Разин Степан — воплощение глубокой ненависти всего народа к господствующей верхушке. В первом же монологе Разина раскрывается его отношение к существующему порядку, к религии, к народу: «Не бог я и богом быть не хочу... Ходил по монастырям, на народ глядел... веру пытал... Верю ли я, не знаю того... Ведаю одно — народ молит бога с молитвами, слезами да свечами, а кругом — виселицы, дыба и кнут... Богач жиреет, а народ из последних сил тянет свой оброк... от воеводы по лесам бежит. Палачам за поноровку, чтоб помене били, последние гроши дает, а у кого нет, чем купить палача, ино бьют до костей... Пытал я бога искать, да, должно, не востер в книгочеях. Вот брат мой старшой, Иван Разин, чел книги хорошо и все клянет... Не бога искать время, искать надо, как изломить к народу злобу боярскую».

А. П. Чапыгин впервые в русской литературе дал реалистический образ Степана Разина, показав его многогранной, сложной, противоречивой личностью, сыном своего времени и сословия, в котором причудливо сплавились и лучшие стороны русского национального характера и исторически ограниченные его черты.

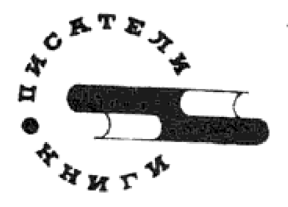
Роман Чапыгина высокохудожествен, так как в нем даны типические характеры для того времени, созданы образы, внутренний мир, психология которых соответствуют тем условиям, которые существовали в эпоху, изображаемую автором.

В 30-е годы А. П. Чапыгин написал две автобиографические книги — «Жизнь моя» и «По тропам и дорогам», роман «Гулящие люди», который так и остался неоконченным.

Советская литература вправе гордиться выдающимися произведениями в области исторического романа, среди которых «Петр Первый» А. Толстого, «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Дмитрий Донской» С. Бородина и другие. Имя Алексея Павловича Чапыгина стоит в этом ряду одним из первых.

Своим «Разиным» он навсегда останется в истории русской советской литературы как большой мастер советского исторического романа.

Виктор ПЕТЕЛИН

СОЦИАЛИЗМ И ЧЕЛОВЕК

Социализм и личность, социализм и революционная, созидательная гуманность — вот стержневая проблема, делающая такой значительной книгу критико - публицистических очерков Н. Абалкина «Оружие гуманизма».

Беря в подспорье мысль Горького о подлинном гуманизме как великой наступательной силе, «призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, жадности, пошлости, глупости — от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда», Н. Абалкин именно с этих позиций рассматривает литературный процесс. Острая аналитическая мысль автора, широко охватывая современное творчество, возвращается к произведениям М. Горького, А. Фадеева, Ф. Гладкова, Л. Сейфуллиной, А. Серафимовича и других советских классиков, чтобы подтвердить единство, общность нравственных критериев сегодняшнего дня.

«Эти критерии литературы,— пишет Н. Абалкин,— не обособлены от действительности, они заложены в самом укладе нашей жизни. В этом их достоверность и жизненность».

Автор книги с гневом вспоминает о зарубежных писателях Эжене Ионеско или Сэмюэле Беккете, «выдающих себя за пророков новой, сверхсовременной литературы».

«...Они опошляют человека,— пишет Н. Абалкин,— измываются над ним, то затискивают его в мусорный ящик, то закапывают в землю, оставляя на ее поверхности лишь голову. Они предали человека! Им не светит, их не ведет в день завтрашний яркая путеводная звезда, зажженная от лампы, поставленной матерью на подоконник родного дома». Не имея испытанного компаса гуманизма, лжеоткрыватели новых якобы материков искусства на деле выполняют волю буржуазии, способствуя распаду, уничтожению личности.

Народ и человек, герой как полномочный представитель народа — вот где справедливо усматривает Н. Абалкин первооснову духовной цельности каждого художника, первопричину жизненной устойчивости его творческих позиций.

Любовь к родине определяет впечатляющую силу полесской хроники «Дыхание грозы» Ивана Мележа, романа Петра Проскурина «Исход»... Прослеживая плодотворное развитие этой же большой темы в ряде других произведений, Н. Абалкин показывает, что правда, справедливость, большая доброта социалистического гуманизма ничего общего не имеют со слащавой моралью добреньких христианских проповедей. В этом плане, пожалуй, нельзя не согласиться с автором книги, когда он упрекает автора поэтичнейших «Владимирских проселков», глубоко русского писателя Владимира Солоухина в том, что в «Письмах из Русского музея» писатель-современник предстал вдруг перед читателями «в слишком уж воинственной позе этакого неославянофила, что ли...».

Оставляя каждому литературному таланту право на свои пристрастия, свои эстетические вкусы, Н. Абалкин неуклонно требует глубокой идейной осознанности творчества. На ряде примеров критик доказывает, что явления действительности — пусть даже талантливо и ярко воссозданные только во внешнем их проявлении, вне их глубинной сути — уводят писателя от большой цели, закрывают перед ним далекую жизненную перспективу... Подробно разбирает критик с этой точки зрения произведения В. Розова и А. Володина... «Утешительство, добренький гуманизм,— пишет Н. Абалкин,— неизбежно становятся уделом драматургии «просто человека». Она опекает его, не отходит от него ни на шаг, никуда его не зовет, не открывает перед ним пути к достижению больших целей».

Любое жизненное явление само по себе не есть еще явление искусства: оно обретает это качество, лишь пройдя через горнило высоких гражданственных представлений художника о действительности.

«Социализм — это человек во весь рост»,— напоминает критик слова Леонида Леонова, которые могут быть эпиграфом к книге Н. Абалкина. Написанная горячо и страстно, пером знатока литературы и превосходного писателя-публициста, она читается на едином дыхании, воюет за человека-героя.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Н. Абалкин. Оружие гуманизма. «Советский писатель», 1970 год.

Александр КОВАЛЕНКОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. БЛИОХА

ШОФЕР РАЗУМОХИН

I

То, что следователь Отцов называет методом «раскачивания», можно объяснить так: хорошее, плохое, хорошее, плохое; тезис, антитезис и результат — синтез — обвинение. Оправдывать следователь Владимир Отцов не любил.

Пожалуй, для иллюстрации его метода можно вспомнить две строки: «Лучше быть вовремя дураком, чем не вовремя умным». Но интересней провести историческую аналогию, использовав цитату из старинного «Пытошного устава» — книги в кожаном, изъеденном червячком-древоточцем переплете.

На желто-серых, украшенных красными заглавными буквицами страницах этой древней книги сказано: «Ежели опрашиваемый не сознается, обвязать ему голову вервием и крутить, тянуть это вервие дондеже не вкидет тать во изумление...»

Следователь Отцов был приверженцем доктора и философа Зигмунда Фрейда, диапазон его знаний простирался от седой древности до новейших завоеваний современной так называемой паранормальной психологии; эти знания, эту эрудицию Владимир Отцов и попытался применить в странном деле шофера Разумохина. Наше мнение — человека вполне порядочного и даже склонного к героизму, а по мнению следователя Отцова,— неумного «Тепы-колуна».

II

— То, что Евгения Викторовна сказала до этой фразы, гражданин следователь, я не помню. Точней, смутно вспоминаю. Думал о своем. А ее произношение фразы: «Так, значит, ты думаешь, на Фаэтоне доигрались»,— помню очень даже хорошо.

— А что сказал Ермонский?

— Он сказал: «Думаю, на Фаэтоне была известна атомная энергия. И, вероятно, там доигрались... Возможно, жители исчезнувшей планеты подверглись нападению извне. «Церера», «Юнона» — это слишком крупные осколки, не может быть, чтобы они были следствием обыкновенной атомной катастрофы».

— А почему вы стали прислушиваться именно в этом пункте беседы? — спросил следователь.

— Да потому,— сказал шофер, что слово «фаэтон» мне очень даже известно. Так называли старинные экипажи, повозки то есть.

— Да,— согласился следователь,— вид вашей «Волги», что говорить, не ахти.

— То-то и есть,— сказал шофер,— ржавчина, кое-где вмятины; наши здешние дороги — только гляди-поглядывай...

— Ваши товарищи говорят, что вы шофер экстра-класса...— И здесь следователь вновь стал соображать. Машина повисла над пропастью на самом краю горной асфальтированной дороги. Равновесие было столь шатким, что от самого слабого толчка «Волга» начинала качаться, и странно было видеть это и думать о том, что пассажиры этой машины, наколотой, словно черная божья коровка на острие иглы, живы, здоровы, а тот, кто сидел за рулем, разговаривает ныне с ним, следователем Отцовым, и готовится предстать перед судом.

«Фаэтон»... Космическая тема и ее уголовное окончание.

«Черт его знает, какой фантастической чепухой приходится иногда заниматься»,— подумал Отцов.

— Ну и что ж, Евгения Викторовна,— сказал он вслух.— Посожалела своим женским сердцем бедных погибших жителей Фаэтона, да?

— В том все и дело,— сказал шофер,— что не посожалела. Ею было сказано: «Интересненько; вот бы посмотреть». А мне, гражданин следователь, привиделась вся эта фантастическая катастрофа. В кино и то такую картину не снимешь. Что ни момент, то гибель Помпеи. Ну и, конечно, жалость; бронированные чудовища в ихних небесах и окончание всей жизни, вполне возможно, разумной и доверчивой.

— Разумной и доверчивой? — удивился следователь и, чувствуя, что вместо серьезного и деловитого предварительного опроса получается нечто странное и даже смешное, строго сказал: — В начале нашей беседы вы, опрашиваемый мною, сказали, что, сидя за рулем, думали о своих домашних делах. Более конкретно: объясните, о чем?

— Пожалуй, можно сказать — о домашних,— сказал и улыбнулся шофер.— Вспомнил один деревянный двухэтажный дом с крашеной старинной желтой краской лестницей и одну обиженную мною очень хорошую девятнадцатилетнюю девчонку.

— Так,— сказал Отцов,— ей девятнадцать, а сколько вам?

— Тогда было двадцать два.

— Вы были женаты, да?

— Нет. Теперь имею двух детей. Мой возраст — сорок лет.

— Подробней о лестнице, о девице,— сказал следователь.— Вам никогда не приходилось дремать за рулем?

— Та девчоночка была продавщицей обуви в «Мосторге»,— сказал шофер.— Звали ее Евгенией, а когда мы с ней познакомились, она произнесла: «Женя». Так я ее и звал.

— Ах, вот в чем причина, что вы запомнили имя своей пассажирки,— догадался Отцов.— Лирический экскурс в прошлое, так сказать. А почему вы запомнили фамилию Ермонский?

— Да потому, что Евгения Викторовна, моя клиентка,— сказал шофер,— называла его Ермонский, а не по имени-отчеству, а когда так именуют своих спутников дамы,— это что-нибудь да значит.

— Что?

— А то, что обыкновенно между такими спутниками — связь,— сказал шофер.— Муж и жена или нечто вроде.

— Наблюдательно,— сказал Отцов.— Действительно, так бывает. И что же ваша девятнадцатилетняя продавщица, она вам нравилась, была связь, да?

— Не сразу,— сказал шофер.— Была вечеринка, после знакомства мы с Женей вышли из комнаты. Веселые голубые глазенки, темное платьице, и, когда она меня обняла, я волновался. Дом, как вам стало известно, с внутренней деревянной лестницей. Мы, чтобы нам никто не мешал, вверх по ступенькам; жильцы на втором этаже от шума нашей вечеринки заперлись; ну вот и стали мы с Женькой на ихней площадке без греха крепко целоваться.

— Как понять — без греха? — спросил Отцов и снова записал что-то в блокнот.

— Без греха, то есть чисто,— сказал шофер.— Взяли потом тихонько наши пальто с вешалки и руку об руку — под звезды. Зима, деревья в снегу, а мы идем и целуемся.

— Прямо на улицах? — осведомился Отцов.

— Прямо,— сказал шофер.— Дело было за городом, в Петровском парке. Я ведь коренной московский житель. А здесь после войны только. И начали с того вечера с Женей встречаться, что было нехорошо с моей стороны: нужно б тогда оставить мне связь с одной пожилой и замужней, а я эту связь продолжал. До сих пор простить себе этого не могу.

— Остановитесь на этом пункте подробней,— сказал Отцов.— Это очень важный в вашем деле пункт. Становится понятней, почему произошла авария.

Шофер посмотрел на следователя, на секунду закрыл глаза и сказал:

— Когда б не тот клен, пыли бы не осталось... А все-таки перед моей милочкой-девчоночкой я куда виноватей.

— Так,— сказал следователь,— виновный признает свою вину. Расскажите подробней.

— Почему ж не рассказать. Вот стоим мы в сенях — а жил я тогда тоже в деревянном доме,— и Женя просит: «Дай мне свои перчатки». Дело было зимой. Сходил в комнату. Взял свои рукавицы и даю ей. И, представьте, она рассердилась: «Ты... мне ни разу коробки конфет приличных не подарил». И швырнула рукавички. Да так швырнула, что правая в распределительный щиток угодила. Короткое замыкание. И остались мы вдвоем в полной тьме. И не то нехорошо, что воспользовался я этим, а то совсем нехорошо, что пошел на другой день к своей прежней, и оборвалась наша связь только летом.

— А девятнадцатилетняя? — спросил следователь.

— У нее было заражение крови,— сказал шофер,— она умерла. Но это уже позже...

Тактично сделав необходимую паузу и соображая, что было бы неверным предполагать, что подследственный лжет и просто задремал за рулем, Отцов продолжал опрос:

— Свидетель утверждает, что вы превысили дозволенную скорость. Сколько было на счетчике?

— Восемьдесят,— сказал шофер.— Восемьдесят. Хорошо помню. Евгения Викторовна — и это я тоже очень хорошо помню — сказала: «Нам бы с тобой, Ермонский, быть жителями Фаэтона». А тот засмеялся: «Ты цинична до последней степени...» Здесь я и увидел гражданина, который шел по шоссе.

— Свидетель обвинения,— встрепенулся Отцов,— он мог бы тоже стать вашей жертвой.

— Нет,— сказал шофер,— при всех случаях он бы остался жив. Сбить его на ходу, сзади... ну, как можно допустить такое? Беседу о Фаэтоне мои пассажиры прекратили. Я обернулся и увидел, как они целуются. «Не оборачивайтесь»,— сказал Ермонский. «Почему, пусть смотрит»,— сказала Евгения Викторовна... И здесь меня взяла злость.

— И на счетчике появилась новая цифра,— сказал следователь,— да?

— Зачем же,— сказал шофер,— восемьдесят, ну, может быть, девяносто... Закругление шоссе вполне допускает такую скорость. А парень, что шел по обочине, мог бы и прыгнуть вниз.

— Вы упускаете возможность оправдания,— сказал следователь.— Запишем: сдали тормоза, вы не хотели сбивать шедшего, не видящего мчащейся машины человека.

— Отчасти это так,— сказал шофер,— но только отчасти. За моей спиной была моя прежняя нехорошая жизнь. Однако я был бедней и стыдливей.— «Пусть смотрит...» — сказал бабьим голосом шофер,— сами свинячились и меня за человека не почли...

А следователь при всем своем педантизме, добропорядочном отрицании в серьезном деле какой-либо фантастики вдруг увидел внутренним оком, которое есть у каждого человека, взорванный Фаэтон, огненную космическую тьму и тех бронированных чудищ. «Качели» вознеслись вверх, и Отцов спросил:

— Так, значит, вы утверждаете, что тормоза были в исправности?

— В полной исправности. Когда я увидел клен, то и дал крен вправо. Прицелился, так сказать. И пришлось мне и моим клиентам выбираться из машины, как из качающейся люльки. Дерево сломалось. Мотор — сами видели, что с ним произошло. И хорошо, что рядом со мною на переднем сиденье никого не было. Нижняя часть дерева пропорола мой «фаэтон» до самого верха. Евгения Викторовна, как ступила на твердую землю, от испуга начала было смеяться, а потом уже в слезы. Это она предложила судебное разбирательство?

— Нет, мне было предложено вести расследование потому, что мотор вашей машины сшиб телеграфный столб. Дело серьезней, чем вы предполагаете,— почему-то солгал Отцов.

— Столба не было,— твердо сказал Разумохин.

— Был,— продолжая «раскачивание», настаивал Отцов.

...А в это время на месте аварии стали явственно видны в ночном небе звезды. Земной шар поворачивался к юго-востоку. В разрывах темных облаков проплыл Арктур, и остов автомашины с лохмотьями металла противоестественно раскачивался на торчащем обломке чинары. Н. следователь, ни шофер в разновидностях южной флоры не разбирались.

СКАЖУ О КЛОУНЕ — КЛОУН!..

Фото Ю. Зенковича

На протяжении столетий слово «клоун» отождествлялось со словами «паяц», «шут», «скоморох»... Блистательная советская клоунада начисто отменила это отождествление. Но иногда все же мне трудно бывает говорить о клоуне: клоун...

Итак, перед нами Леонид Енгибаров.

На арену он приносит с собою атмосферу, необычную для цирка. В самом деле, бывали ли здесь, на манеже, клоуны, которые заставляли бы нас размышлять, вызывали раздумья, ставили бы нравственные проблемы...

Творчеству Енгибарова, его эксцентрике свойственна такая способность. Шутя, он обращается к нашему сознанию, стремится погружать нас в глубины жизни, расширять наш духовный кругозор...

Эксцентрика становится поистине стихией клоуна Леонида Енгибарова. Но, увы, его искрометные интермедии нельзя описать: в пересказе, да еще беглом, они неизбежно теряют свою цирковую содержательность, свою внутреннюю музыкальность. В безмолвной палитре Енгибарова-мима — настоящее пиршество красок. Он выбирает их точно, взвешенно, звучат они как метафора поэта, как зов горячего сердца. Скрупулезно продумана клоуном и скрытая драматургия каждой репризы, ее конфликтная основа.

...Вот артиста вытолкнули на ринг, здесь его ждет противник значительно более сильный. Енгибарову суют в руки боксерские перчатки, но зачем они ему, что с ними делать?.. Клоун страшно боится партнера, он упирается, он не хочет драться, он убегает... Силой его возвращают на ринг. Но вот девушка, чтобы ободрить артиста, подносит ему цветы... Клоун облегченно вздыхает, а противник в это время выбрасывает букет с ринга. Ах, так?!. И теперь уже отважно, напористо Енгибаров кидается в бой: страх исчез, как и не бывало! Клоун бросается в жаркую схватку и, разумеется, побеждает...

Комический бокс и должен учить, воспитывать благородство.

Енгибаров говорит нам: «Стоять на одной руке? Могу. Но во имя чего?..» Он блестящий акробат и жонглер, но «сами по себе» жанры эти в общем-то ему ни к чему. У него они обязательно должны нести в себе отчетливую мысль, работать на идею, на воплощение драматургического замысла.

Блестяще показывает артист редкостный по сложности трюк. Он поднимает над головой кучу вещей на палке, они вдруг все сразу обрушиваются на него сверху и неожиданно оказываются все до одной на своих местах. Надета жилетка, на шее — шарф, на голове — шляпа...

А вот еще один из труднейших номеров: «Крокодил». Артист исполняет его, распластавшись горизонтально, и при этом держит себя на одной руке. В него стреляют, он защищается, раскрывая дырявый зонт...

А как он жонглирует свернутыми зонтами, забрасывая ногами каждый зонт в сумку, висящую на спине!..

Стремительность озорной игры, изысканный ее артистизм, эмоциональная сила и строгий вкус — таков Енгибаров, клоун с собственным клоунским почерком, мим по призванию: слова на арене ему не нужны.

Зрители не знают, что Леонид Енгибаров еще и боксер: не любитель-дилетант, а мастер спорта. Но любимый свой бокс он оставил на пороге цирка, посвятив себя искусству цирка.

Енгибаров еще и литератор, в журналах опубликованы циклы его новелл; сейчас он создал для студии «Арменфильм» сценарий полнометражного фильма.

Несколько лет назад Енгибаров завоевал первое место на Всемирном конкурсе клоунады в Праге, спустя год ему присудили звание лучшего в Европе мима на цирковом манеже. Единодушно пишут о нем восторженные рецензии французские, чехословацкие, итальянские, английские критики... И это все входит в «багаж» клоуна, характеризует его особый творческий облик, его неповторимость.

И. АДОВ

ВСТРЕЧА С ГОДОМ ОЛИМПИЙСКИМ

«1968 год — год Гренобля и Мехико, год X зимних и XIX летних Олимпийских игр. Этот олимпийский год доставил нам много радостей и немало огорчений. Он дал нам возможность стать свидетелями небывалой по остроте, напряжению и драматизму борьбы лучших атлетов мира. Он заставил нас удивляться новым фантастическим достижениям, которые свидетельствуют об огромных возможностях человека в спорте». Такими словами начинается только что вышедшая книга о двух олимпиадах «Год олимпийский». Отличные фотографии М. Боташева, Б. Светланова, Л. Бородулина, В. Шандрина, В. Киврина, М. Ганкина, Ю. Шаламова и Ю. Сомова являются подлинным украшением этого издания, а ее оформитель Ю. Красный и художественный редактор О. Айзман умело, с большим вкусом распорядились изобразительным материалом и создали оригинальный макет книги.

«Год олимпийский» открывается статьей С. П. Павлова — председателя Комитета по физической культуре и спорту. В ней дан серьезный разбор ошибок и упущенных возможностей. Тепло сказано о тех, кто добился в Гренобле и Мехико выдающихся побед.

В обзорных статьях, посвященных отдельным видам спорта, советские тренеры, спортсмены, писатели, журналисты рассказывают о ходе борьбы, дают исчерпывающий анализ выступлений лучших атлетов мира.

«Год олимпийский» — хороший подарок тем, кто любит спорт.

М. ХОДАКОВ

Год олимпийский. «Физкультура и спорт». Москва. 1970. Составители А. Добров, В. Денисов.

Коэффициент полезного действия — КПД! Науке и технике хорошо известно это понятие, красноречиво свидетельствующее, каково оно, качество машины, механизма. А вот в повседневном нашем быту мы порой встречаемся с коэффициентом... вредного действия — КВД. Он тоже красноречиво свидетельствует, каково оно, качество... Но не машин, а людских дел. «Коэффициент» этот, увы, многолик, многообразен и проявляется самым неожиданным образом в самых разных сферах нашего бытия.

Мы ждем ваших сообщений, дорогие читатели, — не пришлось ли вам испытать на себе этот КВД?

Коэффициент Вредного Действия

Родная мама не узнает.

ИСТИНА, ТРЕБУЮЩАЯ... ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

М. ЦЕБОЕВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

На прием к автомату.

«Автоматы — наши помощники, они облегчают труд и экономят время». Это аксиома. Однажды мы усомнились в ней... проезжая по столичной улице Горького и увидев весьма солидных размеров очередь. Куда такое паломничество? Вывеска лаконично объясняла: «ФОТОАВТОМАТ».

Нам, признаться, не приходилось пользоваться этим современным устройством, облегчающим труд фотографов, но длинный хвост убеждал в том, что та часть аксиомы, в которой говорится об экономии времени, не выдерживает критики.

Что ж, проверим. На следующий день мы на улице Горького. Встаем в очередь и засекаем время. Очередь сегодня короче, чем вчера, потому что

Борис ЕГОРОВ

Рассказ

Брендаковы принимают иностранца

В доме Брендаковых готовились к приему иностранца.

Несколько месяцев назад глава семейства посетил по делам службы далекую и туманную страну Терренкурию. Принимал его там один из директоров небольшой фирмы, Билли Бонс. И теперь в учреждение, где работал Петр Васильевич Брендаков, пришла телеграмма: Бонс прибывает с ответным визитом.

Как только депеша была получена, начальник вызвал к себе Петра Васильевича и сказал:

— Ну что ж, Брендаков, вот так, Брендаков! Ты был в Терренкурии. Тебе и принимать гостя. Дома, конечно. Здесь официально должен оказать ему внимание, разумеется, я сам. Устроим товарищеский... впрочем, он не товарищ... устроим ему господский чай. Покажем свои диаграммы. А ты пригласи его к себе на обед.

Уточнили организационные подробности: завтра днем Петр Васильевич встречает иностранца на аэродроме, везет в гостиницу. На работу больше не приходит. Не появляется он в учреждении и на следующий день: не позволит бремя домашних забот.

А в три часа шофер привезет Билли Бонса на обед к Брендаковым. Переводчика гостю не надо: он прилично говорит по-русски.

Вернувшись домой, Петр Васильевич сказал жене:

— Хочу сообщить тебе, Варя, новость: к нам едет Билли Бонс. И есть такое мнение, что он должен у нас дома обедать.

— Когда? — спросила жена. Она была женщиной энергичной, деловой.

— Послезавтра. В три часа дня.

Варвара Кузьминична подошла к зеркалу.

— Выгляжу я хорошо, но не причесана. Мне надо в парикмахерскую. А каков он собой, этот Бонс?

— Я уже рассказывал. Лет около сорока. Стройный такой. С легкой сединой.

— Так. Понятно. В парикмахерскую надо идти не в нашу, а на Кузнецкий мост. Дальше?

— Ну, в общем, приятный, скромный такой мужик.

Варвара Кузьминична брезгливо поморщилась:

— Мужик... Следи за своей речью. И давай подумаем, как будем принимать господина Бонса. Позови маму.

С кухни пришла Марфа Силантьевна — маленькая худая старушка в синтетическом платочке, на

котором были изображены благородные пейзажи Терренкурии.

— Мама, послезавтра к нам приезжает гость из Терренкурии.

— Откуда, дочка?

— Оттуда, куда ездил Петр. И где он купил тебе этот платок. Словом, иностранец будет. Что мы можем приготовить на обед?

Марфа Силантьевна неопределенно пожала плечами:

— Да что скажешь... Щи сварить... Или окрошку сделать. Картошечки молодой купить. Вчерась на базаре продавали. Огурчики малосольные видела — загляденье. Селедочка в холодильнике лежит. Надо бы съесть, покуда свежая... Ну, а что пить будете, сами решайте. Водку или...

— Хватит! — перебила Варвара. — Все ясно: водка, селедка, огурцы. Примитив! Чайная сельпо. Ты пойми: иностранец! Впрочем, иди. Я сама решу.

Когда Марфа Силантьевна ушла, Варвара сказала мужу:

— Мать на время обеда надо куда-то спровадить. Будет здесь ходить, мешаться. Покуда... вчерась... Купи ей билет в кино на две серии.

— В нашем клубе фильм односерийный.

— Тогда на два сеанса. С первого она трудно понимает. Ах, голова кругом идет! Скажи, Петя, чем мы будем угощать господина Бонса? Дай-ка поваренную книгу.

Полулежа на тахте, Варвара листала кулинарные рецепты.

— ...Та-ак. Рагу из гематогена. Гематоген залить холодной водой... Рекомендуется при истощении и малокровии. Не то. Мармелад из тыквы и ревеня... У кого ожирение. Скорее для меня. А вот это уж вещь: бульон консоме. Еще: брюссельская капуста... Жюльен. Боже мой, артишоки отварные! Но их, конечно, на рынке нет. Эстрагон, майоран, дандур! Петя, сейчас я тебе составлю список, что купить.

После поваренной книги Варвара изучала словарь иностранных слов. Но за оставшееся до сна время успела проштудировать только те слова, которые начинались на «а». Отдельные даже выписала. И когда утром муж, увидев на столе листочек, спросил, что это такое, она ответила:

— Абреже. Выписки. Если мы не говорим по их... по-терренкуриному или — как правильнее? — по-терренкурски, то надо знать слова хотя бы европейские. И одевайся поскорей. Тебе — на рынок. Что ты как полусонный?

моросит дождь. Проходит час, и мы наконец входим с улицы в помещение. На стене табличка: «9 фотографий за 9 минут. Размер 3 × 4 сантиметра. Стоимость 25 копеек». И другая: «Приготовьте 10 и 15 копеек».

Приготовьте... Лихорадочно роемся в карманах, разыскивая монеты вышеозначенного достоинства. Не находим. Может, разменяют? Нет, сами должны... Мчимся в соседние магазины, булочную, киоск. Умоляем разменять. Тщетно. Бежим дальше по улице, туда, где не знают еще назойливых посетителей фотоавтомата. Монеты найдены.

Кресло подымается на необходимый уровень, автомат три раза хлопает шторками. Смотрим на часы. С тех пор, как мы встали в очередь, прошло 99 минут. Еще через девять минут получим собственные изображения. 99 плюс 9. Вот вам и аксиома — истина, не требующая доказательств.

По чьей же вине так легко и убедительно опровергаются аксиомы?

Пока наши фотопортреты проявляются, фиксируются и сушатся, беседуем с Валей Фокиной, механиком.

— Когда в ГУМе выходит из строя автомат,— говорит она,— что случается нередко, то хвосты очередей резко вырастают у нас и в Сокольниках, где установлен третий фотоавтомат. Всего их в Москве три, маловато, конечно, для столицы. В Ленинграде их больше — семь штук. Автомат в ГУМе уже несколько дней бездействует. Мы заканчиваем рабочий день на полтора-два часа позже, чем положено. По своему желанию, конечно. Ведь люди иногда стоят по три часа. Жалко их.

В дальнем углу помещения стоит какой-то большой предмет под аккуратно сшитым белым чехлом. Что там? Оказывается, тоже фотоавтомат. Зарубежный. Делает фото за три минуты.

— Почему же он не работает? Сломан?

— Нет, исправен. Просто бумаги нет для него. Импортной...

— И давно бездействует?

— Года два.

...Наконец автомат выбрасывает фотокарточки. Одному из нас повезло: три отпечатка из девяти можно с натяжкой назвать резкими, у другого — абсолютный брак. Бумага не просохла, покрыта желтыми пятнами, местами сморщилась, с одной стороны позитив, с другой — негатив. Что делать? Опять платить? Нет. В аппарате системы Венгеровского этот случай предусмотрен. При браке автомат срабатывает без монет.

Все познается в сравнении. В срочной фотографии № 18 на улице Лесной, дом 3, мы простояли в очереди 9 минут. Часа через полтора (а может, через 99 минут, тогда опять получается: 9 плюс 99, только наоборот) мы получили шесть доброкачественных снимков. Их сделал Владимир Рудольфович Рафалович. Мы буквально втиснулись к нему в лабораторию площадью два квадратных метра. У автоматов условия гораздо роскошнее. Но и в такой тесноте человек делает сотни отпечатков в день.

Таким образом, на практике мы убедились, что встречаются в жизни аксиомы, требующие опровержения. Обидно за аксиомы.

Уважаемые товарищи из Министерства бытового обслуживания населения РСФСР, Министерства химической промышленности СССР и товарищи из других организаций и ведомств, виновные в мытарствах людей, желающих быстро получить свои фотоизображения! Давайте не будем опровергать аксиомы! И давайте создадим автоматам все возможности быть автоматами! И еще один вопрос: как же так, куплен за рубежом фотоавтомат, а вот уж второй год стоит он недвижимо, мертвым капиталом?

— Чувствую себя неважнецки. Простудился, наверно.

— Это у тебя аггравация.

— Болезнь?

— Нет. Преувеличение нездоровья, мнительность.

— Господи, какими словами ты говоришь! Как будто в аспирантуре училась.

— Я автодидакт. Самоучка. Память у меня — у других не занимать. И тем не менее про одну вещь забыла... У нас нет музыки. Что будет слушать господин Билли Бонс в нашем доме?

— Музыки нет,— согласился Петр Васильевич.— Но можно взять у соседей проигрыватель. И пластинки.

— Не пойдет. Антураж не тот. Рязанский хор. Всякие там саратовские страдания... Пойми, Билли Бонс — это Европа! Зайди-ка лучше к Люке и попроси магнитофон. Ах, какие у нее записи! У-у-у-ля-ля! Фю-и-ть! Это — «Бопси-топси». Поет Джонатан Сюсси. И еще он поет: «Поговорим, деточка, с глазу на глаз в половине одиннадцатого...» Фю-и-ть!

— Но...

— Никаких «но». Если ты не достанешь музыки, я отказываюсь принимать твоего гостя и заявляю о своей абдикации.

— А это что такое?

— Отречение. Отставка. Так что слушай меня и не проявляй абулию.

— Абулию?

— Да. Безволие. Сказано — сделано. А я тем временем займусь фотографиями. Наш альбом в страшном беспорядке. А его, конечно, надо показать гостю. Наглядная агитация! Помнишь, мы ехали с Люкой на юг и остановились в Ивандамарьевке, фотографировались у кафе.

— Ах, это у кубика? У стекляшки?

— Фу! Как ты говоришь?! Не стекляшка, а аквариум.

— Понастроили их везде.

— Вот и хорошо! Пусть видит Билли Бонс, как живет наша деревня. Черный кофе пьют из экспрессо в аквариумах. Политика!

...Брендаковы стояли у двери и слушали каждый шорох на лестнице. Часы пробили три, а гостя из Терренкурии еще не было. Он явился только через полчаса.

Вошел, поклонился и вручил хозяйке подарок, завернутый в лакированную бумагу, перевязанную золотистой лентой.

Варвара Кузьминична даже растерялась. Сказала только:

— Какой амбалаж!

— Амбалаж?— переспросил гость.

— Да. Упаковка.

— Понимаю.

— Петя, приглашай господина Бонса в комнату.

— Спасибо, спасибо,— сказал гость.— Но я сначала должен сказать извинение. Я ходил смотрел магазин. И немного заблудился.

— Вы ходили один? Петя, как ты мог такое допустить?

— Петр Васильевич не виноват. Он мне предлагал ходить вместе, но я люблю — как это — са-мос-то-я-тэл-ность. Чужой город один изучаешь лучше.

— Да, конечно,— согласилась Варвара Кузьминична.— Но если вы что-то хотели купить, то мы могли бы вам помочь.

— О, да! Я буду просит помощь. Мне надо матрешки, балалайка, косоворотка, шапка-кубанка. Правильно я говорю? Казачья такая шапка. Будем делать новая мода.

— Мода?

— Ну да. Так мы взяли у вас русский сапожки... Это бизнес.

Оказалось, что господина Бонса интересуют также пластинки с записью русских песен, некоторые рецепты русской кухни и одна деталь архитектурного оформления, название которой Бонс вспомнил не сразу. Но все же вспомнил:

— На-лиш-ник.

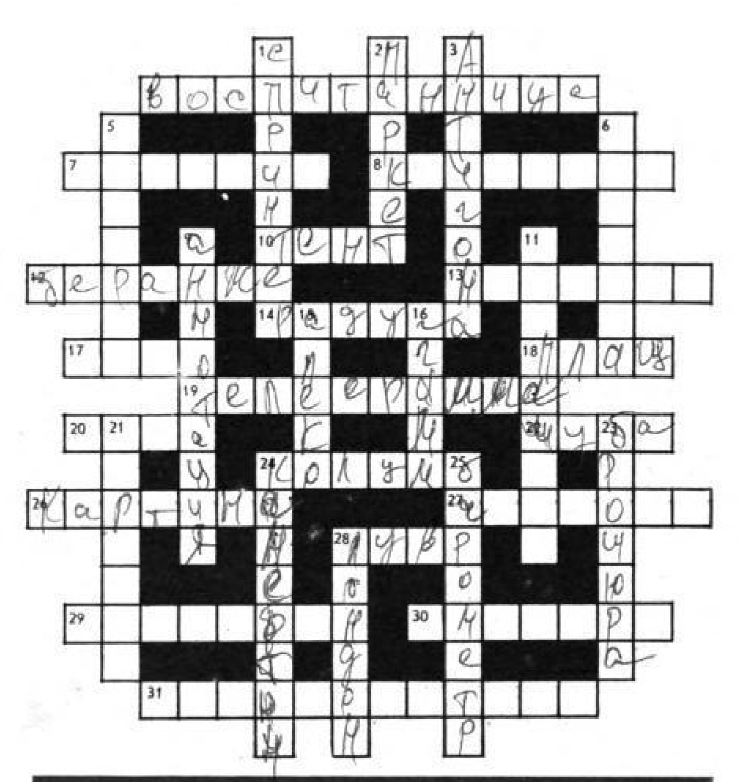
Пояснил:

— Это братья меня просили. Они тоже бизнесмены.

Для чего бизнесменам нужны наличники и русские песни, Варвара Кузьминична спрашивать не стала. Она была бледна.

Всегда тихий и покорный, Петр Васильевич легонько толкнул ее в бок и язвительно произнес:

— Ну, каков амбалаж?

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Пьеса А. Н. Островского. 7. Государство в Европе. 8. Звено механизма, которое совершает полный оборот вокруг неподвижной оси. 10. Навес. 12. Французский поэт-песенник. 13. Спутник планеты Нептун. 14. Оптическое явление в атмосфере. 17. Река на Пиренейском полуострове. 18. Непромокаемое пальто. 19. Срочное уведомление, депеша. 20. Поэма Н. А. Некрасова. 22. Зимнее пальто. 24. Выдающийся мореплаватель. 26. Произведение живописи. 27. Штат США. 28. Музей в Париже. 29. Сорт яблок. 30. Озеро на Кольском полуострове. 31. Способ изображения предмета на чертеже.

По вертикали: 1. Бегун на короткие дистанции. 2. Дощечки для настила пола. 3. Трагедия Софокла. 5. Курорт в Ставропольском крае. 6. Областной центр на Украине. 9. Краткая характеристика книги, статьи. 11. Сельскохозяйственное орудие. 15. Опера С. В. Рахманинова. 16. Мера массы. 21. Южное плодовое дерево. 23. Небольшая книга. 24. Источник звука. 25. Прибор для измерения атмосферного давления. 28. Столица европейского государства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 3. Пятигорск. 7. Конопля. 8. Аметист. 9. Обод. 10. «Анджело». 12. Граб. 16. Пилотаж. 17. Гардина. 18. Амплитуда. 21. Баталов. 22. Помидор. 25. Ария. 26. Вельвет. 27. Сеть. 30. Квартет. 31. Эфиопия. 32. Платформа.

По вертикали: 1. Штольня. 2. Примула. 3. Плот. 4. Кута. 5. «Колобок». 6. Эстрада. 9. Олимпиада. 11. «Жерминаль». 13. Бандероль. 14. Макаров. 15. Каталог. 19. Калитва. 20. Микешин. 23. Тегеран. 24. Земфира. 28. Трап. 29. Сова.

На первой странице обложки: Школьницы села Микряково, Марийской АССР, Лиза Токтарева и Шура Сильвестрова — участницы девичьего ансамбля гусляров.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Москва. Останкино. Осень.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

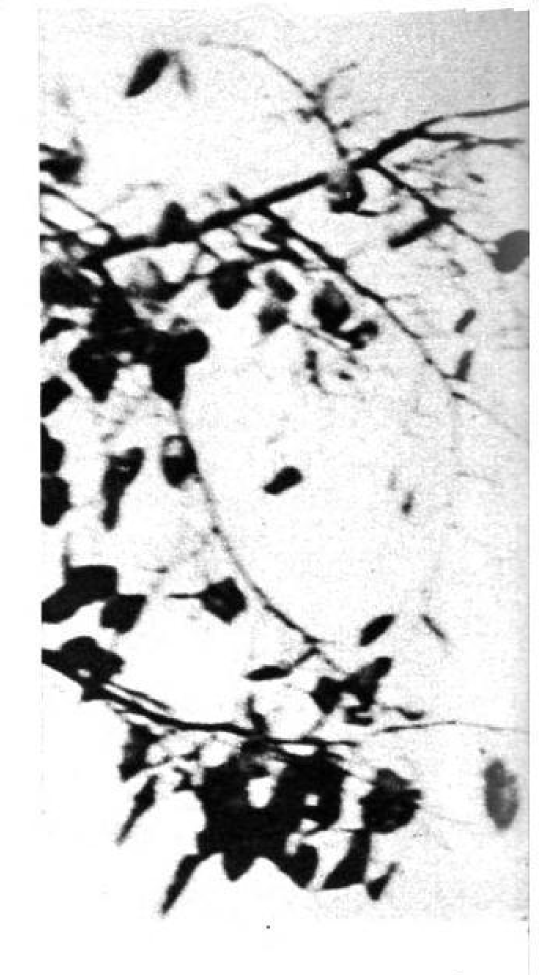
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/Х-70 г. А 00476. Подп. к печ. 20/Х-70 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2021. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2748.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В перерыве между съемками.

«МОЛОДЫЕ»

Н. МИХАЙЛОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

— Мы надеемся, что наша работа вызовет интерес у молодежи,— говорит режиссер нового цветного широкоформатного фильма «Молодые» (киностудия «Мосфильм»), хорошо известный зрителям по «Журавушке», Николай Москаленко.

Посвященная молодым строителям Москвы, картина снимается по сценарию А. Червинского; среди героев — студенты, простые рабочие ребята. На экране будет показана вся их жизнь — с успехами и неудачами, заботами и отдыхом, радостями и огорчениями...

— Мне кажется,— продолжает свой рассказ Н. Москаленко,— что за последнее время появились фильмы, где молодежь чаще всего представлена зрителям в несколько сомнительном качестве натур скептических, мало с чем согласных, всегда и во всем сомневающихся, слишком пространно рассуждающих о себе и только собою озабоченных...

Хочется сделать картину,— говорит режиссер,— о таких парнях и девушках, которые руками своими создают богатство страны, ее материальные и моральные ценности; о настоящей трудовой молодежи, способной продолжить дела отцов своих на переднем крае.

От режиссера мы узнаем, что в фильме наряду с признанными мастерами кино — Мордюковой, Пельтцер, Ларионовой, Джигарханяном — снимается много молодых актеров из разных театров столицы: Николай Сергиенко, Нелли Пшенная, Михаил Кокшенов и другие.

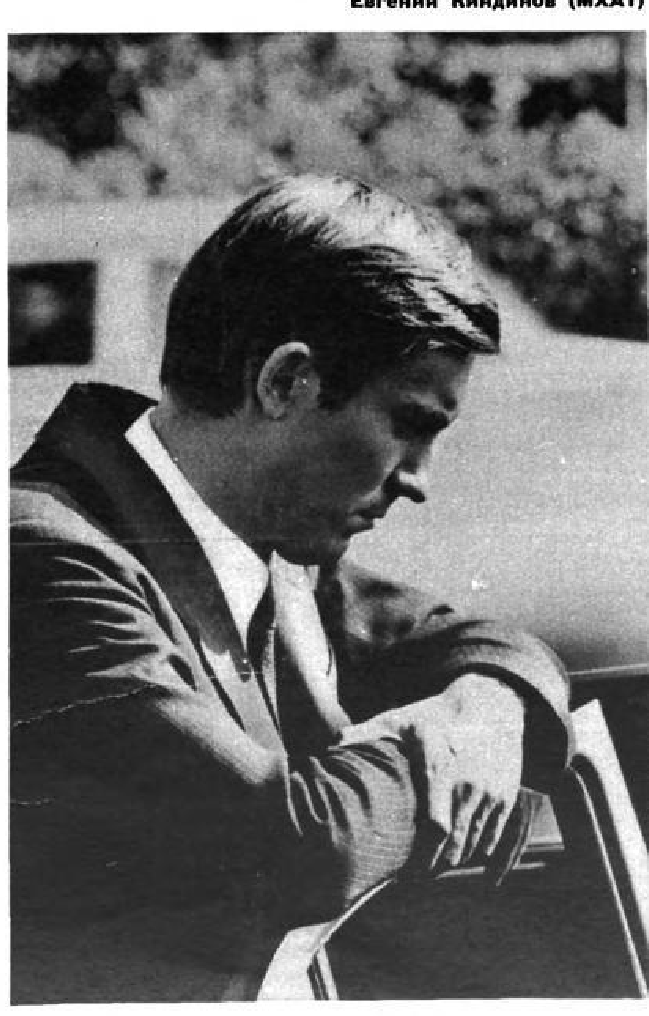
В главных ролях заняты Евгений Киндинов и Любовь Нефедова.

...Исполнительнице роли героини Любе Нефедовой приходится нелегко: основная ее специальность — инженер-конструктор; съемка в «Молодых» для Любы — первая работа в кино. Характеры героини и самой актрисы совсем не похожи. Трудно Любе еще и потому, что непросто преодолевается робость перед кинокамерой, внутренняя скованность перед десятками внимательных глаз, устремленных на актеров во время съемок.

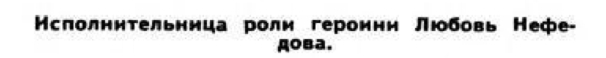
С творческим коллективом «Молодых» мы прощаемся на стройке высокого здания. Здесь, на четвертом этаже, устанавливается киноаппаратура. Николай Олоновский, оператор фильма, советуется с рабочими-осветителями: как быть — день пасмурный, а съемка требует солнечной погоды... Через несколько минут весь этаж залит ослепительным светом дымящихся «дигов».

Начинают снимать очередной дубль...

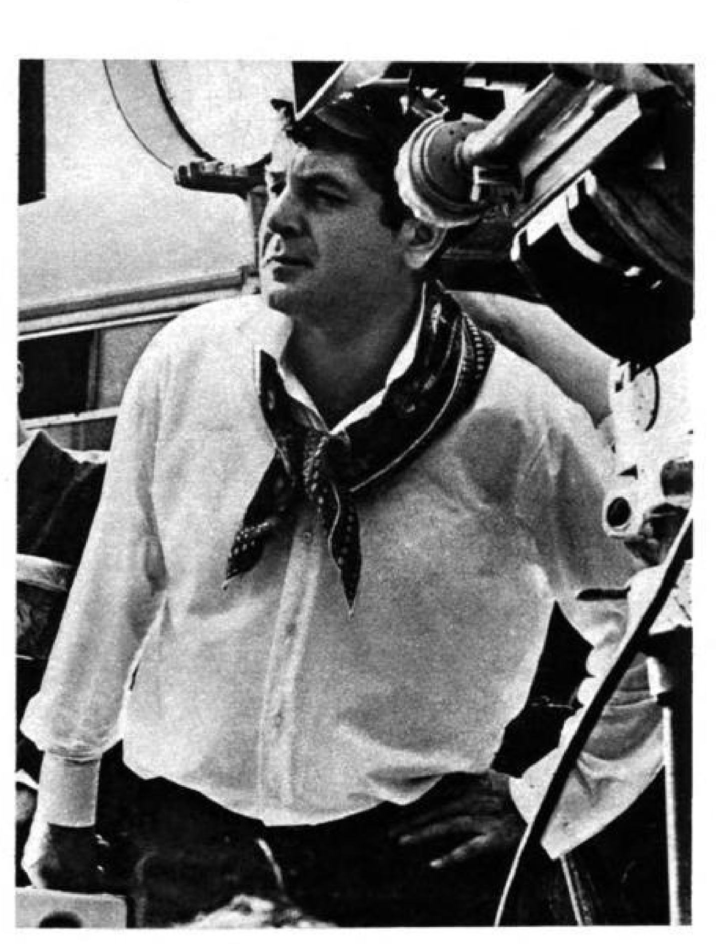
Евгений Киндинов (МХАТ)

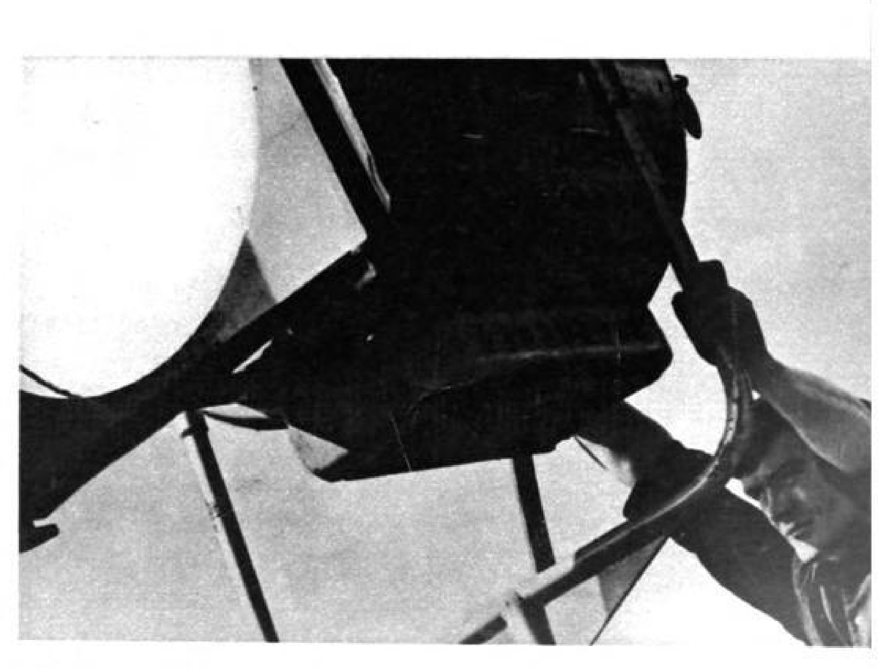

Исполнительница роли героини Любовь Нефедова.

Режиссер Николай Москаленко.

Побольше света!..

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.